

СВЕТАНА КАЗАКОВА

ГОРОД, ГДЕ ЖИВЕТ МАГИЯ

Вероника Солнцева становится свидетельницей убийства декана Университета Магии. Теперь девушка больше не может чувствовать себя в безопасности. Маг Дарий Княжевич — единственный, к кому она решает обратиться за помощью. Станет ли Вероника пешкой в чужой игре или сможет противостоять обстоятельствам? Найдёт ли настоящих родителей? Что ждёт их всех в городе, где живёт магия?

Вероника

— Вам это даром не пройдёт, — проговорил декан Университета Магии. По голосу ощущалось, что он злится. — Шантаж тут не поможет, запомните это.

— Как вы наивны, — ответил его собеседник, в тихом голосе которого послышалась усмешка. — У нас немало способов для того, чтобы заставить замолчать тех, кто готов сказать что-то лишнее. Можно подумать, вы об этом не знаете.

— Но Магический Надзор...

— Оставьте в покое МН! У нас повсюду есть свои люди. В Инквизиции, кстати, тоже.

— Я вам не верю, — растерянно пробормотал декан.

— Дело ваше. Вы могли бы и сами в этом убедиться, если бы не были столь принципиальны. Но, увы...

— Я всё расскажу!

— Кому? — рассмеялся неизвестный человек. — Вы ведь не знаете, кому можно доверять, а кому нельзя. Вы загнаны в угол. А теперь слушайте меня...

— Да как вы смеете?! Я вас...

Слова смокли, послышался шум борьбы. Негромкий стон оборвался наступившим молчанием. Затем раздался звук шагов. Не слишком громкая, размеренная поступь не сомневающегося в себе и своих действиях человека. Зажмурившись, я с ужасом представляла, что сейчас он пройдёт мимо меня, но тот двинулся в противоположном направлении.

Дыхание перехватывало, руки похолодели, я дрожала и только всё сильнее прижималась к стене коридора, словно боялась отойти от неё, потеряв единственную казавшуюся надёжной опору. Было страшно, как никогда в жизни. Хотелось со всех ног убежать, спрятаться, представить, что ничего не было. Но ещё сильнее меня тянуло выглянуть из своего ненадёжного укрытия и посмотреть, что находится за поворотом. Я знала, что могу там увидеть, и боялась этого.

Не успев ничего предпринять, я услышала чьи-то приближающиеся шаги. Поначалу испугалась, что возвращается тот человек, отодвинулась от стены и едва не бросилась наутёк, но внезапно поняла, что это совершенно точно не он. Его шаги были глуховатые, неторопливые, а сейчас слышался звонкий цокот женских каблучков.

Спустя несколько секунд раздался визгливый крик женщины. Я узнала голос Анны Аркадьевны, которая работала в библиотеке университета. Она нередко засиживалась на работе до вечера даже в дни каникул, а сейчас, должно быть, собиралась идти домой.

Сделав глубокий вдох, я вышла из-за поворота к ней. Анна Аркадьевна уже не кричала. Склонившись над телом лежащего на полу декана, она пыталась нащупать пульс. Её лицо было испуганным и бледным. Услышав мои шаги, женщина подняла голову.

— Вероника! Горе-то какое! Инфаркт, наверное. Я слышала, что у него больное сердце. Но он так много работал, совсем не жалел себя.

Я заставила себя посмотреть на распростёртое на полу тело. Всё выглядело так, как будто декан покинул этот мир по совершенно естественным причинам. Не было никаких следов насильственного нападения, нет ни крови, ни синяков, одежда — строгий тёмный

костюм со светлой рубашкой и безупречно начищенными ботинками — в полном порядке. Но я-то знала, что борьба была довольно быстрой. Кроме того, мне приходилось слышать, будто убивать с помощью магии можно так, что будет крайне сложно определить, как именно произошло убийство.

Особенно, если маг сильный...

Глава 1

Вероника

Я вбежала в комнату общежития, тщательно заперла за собой дверь, подёргала её несколько раз и, поборов соблазн придвинуть к ней тяжёлый стол, проверила ещё и окна. Мне было страшно оставаться одной, но почему-то я даже порадовалась тому факту, что сейчас каникулы, и моих соседок по комнате нет в общежитии, потому что они, несомненно, заметили бы моё странное состояние и начали бы расспрашивать о его причине. А рассказывать о том, что произошло со мной в этот вечер, не следовало даже подругам. Особенно, подругам. Себя я уже подставила под опасность, став нечаянной свидетельницей убийства декана, делить это с ними мне совершенно не хотелось.

Если кому и рассказывать, то только одному человеку — Дарию Княжевичу. Он служил в Магическом Надзоре, организации вроде полиции по вопросам, касающимся магии, и мог бы разобраться в случившемся. К тому же, однажды, когда я ещё училась в школе, он дал мне свою визитную карточку и сказал, что в случае чего можно к нему обращаться. Только я и предположить не могла, что это произойдёт в такой ситуации. Ведь предыдущие два года, проведённые мною в Университете Магии, прошли достаточно спокойно и почти беззаботно.

Понесло же меня в университет сегодня! Могла бы в другой день полить цветы в аудитории. Меня попросила об этом одна из преподавательниц, уходя в отпуск, и я, поскольку не собиралась никуда уезжать, согласилась помочь.

Впервые за девятнадцать лет своей жизни я чувствовала себя настолько растерянной и напуганной. Снова и снова перебирая в памяти подслушанный мною разговор и вспоминая то, что случилось после него, я кругами ходила по комнатке и пыталась понять, почему голос человека, который говорил с деканом, показался мне знакомым. Возможно, я уже встречалась с ним раньше? Мог ли он быть одним из работников университета? Но ничего не вспоминалось.

Я остановилась, достала из книги визитную карточку Дария Андреевича, села на кровать и потянулась за мобильным телефоном. Помедлив ещё немного, я набрала номер, указанный на карточке. В телефоне раздались длинные гудки. Они тянулись довольно долго. Я уже решила, что Княжевич мне не ответит, когда эти звуки наконец-то сменились его голосом, который показался мне каким-то усталым и даже раздражённым.

— Да!

— Это Вероника, — быстро сказала я, гадая, вспомнит ли он меня, учитывая, что мы не виделись целых три года. — Вероника Солнцева. Вы просили мне позвонить, если что...

— У вас есть, что мне рассказать? — ответил он.

— Да. Но... боюсь, что это не телефонный разговор, — добавила я. В тишине комнаты собственный голос показался мне слишком громким.

— Вот как? — отозвался Дарий Андреевич. Мне показалось, что он немного удивился, услышав эти слова, как будто сошедшие со страниц детектива. — Вы ведь живёте в общежитии Университета Магии? Можете выйти минут через двадцать? Я приеду.

— Да, могу, — проговорила я, и на этом наш разговор закончился. Лишь спустя

несколько секунд я задалась вопросом, откуда Княжевичу может быть известно о том, где я живу. Хотя, учитывая сферу его деятельности, не так уж это и удивительно.

Отложив телефон в сторону, я встала, накинула джинсовую рубашку, причесалась. Отражение в зеркале не порадовало. Выглядела я именно так, как себя чувствовала — растерянной и перепуганной. Даже веснушки побледнели. Схватив с тумбочки первую попавшуюся заколку, я небрежно стянула волосы в хвост на затылке, но несколько выющихся тёмно-русых с каштановым отливом прядей всё же выбились из него.

Сделав ещё несколько кругов по комнате, я не выдержала и вышла в коридор. Заперев дверь, спустилась по лестнице и вышла из здания. Летом темнеет поздно, поэтому на улице было ещё довольно светло и неожиданно тихо. Впрочем, учитывая, что почти все студенты успели разъехаться по случаю каникул, удивляться тут было нечему. От волнения мне хотелось снова начать ходить кругами, на этот раз вокруг здания, но я заставила себя оставаться на одном месте, где и ждала, опасливо оглядываясь по сторонам.

Мне предстояло рассказать Княжевичу обо всём, что я слышала и видела, а, значит, в процессе рассказа мысленно пережить всё ещё раз. Но это должно было помочь мне разделить с кем-то свой страх и знание того, что произошло на самом деле, значит, оставалось только надеяться, что после этого станет хотя бы немного легче. Впрочем, полной уверенности в этом у меня всё равно не было. По правде говоря, я страшилась даже переступить порог университета. Мне казалось, что теперь человек, голос и шаги которого я слышала, будет мерещиться мне повсюду.

Его машину я узнала сразу. Больше мне в городе бирюзовых машин не встречалось. А жаль, ведь это мой любимый цвет.

Дарий Андреевич открыл дверцу и подал мне знак сесть рядом с ним. Я ещё раз огляделась. На мгновение почудилось, что занавеска на одном из окон общежития шевельнулась, но я свалила это на свою разгулявшуюся фантазию и поспешила сесть в машину. Бросила быстрый взгляд в сторону сидящего рядом человека, отметив, что он почти не изменился за прошедшее время. Тёмные волосы падают на лоб, рукава чёрной рубашки завёрнуты чуть ниже локтей, глаза синие и внимательные.

Не говоря ни слова, Княжевич прибавил скорость, и через некоторое время мы оказались за несколько улиц от общежития. Когда машина остановилась, и он повернулся ко мне, я поняла, что даже не пристегнула ремень безопасности. Впрочем, мне не так часто приходилось ездить в автомобилях, по городу я обычно передвигалась либо пешком, либо на трамваях.

— Итак, Вероника, о чём вы хотели мне рассказать? — заговорил он. Его лоб прорезала хмурая линия. — Это, в самом деле, серьёзно и важно?

— Да, — твёрдо ответила я, нисколько в этом не сомневаясь.

— Это касается смерти декана? — спросил Княжевич.

— Да, — снова сказала я. Пальцы вдруг задрожали, и я сцепила руки в замок. — Дарий Андреевич, вы уже об этом знаете?

— Само собой, — отозвался он. — И, кстати, можете называть меня просто Дарий. Я ведь больше не ваш учитель.

— Извините, — быстро произнесла я. — Это, в самом деле, касается его смерти. Наверное, вам сказали, что он умер от сердечного приступа или вроде того, но я знаю, что это не так. Декана убили. Думаю, с помощью магии.

Самое важное было сказано. Княжевич не выглядел удивлённым, но, всё же, услышав

это, он задумчиво нахмурился. А что, если он мне не поверит?

— Вы уверены в том, что говорите, Вероника? — спросил он.

— Ещё бы! — выпалила я. — Ведь я сама всё слышала. Я была совсем рядом...

— С этого места давайте поподробнее и по порядку, — приказал он, придвинувшись ко мне чуть ближе.

Я постаралась припомнить все детали, начиная с того, сколько было времени, когда вышла из пустой аудитории, и, заканчивая тем, какое примерно количество человек появилось в коридоре, прибежав на зов Анны Аркадьевны. Княжевич внимательно слушал, но его лицо на всём протяжении моего рассказа не выражало никаких эмоций. Я не могла догадаться, о чём он в этот момент думал.

Когда я закончила говорить, он некоторое время помолчал, после чего спросил:

— Вы никому об этом не говорили?

— Разумеется, нет! — воскликнула я. Да за кого он меня принимает? Может, конечно, я не лучшая ученица в нашей группе, да и магией пользоваться мне, как и остальным студентам, до двадцати одного года запрещено, но это не значит, что я образец легкомысленности.

— И вам не нужно напоминать о том, чтобы вы и впредь никому не рассказывали о том, что слышали? — уточнил он.

— Не нужно! — выпалила я. — Я об этом и так знаю! Если вы думаете, что я... что я сразу же побегу всем об этом рассказывать, то вы меня недооцениваете! К тому же, если кто-то узнает или будет догадываться, что я это слышала, я тоже буду в опасности! Вы что, этого не понимаете?!

Я кричала что-то ещё, повысив голос и постепенно выпуская из себя всё накопившееся напряжение этого вечера, когда почувствовала на плечах его руки.

— Хватит! Немедленно прекратите истерику! — произнёс Дарий Княжевич, не особо деликатно встряхивая меня. Я замолчала, продолжая тяжело дышать. — Всё? — проговорил он, отпуская меня.

— Простите, — выдохнула я. У меня всё ещё дрожали руки, но первый порыв уже схлынул, и стало гораздо легче. На смену недавней запальчивости пришёл стыд. Совсем не в моих привычках вести себя так, как только что.

— Это вы меня простите, — неожиданно сказал он. — Я не думал, что вы так воспримете мои слова. Просто предупредил. Мне бы не хотелось, чтобы вам начала угрожать опасность. Но это, к сожалению, не исключено, даже если вы будете молчать.

Пока я пыталась осмыслить и переварить его слова, Княжевич завёл мотор, и мы куда-то поехали. На этот раз он сам пристегнул на моём сиденье ремень безопасности. За окнами автомобиля стемнело.

— Вы что-нибудь ели? — неожиданно спросил он.

— Вечером ничего, — ответила я. Вернувшись в общежитие, я даже не вспомнила о том, что собиралась поужинать. — А куда мы едем? — спохватившись, поинтересовалась я.

— Ко мне, — невозмутимо ответил Дарий.

Дальше дорога продолжалась в молчании. Я смотрела в окно на мелькавшие там улицы освещённого фонарями вечернего города и гадала, известно ли Княжевичу об Университете Магии что-то, чего не знаю я. Интересно, расскажет ли он об этом, если я спрошу? Может быть, он просто ответит, что это не моё дело? И, пожалуй, будет прав, но моё любопытство никак не желало остывать, а только разгоралось всё сильнее.

Дарий остановил машину возле девятиэтажного дома в тихом дворике, и этот дом с мягко светившимися окнами вдруг показался мне надёжным и спокойным, как самое настоящее убежище.

Мы поднялись на третий этаж, проигнорировав лифт, и оказались в квартире. Та выглядела слегка нежилой, словно её хозяина долго не было дома. Окинув беглым взглядом прихожую, я начала развязывать кеды.

— Я уезжал. Вернулся только сегодня, — проговорил Княжевич, подтверждая мои мысли. — Надеюсь, в холодильнике найдётся что-нибудь съедобное.

Когда он это сказал, я тут же поняла, как сильно хочу есть. Аппетит у меня всегда был хороший, несмотря на то, что я практически никогда не набирала лишний вес. Когда Дарий пошёл на кухню, я отправилась вслед за ним и с надеждой посмотрела, как он заглядывает в холодильник.

— Нам повезло, — заявил он, поворачиваясь ко мне. — Чтобы поужинать, даже не придётся бежать в магазин. Поможете мне?

— Да, — ответила я, успев подумать, что даже магам высшей ступени приходится ходить в магазин, а просто взять и наколдовать себе еду, как в сказках, и они не могут. Жаль. Я бы не отказалась в будущем иметь возможность в любое время создать из ничего, к примеру, ведёрко мороженого.

Глава 2

Вероника

Я сидела за круглым кухонным столом напротив Княжевича и жевала омлет, в который он умудрился положить, кажется, практически все продукты, что нашёл в холодильнике. Но в состав блюда и изучение этого рецепта мне углубляться не хотелось. Потому что и без того было очень вкусно. Я доедала уже вторую порцию и боролась с искушением подобрать остатки кусочком слегка зачерствевшего хлеба. О том, как я в это время выглядела со стороны, мне думать совершенно не хотелось.

Впрочем, как я заметила, Дарий тоже мог похвастаться отличным аппетитом. Он ел быстро, со вкусом и как-то так, что сразу становилось завидно. Не зря же детей, у которых плохой аппетит, заставляют есть в компании других, чтобы, глядя на них, эти капризные детки тоже захотели чего-нибудь пожевать.

Когда я доела и всё же отодвинула от себя пустую тарелку, Княжевич поднялся с места.

— Наверное, мне пора, — проговорила я, вставая с табуретки вслед за ним. — Спасибо за ужин, Дарий Андреевич... Дарий.

— Куда это вы собрались? — поинтересовался он, прищурившись и внимательно рассматривая меня.

— Как это куда? — удивилась я. — В общежитие, конечно.

— Не торопитесь, Вероника, — произнёс Княжевич, направляясь в коридор, и подал мне знак следовать за ним. — Мы ещё не договорили.

Как-то угрожающе это прозвучало... Но выбора у меня не было. Пришлось идти следом за Дарием в комнату, которая, судя по всему, служила в квартире гостиной. Оформлена она была в строгих чёрно-белых тонах. На мой взгляд, этой комнате не помешали бы какие-нибудь семейные фотографии, но их не было.

Дарий сел в кресло и бросил на меня выжидающий взгляд. Прекратив вертеть головой, я заняла место на диване напротив. Ощущение было не из приятных. Такое, словно мне предстоял допрос. По всему выходило, что разговором в машине дело не ограничилось, и Княжевич собирался вывести у меня что-нибудь ещё.

— Итак, вы сказали, что голос этого человека показался вам знакомым, — проговорил он, слегка наклоняясь ко мне. — То есть, где-то вы его раньше уже слышали?

— Наверное, да, — пробормотала я и попыталась снова оживить в памяти голос неизвестного — сначала громкий, затем приглушённый, почти шипящий. Голос, от которого у меня по коже пробежал неприятный холодок.

— Так наверное или да? — уточнил Княжевич.

— Думаю, да, — отозвалась я.

— Хорошо, пока оставим этот вопрос. Вы узнаете голос, если услышите его ещё раз?

— Узнаю... Постараюсь узнать, — быстро добавила я и невольно отвела взгляд в сторону.

— Смотрите на меня, Вероника, — проговорил Дарий, очевидно, начиная терять терпение. — Смотрите и отвечайте на мои вопросы.

— А свои вопросы я когда-нибудь смогу вам задать?! — выпалила я, ощущая, что меня

снова начинает трясти, как сегодня в машине.

Похоже, это не ускользнуло от внимания Княжевича. Он порывисто встал на ноги и вышел из комнаты. Глядя ему вслед, я задумалась, куда и для чего он отправился. Не припрятано ли в его квартире что-нибудь вроде магического детектора лжи? Разумеется, если такие существуют.

Когда Дарий вернулся, у него в руках была бутылка и два небольших бокала.

— Я думаю, вам надо выпить, — авторитетно заявил он и поставил всё это на столик.

— Что это? — недоверчиво спросила я.

— Ром. Доминиканский, — добавил он с некоторой гордостью, как будто лично привёз эту бутылку из далёкой Доминиканы. А может, так оно и было? Должен же быть отпуск и у специалистов Магического Надзора...

— Напиток моряков и пиратов? — уточнила я, вспомнив прочитанные книги.

— Можно и так сказать, — усмехнулся Дарий.

— Я не пробовала.

— Вот сейчас и попробуете. Его можно смешать с кока-колой, но её у меня нет, — проговорил он и разлил по бокалам тёмно-янтарный напиток.

— А если я не хочу?

— Представьте, что это лекарство, — невозмутимо заметил Княжевич и поднёс к губам один из бокалов. — Выпейте, а затем приступайте к своим вопросам.

От подобного великодушия пропало всякое желание к дальнейшему сопротивлению. После первого глотка я закашлялась, дальше пить стало уже чуть легче. Не ожидала, что ром окажется таким крепким напитком, хотя едва ли моряки, пираты и контрабандисты стали бы пить что-то слабоалкогольное.

— Я вижу, вам нравится, — проговорил Дарий, наблюдающий за мной. — Налить ещё?

— А налейте! — залихватски провозгласила я, едва ли не залпом допивая оставшийся в бокале напиток. — Когда я могу приступать к своим вопросам?

— Хоть сейчас, — разрешил он и налил ещё немного в свой бокал, а затем и в мой. — У вас их много, Вероника?

— Целый список! — храбро заявила я, обхватывая ладонями бокал. — Например... Вы предполагали, будто в университете произойдёт... Что такое может случиться, — уточнила я, чтобы не произносить самого слова «убийство», от которого веяло детективными романами и плохими новостями.

— Нет, — тут же ответил Княжевич. — Но, учитывая, что нужно быть готовым ко всему, я бы не сказал, что очень удивлён.

— Я думаю, он не собирался убивать декана, — задумчиво проговорила я и сделала ещё один глоток.

— Почему?

— Потому что они разговаривали. Убийца... этот человек произнёс: «А теперь слушайте меня...». Он бы не сказал так, если б собирался прямо сейчас напасть на декана.

— Вы хотите сказать, что это декан напал на него первым?

— Может быть.

Я заново перебрала в памяти каждое слово из услышанного в коридоре Университета Магии. Даже не верилось, что это произошло всего лишь сегодня вечером. Казалось, что с этого момента прошло уже много времени. Не менее странно было осознавать то, что я сидела напротив человека, которого даже не надеялась увидеть снова. Так иногда бывает,

когда видишь слишком реалистичный сон.

— Так какие ещё вопросы у вас есть ко мне? — напомнил Дарий.

— Вопросы? Да, вопросы, — вспомнила я и постаралась навести относительный порядок в бесконечном круговороте мыслей в голове. Но ничего не получалось. Я сама не заметила, как допила второй бокал, и Княжевич снова наполнил его ромом.

— Больше нет? — с иронической улыбкой осведомился он. — А говорили, что много...

— Есть! — перебила я его. — Что вы делали в нашей школе?

— Так вот что вас интересует! — рассмеялся Дарий. — Думаете, это имело какое-то отношение к вашей персоне?

— Ничего я не думаю! — буркнула я. — Мне просто интересно... А вы знаете, что все наши... школьные красотки были в вас по уши влюблены? Я думала, они наденут траур, когда вы ушли из школы.

— Значит, почти все ученицы? — отозвался Княжевич. Этот разговор его, кажется, забавлял.

— Ага, — подтвердила я.

— А вы? — спросил он.

— Я, конечно, тоже была ученицей, но никак не красоткой. Так что, с такими вопросами не ко мне, Дарий, — сказала я, снова сделав паузу перед тем, как произнести его имя. Интересно, кстати, кто и почему его так назвал? Может, и об этом спросить?

— Я бы сказал, что вы разбили мне сердце, но...

— Но это не так, — продолжила я. — Вы бы меня в школе и не заметили, если бы не... Если бы я не была ведьмой.

В последний раз я видела Княжевича перед тем, как наш класс отпустили на каникулы. Мне было шестнадцать. Тогда он казался мне непостижимой загадкой, да и сейчас, по правде говоря, продолжал оставаться такой же. Должно быть, другие студентки, которые воспитывались в окружении представителей магического сообщества, на моём месте не тушевались бы. Но меня воспитывали приёмные родители, не имеющие никакого отношения к магии, а настоящих я не знала.

Я посмотрела в сторону окна и обнаружила, что, несмотря на летнее время, на улице уже очень темно. Чтобы узнать, сколько сейчас времени, нужно было найти мобильный телефон, который лежал в сумке. А сумку я оставила где-то в коридоре возле двери.

Поставив пустой бокал на столик, я поднялась на ноги. Пол под ногами качнулся. Это почему-то показалось очень забавным. При желании можно было даже представить себе, будто я оказалась на настоящем корабле. И этот корабль плывёт по Карибскому морю навстречу удивительным приключениям.

— Йо-хо-хо, и бутылка рому! — решила спеть я, но у пиратов это, несомненно, получалось лучше.

— Вы хотите ехать домой? — спросил Княжевич. — Я имею в виду, в общежитие.

— Собираюсь, но не хочу, — пробормотала я и попыталась отыскать дорогу в коридор, но комната вдруг стала просто огромной.

— Тогда вам ни к чему туда ехать, — произнёс он где-то за моей спиной.

— Правда?

Я повернулась к нему, и Дарий, который тоже успел встать с кресла, но, в отличие от меня, вполне твёрдо стоял на ногах, оказался прямо передо мной. Растерянно заморгав, я подумала, что, если мне не нужно идти в коридор и искать там сумку, то, пожалуй, можно

вернуться на диван. К тому же, он такой удобный, мягкий, надёжный...

Я попыталась сделать шаг обратно, но Дарий Андреевич, который стоял между мной и диваном, оказался препятствием на пути.

— Хочу на диван, — проговорила я, уставившись куда-то в район его плеча, обтянутого чёрной тканью майки.

— Я думаю, на кровати вам будет удобнее, — ответил Княжевич.

— Туда далеко идти, — пожаловалась я, вспомнив длинный коридор. — У вас слишком большая квартира.

— Никогда не думал, что это недостаток, — произнёс он, после чего поднял меня на руки и вышел в коридор.

В спальне было темно. Когда Дарий бережно опустил меня на кровать, я тут же подложила под щёку ладонь, устраиваясь поудобнее. В бледном свете фонарей за окном я увидела, что Княжевич стоит в дверях и, кажется, собирается уходить. Я зажмурилась, но перед глазами тут же оказался коридор университета. А затем — неживое, застывшее лицо декана.

— Не уходите, — попросила я, открывая глаза. — Мне страшно.

— После того, что случилось в университете? — тут же отозвался Княжевич.

— Да, — ответила я.

Я, снова сомкнув веки, слышала, как он медленно приближается и садится на край кровати. Она была такого размера, что тут поместилось бы и куда больше людей, нежели двое. Для чего одному Княжевичу такая огромная постель?

Это была моя последняя мысль перед тем, как я провалилась в сон.

Глава 3

Дарий

Снова этот сон, от которого никуда не сбежать. Он повторился, практически в точности отражая события того, что происходило на самом деле. Громкие вопли мальчишек и девчонок, гневные окрики растерянных воспитателей, чтобы все замолчали, слёзы на лицах родителей, горячие солнечные лучи, от которых хотелось зажмуриться, звуки шагов. Его бесконечное ожидание. Долгий бег вверх по лестнице до чердака, где можно было спрятаться.

Но всё же его нашли. Обнаружили в этом ненадёжном укрытии, где он, не удержавшись, посматривал в пыльное чердачное окно во двор, где уже почти никого не осталось. Взяв за костлявое плечо, его заставили встать и спуститься с чердака, а затем уйти из того места навсегда.

Дарию, воспитаннику последнего детского приюта Инквизиции, в тот далёкий, но памятный день исполнилось десять лет. Ему некуда было возвращаться, когда силами Магического Надзора этот приют, находящийся в старом доме на окраине города, закрылся. В настоящее время Княжевичу было тридцать два года.

Открыв глаза, Дарий обнаружил, что за окном уже рассвело. Обещался тёплый летний день. Он повернул голову, чтобы посмотреть, не разбудил ли лежащую рядом девушку, но Вероника крепко спала, свернувшись клубочком, точно котёнок.

Дарий поднялся с кровати и ещё некоторое время постоял, рассматривая сладко спящую юную ведьму, не имеющую пока ни специализации, ни права воспользоваться своими способностями. Как она вчера сказала — «Я не была красоткой, и с такими вопросами не ко мне»? Смешная. Интересно, как она упорно умудряется не замечать того, что у неё глубокие синие глаза, которые порой кажутся зелёными, как море, нежная и немного загадочная улыбка, невероятно длинные ноги?

«Так, стоп, увлёкся», — строго сказал себе Княжевич, но всё же не смог удержаться от того, чтобы легко коснуться каштановой пряди волос девушки. Затем развернулся и вышел из спальни. Нужно было в тишине обдумать всё происходящее, а вчера этого не получилось.

Вспомнив вчерашний вечер, Дарий слегка усмехнулся. Да, пить Вероника Солнцева явно не умела. Во всяком случае, свою норму не знала, поэтому перевыполнила её в несколько раз. Он, конечно, тоже хорош, что не стал отказывать ей в просьбах налить ещё. Но, возможно, если бы не выпитый ром, то Вероника не заснула бы, едва коснувшись головой подушки. Она даже ничуть не задумалась о некоторой неприличности собственного предложения остаться с ней на ночь. Пожалуй, на её месте он бы не стал так ему доверять.

Княжевич помнил, как наблюдал за Вероникой в школе. Тогда от его взгляда не укрылось то, как отчаянно она боролась со своим желанием применить свою силу, сознавая, что это может быть необратимым. Если б у него когда-то был подобный самоконтроль, может быть, всё сложилось бы иначе.

Когда в его нахождении в школе больше не было никакой необходимости, Дарий иногда

вспоминал Веронику, гадая, позвонит ли она ему когда-нибудь. Разумеется, он не ожидал, что это произойдёт при подобных обстоятельствах. Она почти не изменилась за то время, что они не виделись, но всё же сейчас, проучившись в Университете Магии уже два года, Вероника куда больше начала разбираться в сущности магического мира.

Но, разумеется, о многом ещё не знала.

Кроме того, она до сих пор так и не начала гордиться тем, что родилась ведьмой. Чем она считала этот факт — даром или проклятием, радостью или наказанием? В этом мире, где способности к магии могли порой гарантировать немалую власть и прочие блага, Вероника почти ничем не отличалась от обычной девушки.

Вернее, пока почти ничем. Но через два года она получит официальное право применять магию. К этому времени у неё уже появится специализация, и тогда будет очень интересно посмотреть, что же из неё получится.

Вероника заявила ему, что она осталась незамеченной в том университетском коридоре, но Княжевич не был в этом так уверен. Он чувствовал, что Веронике угрожает опасность, и это интуитивное ощущение ему совершенно не нравилось. Дарий очень хотел надеяться на то, что ошибается.

«Может быть, предложить Веронике пожить пока у родителей?» — подумал он и неожиданно задался резонным вопросом, почему, несмотря на то, что её семья проживала в пределах города, она предпочла жить в общежитии и оставалась там даже на время каникул. Это было довольно странно. На заядлую тусовщицу, которая не может обойтись без шумной компании, девушка совершенно не похожа, да и не в её характере подобные привычки.

Об этом Дарий решил спросить у самой Вероники, когда она проснётся. А пока ему предстояло хорошенько поразмыслить об убийстве декана. Нечаянная свидетельница не сомневалась, что это было убийство, но остальные, судя по всему, были уверены, что у декана стало плохо с сердцем. Получается, больше никто ничего не видел? Или... видели, но предпочитали молчать?

Этот декан работал в университете и в то время, когда Княжевич сам там учился. После того, как Дарий закончил учёбу, их пути практически не пересекались. Сейчас, когда равновесие в магическом мире поколебалось, и это никак не могло не затронуть Университет Магии, декан стал одной из первых жертв, но, вероятно, далеко не последней.

Самое главное на данный момент — не допустить, чтобы одной из случайных жертв оказалась Вероника Солнцева, студентка университета и молодая ведьма с весьма большим потенциалом, о котором она сама пока совершенно не догадывалась.

Дарий принял контрастный душ и поставил на газ турку для кофе. Он собирался дожидаться, когда проснётся Вероника, поговорить с ней, а затем ехать на работу. После командировки ему полагался дополнительный выходной день, но он решил не пользоваться сейчас этой привилегией.

Вероника появилась в кухне спустя несколько минут. Вид у неё был сонный и довольно смущённый. Княжевич подумал, что она, должно быть, не слишком хорошо себя сегодня чувствует после вчерашнего рома.

— Доброе утро! — выпалила она и тут же замерла на месте, будто испугавшись звука собственного голоса.

— Доброе утро! — отозвался он, вставая из-за стола и открывая окно, чтобы впустить в кухню свежий воздух летнего утра. — Кофе? Молока и сахара нет, — добавил Княжевич.

— Да, спасибо, — ответила девушка, присаживаясь на край табуретки. — Мы вчера...

То есть, я вчера...

— Что, снова ничего не помните? — с усмешкой поинтересовался Дарий. Её замешательство его позабавило. Захотелось даже немного поддразнить девушку.

— Помню, но смутно, — призналась она, заливаясь краской, что было невозможно скрыть при её светлой коже. — И голова болит. Это всё ваш ром! — обвиняющим тоном произнесла Вероника и потёрла лоб.

— Вам нужно было снять стресс, — заметил он, налил и поставил перед ней кружку с кофе.

— А другого способа не было? — поинтересовалась Вероника.

Дарий сделал глоток и закашлялся, на секунду представив себе альтернативные методы снятия стресса.

Тем временем, Вероника придвинула к себе свою кружку и, опираясь щекой на согнутую в локте руку, задумчиво посмотрела на него.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она.

— С чем? — отозвался он.

— С тем, что я вам вчера рассказала. Вы сообщите об этом остальным? У себя, в Магическом Надзоре.

— Почему вы спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил Княжевич, когда она полюбопытствовала о том, о чём он и сам думал всё утро.

— Просто... он... этот человек сказал, что у них везде свои люди, — проговорила девушка, и на её лице снова промелькнула тень. — И в Магическом Надзоре, и в Инквизиции. Поэтому, если вы расскажете, и они узнают, что я слышала...

— Вы имеете в виду убийцу и его сообщников? — спросил Дарий. Вероника кивнула и низко опустила голову. — Не волнуйтесь раньше времени. Я ещё не решил, что с этим делать.

— Но ведь есть же люди, которым вы доверяете? — поинтересовалась она, снова поднимая голову и смотря на него в упор своими ясными синюющими глазами. — Им вы собираетесь рассказать? Сегодня?

— Я думаю, дальнейшее вас уже не касается, — произнёс он и понял, что это прозвучало грубовато, когда девушка закусил губу и встала из-за стола, не допив кофе. — Вероника, для вашей же безопасности будет гораздо лучше, если вы больше ни о чём не будете знать и не сможете об этом рассказать... если что, — чуть более мягко добавил Княжевич. — Уж поверьте мне.

— Тогда я собираюсь вернуться в общежитие, — ответила девушка. — Если нам больше не о чем разговаривать. Спасибо за... за всё.

— Может быть, вам пока стоило бы пожить у родителей? — спросил Дарий. — И мне будет спокойнее, и вам безопаснее. Кстати, почему вы живёте в общежитии, а не с ними?

— Это моё личное дело, — проговорила она, всё ещё сохраняя обиженный вид.

— В общежитии ты сейчас одна в комнате? — поинтересовался он, впервые обратившись к ней на ты и даже не сразу заметив это.

— Да, — уже чуть более дружелюбно произнесла Вероника, и Княжевич понял, что ей по-прежнему очень страшно даже приближаться к зданию университета, хотя она и пытается изобразить бесстрашие и самоуверенность.

— Но вы... ты ведь позвонишь мне, если что-нибудь случится? Сразу же! Обещаешь?

— А у меня есть выбор? — отозвалась девушка, и Дарий вдруг почувствовал такое

сильное желание защитить её, не отпускать от себя, всеми возможными способами позаботиться о её безопасности, что ему стало не по себе.

«Я просто выполняю свою работу», — подумал Княжевич и сам себе не поверил.

— Я тебя подвезу, — сказал он.

— Не нужно, я доберусь на трамвае. До свидания. И ещё раз спасибо...

Дарий смотрел, как она надевает кеды, непослушными пальцами завязывая шнурки, небрежно перебрасывает через плечо сумку и выходит из квартиры. Хлопнула дверь, на лестнице прозвучали быстрые шаги. В ту же минуту раздался громкий звонок его мобильного телефона.

Глава 4

Вероника

Старый дребезжащий трамвай подошёл к остановке именно в тот самый момент, когда там оказалась я. Выбрав относительно удобное место, я предъявила кондуктору студенческую карточку и отвернулась к окну. Пожалела только о том, что у меня не было с собой книги, в которую можно было уткнуться носом, чтобы полностью отвлечься от окружающей обстановки и хотя бы на время спрятаться от собственных мыслей, которые крутились в голове, наталкиваясь друг на друга и не находя совершенно никакого выхода.

Я думала о вчерашнем вечере, после которого и университет, и моя комната в общежитии больше не казались мирными и безопасными местами. Думала о немолодом декане, у которого наверняка остались родственники, тяжело переживающие его неожиданную смерть (хотя, может ли смерть быть ожидаемой?). Думала о специалисте Магического Надзора Дарии Княжевиче и нашем с ним разговоре этим солнечным летним утром.

Может быть, не следовало на него обижаться. В конце концов, Дарий Андреевич не сделал мне абсолютно ничего плохого. Возможно, он, в самом деле, проявил заботу, когда не пожелал ничего рассказывать и дал понять, что мне нужно как можно скорее забыть о случившемся и моей роли в том, что произошло.

Ха! Заботился он обо мне, как же. Я так отчётливо вспомнила параграф из учебника, в котором рассказывалось об МН, будто увидела перед собой отпечатанные на белом листе чёрные буквы. Там было сказано: «Все сотрудники Магического Надзора должны следить за устойчивостью и порядком в магическом мире и всегда поступать только так, как велит им их долг, невзирая ни на какие личные интересы». Поэтому заботился Княжевич вовсе не обо мне, а исключительно о том, что входило в сферы его, судя по всему, нелёгкой работы, меня же он просто допросил и тут же отстранил от этого дела, чтобы не путалась под ногами.

А впрочем, сказала я себе, я ведь и не думала, что у него по отношению ко мне может быть какой-то там... личный интерес. К лицу тут же прилила краска, когда я вдруг вспомнила свою пьяную болтовню вечером и жалобную просьбу, чтобы Дарий остался со мной на ночь. В здравом уме я бы такого никогда не сделала, это всё, как он сам сказал, стресс. Да ещё и выпитый ром. «В жизни больше к этому напитку не притронусь», — решила я, окончательно устыдившись.

А ещё он нёс меня на руках из одной комнаты в другую, и вспоминать об этом тоже было стыдно.

И... немножко приятно.

Должно быть, Княжевич и не задумывался о том, что он поневоле стал первым мужчиной, с которым я провела ночь в одной постели. Он ведь собирался уйти спать в другую комнату. Я сама не позволила ему этого сделать.

За окном мелькали пейзажи так называемого старого города — района, где многие здания были построены ещё несколько веков назад. Из окна трамвая я видела Часовую башню, которую поэтично называли сердцем города. Часовой механизм с тяжеленными гириями в ней работал так исправно, что можно было не сомневаться, определяя время по

башенным циферблатам и глухим ударам часов.

Я представила себе пустую комнату в общежитии, где меня никто не ждал, и подумала, что, возможно Дарий был прав, и следовало бы поехать к родителям. Возможно, в их квартире мне, в самом деле, стало бы хоть немного спокойнее. Можно было представить, что я всё ещё учусь в школе, сейчас каникулы, и не было ещё ни Университета Магии, ни похода в ночной клуб, ни жуткого голоса, обладатель которого в настоящее время находился где-то в городе.

Стоило мне об этом подумать, как тут же затрезвонил мобильный телефон. Я с удивлением увидела, что это звонили родители, на дисплее отразился номер домашнего телефона. Это совпадение было таким странным и внезапным, что, не зная, чего ещё ожидать, я ответила на звонок.

— Вероника, добрый день! — в голосе мамы, как я всё ещё её называла, послышалась радость, но едва ли причиной этому было то, что ей так уж хотелось меня услышать. — Где ты? У нас к тебе очень важное дело.

— Правда? — растерянно и недоверчиво ответила я.

— Мы с твоим папой едем отдыхать в Турцию, — продолжала она. — Очень удачно подвернулась горящая путёвка, так дёшево. Поэтому мы хотели бы попросить тебя пожить пока дома, в нашей квартире. Ты ведь всё равно сейчас на каникулах. Что тебе делать в общежитии?

— Вы надолго едете? — спросила я неожиданно охрипшим голосом и прокашлялась.

— На месяц. Так как, ты согласна? Не хочется оставлять квартиру пустой, да и тебе будет полезно пожить в домашней обстановке. Небось, уже надоело в общежитии-то, — добавила она. — Холодильник полон продуктов, тебе ни о чём не придётся заботиться.

Я с иронией подумала, что они уже не боятся, будто я могу сжечь квартиру. К тому же, они были осведомлены о правиле, касающемся ограничения по возрасту в использовании магии. Я сама рассказала.

— Да, согласна, — ответила я. — Соберу вещи и приеду. Когда вы уезжаете? Сегодня? Во сколько?

— Ох, боюсь, что к твоему приезду нас уже не будет дома, — извиняющимся тоном произнесла мама. — Но у тебя ведь есть ключ. Не заблудишься.

— Есть, — подтвердила я. — Ладно. Хорошего вам отдыха.

Всё само собой устроилось так, что даже не пришлось просить их о разрешении пожить в квартире. Они сами об этом попросили. Правда, мне и там предстояло остаться одной.

Трамвай остановился на моей остановке, и через несколько минут я уже была у здания общежития. Не успела я подойти к дверям, как они открылись, и я увидела нашу главную сплетницу Виолетту, которая выходила из общежития в сопровождении средних лет мужчины, форма на котором чем-то напоминала полицейскую. Но я уже прекрасно знала о том, что незнакомец вовсе не полицейский, а гораздо хуже — во всяком случае, для нас.

Потому что это был инквизитор.

Виолетта подняла глаза и, увидев меня, приоткрыла рот, будто хотела заговорить, но промолчала и быстро отвернулась. Всегда яркая, энергичная, самоуверенная, говорливая и быстрая, сейчас она выглядела очень бледной и какой-то потухшей. Виолетта шла так медленно, что сопровождающему приходилось её подталкивать, чтобы быстрее передвигала ноги и не задерживала его. Не нужно было даже присматриваться, чтобы понять, что Виолетта до смерти напугана. Я замерла на одном месте, чувствуя, что не в силах отвести

взгляд от этих двух фигур.

Когда они сели в ничем не примечательную машину, припаркованную возле здания, я вошла в общежитие и начала подниматься по лестнице, строя догадки. Чем провинилась Виолетта, что за ней прислали инквизитора? Нарушила закон о возрастном ограничении? Но ей, кажется, уже исполнился двадцать один год. Хотя, возможно, ещё нет... Мы с Виолеттой никогда близко не общались, поэтому я не знала, когда у неё день рождения. Знала только, что она старше меня.

Новая догадка обожгла меня своей возможной вероятностью, и я остановилась между этажами, вцепившись похолодевшими ладонями в перила лестницы. Связано ли это с убийством декана? Виолетта не так давно рассказывала о том, что встречала его ещё до поступления в университет.

Может, и об этом нужно рассказать Княжевичу?

Внизу на лестнице раздались шаги, и я одним махом взлетела на свой этаж. Вытащила из сумки ключ от комнаты, а через несколько секунд уже захлопнула за собой дверь и, прислонившись к ней, устало сползла на пол. Что случилось с моими нервами, если даже просто шаги на лестнице были способны заставить меня настолько перепугаться?

Неловко поднявшись, я начала собирать вещи, не слишком аккуратно бросая их в большую спортивную сумку, заменявшую мне чемодан. Когда взгляд упал на стопку уже прочитанных библиотечных книг, я решила оставить их здесь. Мысль о том, чтобы идти в университет сдавать их, была просто невыносима, к тому же, едва ли Анна Аркадьевна в такое время находилась на своём посту в библиотеке.

Через четверть часа я торопливо спустилась по лестнице, вышла из здания и направилась к трамвайной остановке. Ситуация, сложившая со вчерашнего вечера, выглядела не лучшим образом. Декан убит, я свидетельница преступления (а свидетели, как все знают из детективов, долго не живут), Виолетту забрал инквизитор.

Мне же совершенно не с кем поговорить, а, даже если бы и было, с кем, то об убийстве декана я никому не должна рассказывать. Моей версии событий надлежит выглядеть так: я была в одной из аудиторий, выйдя оттуда, в коридоре услышала крик библиотекаряш Анны Аркадьевны и прибежала к ней, а затем ушла из университета. Я очень-очень надеялась, что, если кто-нибудь будет меня об этом расспрашивать, не запутаюсь в показаниях.

Мне удалось застать своих приёмных родителей в тот момент, когда они ждали такси и уже собирались выходить из квартиры. Возле двери стояли чемоданы, и вид у них обоих был донельзя взволнованный. Я вспомнила, что они уже давно никуда не ездили.

— Как ты быстро приехала! — воскликнула мама, торопливо обнимая меня за плечи и тут же переключаясь на вытирание пыли. Она всегда умудрялась находить какие-то домашние дела, когда нервничала. — Как у тебя дела?

— Всё нормально, — буркнула я, пожимая плечами.

— Ты ведь не нашла себе молодого человека? — поинтересовалась она. — А то соседи говорят, что Эллка-то замуж выходит.

— В самом деле? — переспросила я, вспомнив свою соседку, которую знала с детства. — За кого?

— Кажется, за своего однокурсника. Но ты-то так не торопишься, а? — уточнила мама, переглядываясь с отцом, словно они подозревали, будто, оставшись одна в квартире, я тут же приведу в неё жениха, после чего закачу шумную вечеринку, в общем, устрою разврат и пьянство.

— Разумеется, нет, — проговорила я. — Я ни с кем не встречаюсь.

— Да, ты у нас не из тех, кто влюбляется, — уже с улыбкой произнесла она. — Что же, присядем на дорожку, и мы убегаем!

Мы присели — кто куда, я уселась прямо на пол, подобрав под себя ноги. Затем я ещё раз пожелала им хорошего отдыха, и они ушли. Я заперла дверь, взяла с пола сумку и пошла в свою комнату, чтобы разобрать вещи.

В комнате всё оставалось, как и было, и мне это нравилось. Все мои безделушки, детские игрушки, книги находились на своих местах. Кровать была застелена всё тем же клетчатым пледом, который я сама выбирала в магазине. Находясь здесь, я, в самом деле, могла представить себе, будто ничего не было. Что я ещё не окончила школу, Элка не выходит замуж, а Университет Магии пока представляет для меня удивительную загадку и символизирует ожидание чего-то по-настоящему волшебного.

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я подумала, возможно, родители что-то забыли, но всё же прильнула к замочной скважине, жалея, что на двери нет специального «глазка». Всё было тихо, но рассмотреть ничего не удавалось.

Я рискнула открыть дверь и недоуменно осмотрела пустую лестничную площадку. Никого не было. Опустив глаза, я заметила лежащий на коврике возле двери белый конверт.

Глава 5

Вероника

Почти целую минуту я рассматривала небольшой белый конверт, лежащий на коврик у входной двери, чувствуя, как мне не хочется его поднимать. Но всё же победило любопытство. Быстро наклонившись, я взяла конверт, захлопнула дверь и вернулась в свою комнату.

Конверт был заклеен. Открыв его, я извлекла листок бумаги и почувствовала, как дрожат руки. От страха, от волнения? Мне вдруг показалось, что за мной сейчас наблюдают. Я подошла к окну и задёрнула шторы, хотя понимала, что это действие едва ли поможет прогнать неприятное ощущение, будто кто-то внимательно рассматривает меня и ожидает моей дальнейшей реакции.

Листок был вырван из блокнота. На нём оказалось всего несколько слов, написанных быстрым небрежным почерком. Совершенно незнакомым. Я прочитала. Затем ещё раз.

«Если ты думаешь, что вчера в университете никто ничего не заметил, ты ошибаешься. Будь осторожна, когда остаёшься одна», — было написано на листе. Всего два предложения и никакой подписи. Но за ними стояла угроза, особенно очевидная сейчас, когда я, в самом деле, осталась одна.

Не было со мной девочек из общежития. Не было даже моей приёмной семьи. Оставался лишь Дарий. Только ему я могла позвонить. Но можно ли Княжевичу полностью доверять?

Ведь только ему я рассказала о том, что слышала и видела в университете...

Но всё же выбора не было. Если вчера вечером я ещё верила в то, что, рассказав Дарию обо всём, как бы переложила всю ответственность на его плечи, и мне больше ничего не должно было угрожать, то сейчас от этой надежды не осталось и следа. Тот, кто написал это письмо и оставил его под дверью квартиры, позаботился об этом.

А, если вспомнить о том, что письмо было оставлено у родительской квартиры, в которой я сегодня успела пробыть не так уж долго, становилось ещё страшнее. Ведь получается, что тот, кто оставил это письмо, был в курсе того, что сейчас я здесь, а не в общежитии Университета Магии. Это значит, что за мной следили?..

Но чего мог хотеть от меня человек, который написал письмо? Может быть, это не угроза, а предупреждение? Я не так часто читала детективы, но помнила о том, что обычно свидетелям преступлений приходится тут же начать опасаться за собственную жизнь. Порой им даже обеспечивали специальную охрану или прятали куда-нибудь по программе защиты свидетелей, но это, разумеется, в идеале. Мне бы такая охрана тоже не помешала...

Когда я запиховала листок обратно в конверт, руки дрожали ещё сильнее. Отложив его в сторону, я отправилась на поиски своего мобильного телефона. У меня, в самом деле, не было другого выхода, кроме нового звонка Княжевичу, который, хоть и не пожелал ничего мне рассказывать, всё же оставался единственным человеком и магом, с которым я могла поговорить в этой ситуации.

Дарий снова ответил на звонок не сразу. Должно быть, у него были свои важные и неотложные дела, от которых я его отвлекала. Когда я уже собиралась отключиться, в телефоне раздался его голос.

— Вероника, что случилось? — проговорил он, и я едва не спросила его, откуда он знает, что у меня что-то случилось.

— Мне принесли письмо, — ответила я, подбирая слова. — Там написано, что меня в университете кто-то заметил. И предупреждают, чтобы я была осторожна.

— Чего-то в таком роде я и опасался, — глухо и как-то обречённо произнёс в ответ на это Княжевич. — Я приеду к тебе... вечером. Ты будешь в общежитии?

— Нет, я дома... у родителей. Только их сейчас нет, — призналась я. — Они уехали на месяц.

— Вот, значит, как, — задумчиво проговорил он. — Тогда никуда не отлучайся пока. Я позвоню, когда буду возле твоего дома. И вот ещё что... Собери вещи.

— Собрать вещи? — удивлённо переспросила я.

— Только самое необходимое, — добавил он и отключился от разговора.

Я растерянно поморгала, пытаясь найти ответ на вопрос, с какой целью он попросил меня собрать свои вещи. Может быть, Княжевич собирался предложить мне куда-нибудь уехать? И долго мне придётся так прятаться? Что я буду делать, когда начнутся занятия в университете? Пропускать их совершенно не хотелось.

Легко сказать «никуда не отлучайся, я буду вечером», но ведь до вечера ещё надо было как-то дожить. Я попыталась занять себя, чтобы время прошло быстрее. Почитала книгу, погадала на рунах (самые простые гадания серьёзной магией не считались, поэтому разрешались во внеучебное время даже до достижения двадцати одного года), собрала самые необходимые вещи всё в ту же спортивную сумку, протёрла пыль в своей комнате, даже постирала бельё. Но этот летний день, как назло, тянулся невероятно долго. Я то и дело посматривала на часы, но от этого только ещё сильнее казалось, что время идёт слишком медленно.

Когда Дарий Княжевич позвонил, за окном уже было темно. Кроме того, там начался дождь, громко стуча по крышам, шурша по листьям деревьев и вызывая ещё множество самых разных звуков, от каждого из которых я нервно вздрагивала и оглядывалась по сторонам. Если автор найденного под дверью письма решил довести меня до самой настоящей паранойи, то это ему просто отлично удалось.

Звонок мобильного телефона показался особенно громким. Голос у Княжевича был неожиданно бодрым. Он сообщил, что подъехал к моему дому, и попросил меня выйти.

Когда я спустилась по лестнице и выбежала из подъезда, Дарий уже вышел из машины. Как и я, он даже не подумал позаботиться о зонтике, поэтому его чёрные волосы уже успели намокнуть под дождём. Я вспомнила, что, выходя из квартиры, совсем забыла взять с собой письмо.

— Вероника, куда принесли письмо, о котором ты говорила? — без всяких приветствий и предисловий спросил Княжевич. — В общежитие или сюда? Как это было?

— Сюда, — выдохнула я, моргая, чтобы стряхнуть с ресниц холодные дождевые капли. — Позвонили в дверь, а, когда я открыла, там лежал этот конверт.

— Ничего хорошего, — ответил Дарий, и выражение его лица только подтверждало слова. — Тебе нельзя здесь оставаться.

— Но мне больше некуда идти, — пожав плечами, ответила я. — Или сюда, или обратно

в общежитие.

— В общежитие тоже нельзя, — тут же отозвался он.

Княжевич хмурился и размышлял, а я чувствовала, что на меня снова накатывает такое же яростное отчаяние, как и вчера в машине, и ничего не могла с этим поделать. Мне одновременно хотелось расплакаться, закричать, ударить его — сделать всё, что угодно, только не стоять на этом месте, зная о том, что, возможно, прямо сейчас за мной из темноты наблюдает кто-то, кто сегодня звонил в мою дверь, чтобы оставить письмо. Кто-то, кто играет со мной, как кот с глупой мышью, у которой нет никакой возможности убежать.

— Это ведь вы посоветовали мне ехать к родителям! — выпалила я, глядя прямо в глаза Княжевичу. — Откуда мне знать, может, вы сами всё это и подстроили?!

— А мне-то зачем это нужно? — ответил он, но я уже не могла остановиться. Когда я сделала попытку обойти его, Дарий схватил меня за плечи и слегка встряхнул. — Вероника, выслушай меня...

Вырвавшись из его рук, я развернулась и пошла — не обратно к подъезду, а просто вдоль дома. Я больше не обращала внимания на дождь. Неожиданно воздух вокруг меня словно загустел, идти стало тяжело, но я упорно продолжала шагать вперёд, пока практически не уткнулась лбом в невидимую стену.

Когда я обернулась, Дарий был уже рядом.

— Успокоилась? — холодно спросил он.

— Ваши шуточки? — поинтересовалась я, кончиками пальцев трогая эту стену, которая оказалась слегка шероховатой, и гадая, когда же я смогу научиться такому.

— Может, если тебе тоже уже надоело стоять здесь под дождём, пройдем в квартиру, ты покажешь мне письмо, и мы поговорим? — осведомился Княжевич и щёлкнул пальцами. Стена сразу исчезла, а воздух снова стал самым обычным, только чуть прохладнее, чем до этого. — Кстати, ты собрала вещи?

— Собрала, — ответила я. — Но для чего это было нужно?

— Мне сегодня неожиданно сообщили, что я должен ехать в очередную командировку — чем скорее, тем лучше. Отказаться или отложить её я не могу, — добавил он, пока я не начала задавать вопросы. — Но я могу взять тебя с собой.

— Это далеко? — спросила я.

— За городом. Возможно, ты мне даже поможешь, — проговорил Дарий. — Так как, хотя бы чаем меня угостить можешь? А затем поедem.

— Прямо сейчас? — изумлённо произнесла я. — Сегодня? Но ведь уже поздно...

— Я же сказал — чем скорее, тем лучше, — повторил он.

Через несколько минут мы уже сидели на кухне, и я разливала по кружкам горячий чай. Княжевич прочитал письмо, положил его обратно в конверт и снова задумался. Он по-прежнему не собирался ничего мне рассказывать, но я уже не злилась на него так сильно. По правде говоря, мне было даже стыдно. Третья истерика за два дня, а вчера ещё и напилась в его квартире...

Хорошо ещё, что Дарий мне об этом не напоминал. Он смотрел в окно, за которым, кажется, подходил к концу дождь, пил чай и хмурился. Я посмотрела на часы и подумала, что, если бы не письмо, то сейчас, наверное, уже спала бы.

Поставив на стол опустевшую чашку, Княжевич посмотрел на меня. Под его хмурым взглядом я поёжилась. Неожиданно мне стало очень интересно, сколько ему лет, — временами он казался совсем юным, а иногда чересчур взрослым.

— Нам пора, Вероника, — произнёс Дарий. — Не забудь свои вещи. И переоденься.

— Переодеться? — переспросила я.

— Твоя одежда промокла.

Я словно только сейчас почувствовала и поняла, что на мне промокшие от дождя вещи, неприятно облепившие тело. Смутившись, я выскользнула из кухни и почти побежала в свою комнату, где быстро натянула на себя чистые джинсы, майку и джинсовую рубашку. Положила в боковой карман дорожной спортивной сумки телефон и вышла в коридор.

Княжевич был уже там. Небрежно прислонившись к стене, он изучал висящую напротив картину. Это был портрет девушки, сидящей вполборота, красивой, задумчивой. Её лицо почти полностью скрывали разбросанные по плечам тёмные волосы. За спиной у девушки алело закатное небо.

— Интересно, — пробормотал Дарий, не отрывая взгляда от портрета.

— Что? — поинтересовалась я, тоже поглядев на картину, которая висела на этом самом месте столько, сколько я себя помнила.

— Поговорим об этом потом, — бросил он, поворачиваясь ко мне. — Ты готова? Тогда идём.

— Но как же квартира? — вдруг вспомнив, спросила я. — Я же обещала за ней присматривать. Воры могут забраться... Хотя, у нас и грабить-то нечего, — добавила я.

— Ах, это, — отозвался Княжевич с некоторым удивлением. — Охранное заклинание, думаю, поможет.

Я почти с восторгом наблюдала за тем, как, сосредоточившись, он на несколько секунд прикрыл глаза и что-то прошептал, едва шевельнув губами. Я не заметила никаких изменений, потому что пока не научилась распознавать воздействие даже самой простой магии, но, судя по тому, что Дарий удовлетворённо кивнул, заклинание подействовало. Вскоре мы уже сидели в машине.

— Можешь немного поспать, — произнёс Княжевич, заводя мотор. — Дорога будет долгой.

Глава 6

Дарий

Через некоторое время огни вечернего города остались позади. Дарий слегка приоткрыл окно в машине, куда тотчас проникли свежий прохладный ветер и запах недавно закончившегося дождя. Сейчас, когда в городе целыми днями стояла одуряющая летняя жара, этот неожиданный ливень оказался приятным подарком.

Всё остальное подарком не было.

В первую очередь, его предыдущая командировка, закончившаяся совсем не тем результатом, которого от него ожидало начальство. Во вторую, случившееся в Университете Магии убийство, которое, как уже успел выяснить Княжевич, в самом деле, посчитали естественной смертью. Даже жена (теперь уже вдова) декана подтвердила, что в последнее время у него были нелады со здоровьем, пошаливало сердце, а ещё он много волновался, и врач даже рекомендовал ему лёгкое успокоительное. По какой причине он волновался, она не знала. Но Вероника не врала — девушка, в самом деле, слышала то, что слышала, и видела то, что видела.

А, кроме того, если недостаточно перечисленных неприятностей, то вот новая проблема — не успел Дарий вернуться из прошлой командировки, как его тут же отправили в следующую, не желая слушать никаких возражений. Должно быть, в Магическом Надзоре посчитали, что, учитывая молодой возраст, энергии у него хватит на всё. А, может быть, его просто хотели удалить из города? Отправить куда-нибудь подальше, за город, в леса, занять чем-то, что помешало бы ему пойти в университет и хорошенько там осмотреться. Этот вариант тоже следовало бы учесть.

Девушка молчала, устроившись на заднем сиденье. Скорее всего, в самом деле, послушалась его совета и заснула. Это и к лучшему, поскольку сейчас Княжевич был совершенно не в настроении выслушивать её вопросы, на большинство из которых у него не было подходящих ответов. Он даже позавидовал ей. В командировке Дарий почти не спал, а, что касается сегодняшней ночи, то, когда ему снился сон о последнем дне в приюте, он всегда не высыпался и потом весь день чувствовал себя разбитым.

Вероника на данный момент оставалась его козырем в рукаве. Он ещё никому не передал той информации, что она ему рассказала. Княжевич не торопился оповещать об этих, безусловно, интересных новостях своё начальство. Сначала нужно было самому всё хорошенько обдумать, а дальше уже определиться с тем, кому он доверяет настолько, чтобы рассказать об убийстве декана университета. К сожалению, даже из числа своих коллег по МН, из тех, с кем он, что называется, прошёл огонь и воду, Дарий Княжевич мог доверять далеко не всем.

Но оставался вопрос о том, кто же подбросил Веронике это письмо, если от самого Дария никто другой ничего ещё не успел узнать. Увы, но его худшие предчувствия только подтверждались. Кто-то видел девушку в университете и хотел напугать её, но какую цель мог преследовать этот неизвестный? Может быть, тому, кто оставил под её дверью эту записку, казалось, что она не представляет опасности, поэтому, прежде чем разделаться с ней, можно немного поиграть, запугать девушку до полусмерти, заставить бояться

собственной тени? Если подумать, среди магов нашлось бы немало таких, кто не отказался бы от этого жестокого развлечения.

Владение магией на высоком уровне означало обладание властью, которую не так-то просто отобрать. Ею можно упиваться почти бесконечно. Некоторых эта власть опьяняла, сводила с ума. Особенно это было заметно в годы, когда в мире случались какие-то важные исторические события. Почти ни одно из них не обходилось без участия магов. Но у всего была своя обратная сторона. Наличие в мире магов означало и присутствие в нём инквизиторов.

Дарий и сейчас помнил тот день, когда за ним пришли, чтобы отправить в приют. Помнил, как пытался убежать. Как кричал и выкручивался из сильных рук человека, одежда которого напоминала форму обычного полицейского, если не считать нескольких специальных знаков принадлежности к Инквизиции. Помнил, как с отчаянно пытавшихся уцепиться за перила лестницы пальцев сорвалось несколько горячих искр, от которых ярко вспыхнула вся деревянная лестница. Ни раньше, ни после этого у него такого не получалось.

Тогда Княжевич ещё не знал, что через три года, когда приют закроется, у него уже не будет дома, в который он так стремился вернуться.

Пытаясь отвлечься от воспоминаний, Дарий устало провёл рукой по лицу и нахмурился. Странное предчувствие того, что его неприятности, на самом деле, только начинаются, было похоже на навязчивую мысль, которая мухой крутилась вокруг, не желая оставить его в покое. Взять хотя бы даже вопрос о том, почему эта новая загородная командировка неожиданно оказалась настолько срочной, что ему пришлось выехать из города, не дожидаясь утра.

За окном сгущалась ночь. До цели их пути оставалось не так уж много. Там их ждал старый дом на окраине небольшого населённого пункта, построенный на границе с лесом. Там давно никто не жил, и можно было только гадать, как у его непосредственного начальника Аркадия Фогля оказались ключи от дома, который находился так далеко от города. Впрочем, от него можно было ожидать и не таких сюрпризов.

Впереди показались дома. Они почти приехали, и, если он правильно помнил все указания Фогля, до нужного дома оставался всего один поворот. Не удержавшись, Княжевич всё же бросил взгляд на девушку и обнаружил, что она, судя по всему, крепко спит. Её лицо в неярком свете казалось усталым и бледным. Случившееся вчера — неужели, только вчера? — стало нелёгким испытанием, в первую очередь, для неё.

Дарий не сразу понял, что происходит, когда руль неожиданно выскользнул из рук, будто отказываясь подчиняться. Было уже поздно что-то предпринимать, и машина, не избежав резкого столкновения с ближайшим столбом линии электропередачи, всё же остановилась. В небо взметнулся круговорот искр. Зашатавшись, столб покачнулся и начал заваливаться набок. Всё произошло так быстро, что, должно быть, мирно спящие жители ближайших домов ничего не успели понять, даже если слышали.

Тяжело дыша, Дарий выбрался из покореженной машины и распахнул заднюю дверцу. Вероника почти выпала из салона, он едва успел её подхватить. Глаза девушки были закрыты. Ударилась? Потеряла сознание?

— Вероника, ну же, открывай глаза, — приподнимая её, негромко проговорил Княжевич. — Где я тебе тут мага-целителя найду?

Её взгляд был испуганным, но вполне осмысленным.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, понимая, что успел по-настоящему за неё

испугаться.

— Голова... болит... И порезалась, кажется, — выдохнула она. — А вы... как?

— Стекло треснуло, но не разбилось. Я отлично, — ничуть не соврав, ответил ей Дарий. Он и сам не понял, как ему удалось отделаться без единой царапины. Может быть, подействовало его везение, о котором уже ходили легенды, а, возможно, маг, который подстроил им эту ловушку, просто оказался несколько слабее, чем сам Княжевич и его защита. То, что это была именно магическая ловушка, он сейчас чувствовал вполне отчётливо.

Вероника слабо сопротивлялась, но, не слушая её, Дарий взял девушку на руки. Нужно было отнести её в дом, а затем вернуться за вещами. К счастью, нужный им дом был уже совсем близко.

Он открыл дверь, внёс девушку в дом и положил на ближайший диван, о который едва не споткнулся в темноте. Осторожно провёл ладонью по лбу, волосам. Княжевич не был магом-целителем, но всё же умел снимать боль, а именно это сейчас девушке и требовалось. Он надеялся, что сотрясения мозга у неё не случилось. Разумеется, Вероника сильно перепугалась, но всё могло закончиться куда хуже.

У него ещё будет время подумать о том, кому это было выгодно.

— Где мы? — спросила она.

— В доме, где нам придётся некоторое время пожить, — сообщил Дарий. — Я пойду за вещами. Лежи, не вставай.

— Что теперь будет?

— Думаю, им придётся поставить там новый столб, — пожав плечами, ответил он и вышел.

Сейчас, когда отступил страх, на смену ему пришла злость. На того, кто устроил магическую ловушку там, где они наверняка должны были проезжать. На самого себя, что не обнаружил этого факта раньше. На Аркадия Фогля, который отправил его в эту чёртову командировку. Даже на Веронику, которая снова оказалась пострадавшей стороной, ведь её защита была куда слабее, чем его собственная.

Забрав из машины две сумки и вернувшись в дом, которой пока даже не получалось как следует рассмотреть, Дарий спохватился, что оставил девушку в темноте, разыскал, где зажигается электрический свет, пощёлкал включателем, но ничего не произошло. Должно быть, причиной этому был всё тот же столб, не к добру попавшийся им на дороге. Час от часу не легче!

— Похоже, придётся искать свечи, — пробормотал он, освещая себе дорогу зажигалкой, чтобы больше ни обо что не споткнуться. В доме пахло нежилым помещением, и хотелось поскорее открыть окно, чтобы впустить сюда свежий воздух. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — зажмурившись, ответила девушка, приподнялась и села.

— Где ты порезалась?

— Локоть. Но кровь уже не идёт.

— Надо было тебе позаботиться об аптечке, — хмыкнул Дарий.

— Вы мне не дали обдумать, что взять с собой, — парировала девушка.

— Тоже верно, — согласился он. — Как думаешь, сколько тут комнат?

— Думаю, много. Как вы считаете, в этом доме есть привидения?

— Вероника, ты, вроде бы, уже выросла из детского возраста, а продолжаешь верить в сказки?

— А вампиры — тоже сказки?

— Где же эти свечи? — выругавшись про себя, буркнул Княжевич, выдвигая из комода ящички, набитые чем угодно, кроме того, что было ему нужно.

— Может быть, на кухне? — предположила она. — Должна же в этом доме быть кухня.

Дарий отправился на поиски кухни и вскоре убедился, что Вероника сделала верное предположение. Свечи обнаружились в кухонном шкафу. Подсвечники были там же. Учитывая их количество, можно было прийти к выводу, что перебои с электричеством здесь случались часто. Княжевич вернулся в комнату, поставил на стол подсвечник, подошёл к окну и широко распахнул его.

Вероника сидела на диване, обхватив руками худенькие колени, и смотрела на него. В её глазах плясали отблески огня от свечей. Она всё ещё была очень бледной.

— Почему мы попали в аварию? — спросила девушка. — Вы заснули за рулём?

На какое-то мгновение у него возник соблазн ответить, что именно так всё и было. Что он просто ненадолго задремал в дороге, потерял управление, и машина врезалась в столб. Не стоило бы пугать Веронику новостью о магической ловушке, она и так поставлена в ситуацию, в которой ей очень страшно.

Глава 7

Вероника

Княжевич злился. Сидя на диване, я наблюдала за тем, как он раздражённо ходил по комнате. В свете свечей его силуэт казался немного пугающим, будто я смотрела спектакль в театре теней. Я понимала, что сердится он вовсе не на меня, но чувствовала себя довольно неловко. В конце концов, в эту командировку он должен был ехать один, а теперь ему приходилось возиться ещё и со мной.

И эта авария...

Воспоминания о случившемся были нечёткими, будто смазанные кадры на плёнке. Я спала и почти не успела понять, что случилось, когда машина врезалась в столб. Всё это я осознала лишь позже. В памяти остались громкий треск, резкий удар, а затем открывшаяся дверца машины. И руки Княжевича, поднимающие меня, уносящие к безопасности, снимающие боль неожиданно нежными и бережными прикосновениями...

Рассмотреть дом пока не представлялось возможным, но я к этому и не стремилась. Сейчас это место, где бы оно ни находилось, казалось уютным убежищем, где можно было свернуться в клубок и спрятаться от окружающего мира хотя бы до утра. Но неприятное подозрение, что авария была не случайной, не давало мне покоя.

— Так почему? — повторила я свой вопрос, на который Дарий мне так и не ответил.

— Вероника, в мире каждый день случается множество аварий, — раздражённо отозвался он. — Такое бывает. Ложись спать. Ты хочешь остаться в этой комнате?

— Да, — пробормотала я, снова ложась на диван, повернулась к стене и уткнулась носом в пахнущую пылью подушку. Не хочет разговаривать — значит, не буду дальше надоедать ему вопросами. Оставим эту тему до лучших времён.

Я слышала, как Дарий, взяв подсвечник, ушёл в другую комнату. Снова стало темно, но мне не было страшно, как будто, снимая головную боль, Княжевич применил какую-то анестезию и для моих эмоций, приглушив их. Я думала, что не засну, но провалилась в сон сразу же, как перестала слышать его шаги.

— Вероника, доброе утро, — проговорил кто-то знакомым голосом и довольно бесцеремонно потряс меня за плечо.

Я открыла глаза и увидела склонившегося надо мной Дария Княжевича. Вид у него оказался бодрый, что едва ли можно было сказать обо мне. Комнату заливал солнечный свет.

— Вставай, — твёрдо произнёс Княжевич, и сразу стало ясно, что повалиться на диване у меня сегодня не получится. — Ванная направо по коридору, кухня налево. Завтрак на столе. Идти придётся пешком, так что надень что-нибудь подходящее.

Проговорив это, он вышел не только из комнаты, но, кажется, даже из дома. Я неловко села и потёрла лоб. Порадовалась тому, что боль не вернулась. Посмотрела на локоть, обнаружив начавший заживать неровный порез. Мне всё ещё хотелось спать, но в целом самочувствие казалось вполне сносным.

Ванную комнату, где можно было сполоснуться и переодеться, я обнаружила почти

сразу, а, чтобы найти кухню, пришлось немного поплутать. Дом, в самом деле, оказался большим. Было заметно, что в нём давно никто не жил. Заглянув в пару комнат, я обнаружила, что часть мебели там покрыта плотными чехлами. Мне становилось всё любопытнее, кто же обитал в этом доме раньше и где сейчас находятся его хозяева.

На кухонном столе я обнаружила кофейник и, наливая себе кофе, с удовольствием зажмурилась от приятного аромата. С таким выражением лица меня и застал неожиданно вернувшийся в дом Княжевич. Усмехнувшись, он сел на стул у окна и раскрыл какую-то книгу, на вид очень старую.

— Что с машиной? — спросила я. — Аварию будут расследовать?

— Этот вопрос уже решён, не волнуйся, — произнёс Княжевич. — Но машину мне придётся купить новую.

Я вздохнула и мысленно пожелала, чтобы новая машина оказалась того же цвета, что и предыдущая.

— Куда мы сегодня пойдём? — осмелилась поинтересоваться я, приступая к завтраку.

— Вероника, тебе кто-нибудь уже говорил, что ты слишком любопытна? — ответил Дарий, не отрываясь от книги, в которую мне очень захотелось заглянуть.

— Говорили, — подтвердила я. — Но должна же я знать, к чему мне готовиться. После вчерашнего.

— Читали тебе в детстве сказки? «Пойди туда, не знаю, куда. Принеси то, не знаю, что», — процитировал Княжевич. — Вот примерно этим мы и займёмся.

Прозвучало это не очень оптимистично.

— Чей это дом? — спросила я.

— Понятия не имею, — отозвался он. — Но ключ от дома дал мой начальник, так что можешь не беспокоиться, незаконного проникновения в чужое жилище мы не совершали.

— Я и не беспокоилась, — пробормотала я. Это было не совсем правдой — дом всё же вызывал у меня если не тревогу, то какое-то неясное чувство. Словно я что-то должна понять, но это от меня ускользает. Не слишком-то приятно. Когда я проходила по коридору, мне постоянно хотелось обернуться.

А, может, в самом деле, привидения?

Заметив, как я вытягиваю шею, чтобы хотя бы краешком глаза заглянуть в книгу, которую он сосредоточенно перелистывал, Дарий хмыкнул и повернулся так, чтобы мне было видно открытую страницу. Обхватив кружку с кофе обеими руками, я жадно уставилась в книгу. Но тут же разочарованно вздохнула — в тексте, как и в схемах, дополняющих его, сложно было что-то понять. Кое-где я заметила примечания, дописанные чьим-то неровным почерком. Но Княжевич, похоже, в отличие от меня, понимал, о чём тут говорится.

— Это трактат о псионике, — проговорил он, поворачивая книгу, чтобы прочитать написанное вручную.

— О псионике? — переспросила я.

— Думаю, вы этого ещё не изучали, — заметил Княжевич. — Псионика — это магия разума. Не только магия, но и наука.

— В самом деле, не изучали, — со вздохом согласилась я. О скольких же вещах мы, студенты, пока ещё даже не слышали!

— Довольно долго псионика была под запретом, — продолжал он. — Но это не означало, что её не практиковали и не изучали. Скорее, всё это делалось тайно.

— Но почему? — спросила я, всё больше заинтересовываясь обсуждаемой темой. — Что

в ней опасного? Или это... как некромагия?

— В каком-то смысле это даже хуже, — поморщившись, ответил Княжевич. — Некромаги иногда бывают очень полезны... В тех случаях, когда нужно узнать что-то у мёртвых. То, что они не успели рассказать при жизни. А, что касается владения псионикой, то в руках плохих людей это весьма сильное оружие.

— Для чего? — выдохнула я, борясь с желанием задать вопрос, видел ли он процесс общения некромагов с мертвецами.

— Для того чтобы воздействовать на разум живых существ. Подчинять их.

— Это что-то вроде гипноза? — предположила я.

— Да, как пример это вполне подходит, — подтвердил Дарий. — Занятия псионикой требуют времени. Этому не научишься за месяц. Сначала маг тренируется управлять собственными эмоциями, полностью контролировать энергию тела и разума, владеть своими мыслями, эмоциями, побуждениями... Без этого невозможно перейти к следующему этапу, когда он приступает к работе с разумом и чувствами других. Обычно начинают с животных, а дальше уже переходят к людям.

— Ужас какой! — воскликнула я, представив себе подобную картину. — Но... получается, сейчас это уже не запрещено?

— Не всем. Сейчас маг может получить разрешение на изучение и занятия псионикой, если у него получится убедительно доказать, что это имеет какой-то смысл, а также — если он будет делать это контролем Магического Надзора. Например, маги-целители могут пользоваться приёмами псионики при работе с душевнобольными людьми. Но пока в университетах всего мира не позволяют брать магию разума в качестве специализации. Не уверен, что когда-нибудь вообще разрешат. Кроме того, некоторыми приёмами псионики владеют также инквизиторы.

Я вспомнила, как инквизитор выводил из здания общежития Виолетту, и невольно поёжилась.

— Но, как уже говорилось, овладеть магией разума мечтали многие, поэтому даже в годы полного запрета псионики для всех, кроме Инквизиции, находились желающие взяться за её изучение. Так и появился этот трактат, — продолжал Княжевич. — Мне, к сожалению, не сообщили, как именно он оказался в руках моего непосредственного начальника. Но, если верить вот этим примечаниям, когда-то изучавшие и применявшие псионику маги жили именно здесь.

— В этом доме? — уточнила я.

— Возможно, — ответил Дарий, пожав плечами. — В этой местности — точно. А в лесу, куда мы с тобой отправимся уже через несколько минут, кое-что спрятано.

— То, не знаю, что? — полюбопытствовала я.

— Увы, мы, в самом деле, точно не знаем, каков этот предмет. Известно только, что это амулет ведьмы, которая достигла немалых успехов в магии разума. А эти амулеты, как ты сама уже знаешь, могут иметь почти любую форму.

Разумеется, я знала. У меня тоже был амулет ведьмы, торжественно полученный на первом курсе университета — в день посвящения в студенты. У некоторых, например, у моей соседки по комнате Инны, родившейся и выросшей в семье магов, такие амулеты были с самого детства. У неё это оказался старинный медальон, который Инна носила на серебряной цепочке. У меня — кольцо с синим камнем. Ещё две соседки Лина и Лера заявляли, что его цвет похож на цвет моих глаз, поэтому кольцо и выбрало меня в том

ритуале, когда каждый из тех, кто пока не имел собственного амулета, должен был его получить.

О свойствах амулетов нам тоже рассказывали на первом курсе, хотя я подозревала, что не обо всех. Защищать своего обладателя. Добавлять ему сил. Концентрировать в себе его магию. Чем сильнее ведьма или маг, тем могущественнее и ценнее амулет.

Для меня мой собственный амулет пока, по большей части, служил только украшением. Магию до достижения двадцати одного года мы могли применять исключительно на практических занятиях в университете и только под строгим контролем преподавателей. Но защищать меня амулет уже мог — возможно, поэтому я не так сильно пострадала ночью в аварии, как могла бы, оказавшись без кольца на пальце.

— Сильной ведьмы? — спросила я у Княжевича.

— Думаю, да. Но в живых её уже нет, — задумчиво ответил он. — Ты готова? — поторопил меня Дарий. — Я и так подозреваю, что мы там до ночи проходим.

— У нас есть какие-нибудь ориентиры?

— Не слишком-то чёткие.

— А что мы будем делать с этим амулетом?

— Отвезу его начальнику, а он решит сам, — пробормотал Княжевич, выходя из кухни.

Лес оказался совсем рядом. К счастью, погода в этот день выдалась не слишком жаркой. Идти было легко. В спину дул ветер. Можно было даже представить себе, что мы отправились на увеселительную прогулку, если бы не хмурое лицо Княжевича и не события, случившиеся ранее.

Я пыталась представить себе процесс поиска амулета ведьмы, учитывая, что мы даже не знали, как он выглядит. Но, возможно, Дарий мог отыскивать магические предметы по каким-то особенным признакам? Я очень надеялась, что ночевать в лесу нам всё же не придётся.

Глава 8

Вероника

По дороге в лес мы никого не встретили. Я уже начала думать, что это непроста. Уж слишком безлюдной казалась местность. Но ведь какие-то ещё строения невдалеке были. Разве что тот дом, в котором мы остановились, находился ближе к лесу, чем все остальные.

Мне хотелось задать Княжевичу множество вопросов, но он по-прежнему был таким хмурым, что я не решалась. К тому же, мне в эти минуты, пока мы шли, всё больше казалось, что я нахожусь не на своём месте. Я должна была быть дома или в общежитии, а вместо этого чувствовала себя надоедливym хвостиком, увязавшимся за Дарием Княжевичем, которому это совсем не нужно.

Но ведь он сам уговорил меня ехать вместе с ним! Напомнив себе об этом, я слегка приободрилась. Возможно, даже получится оказаться ему полезной, правда, пока не совсем понятно, каким именно образом.

— Почему эта ведьма спрятала свой амулет? — всё же решилась я задать вертевшийся на языке вопрос.

— Едва ли я смогу дать точный ответ, — хмыкнул он. — Кто знает, что творилось в её голове?

— Но как вы сами думаете?

— Можешь обращаться ко мне на ты, — буркнул Княжевич. Я ожидала новых упрёков в излишней любопытности, но он продолжил рассказывать. — Я думаю, она знала о том, что её разыскивают инквизиторы. Видимо, у неё уже не было возможности скрыться. Поэтому она и спрятала свой амулет, вложив в него часть собственной силы. Должно быть, надеялась за ним вернуться.

Наверное, у меня слишком богатая фантазия, потому что я тут же представила себя на месте этой ведьмы, которая, преследуемая Инквизицией, прячется в этом лесу, а затем, понимая, что её всё равно отыщут, оставляет там свой амулет.

Я снова вспомнила про Виолетту, которую инквизитор забрал прямо из общежития, и решила рассказать об этом Дарию.

— Ты уверена, что ей уже исполнился двадцать один год? — поинтересовался Княжевич, нахмурившись.

— Кажется, да, — ответила я. — А, может быть, и нет. Что с ней будет, если она нарушила закон и применила магию до достижения этого возраста?

— Это зависит от того, каких дел она натворила, — задумчиво проговорил он.

— Общежитие, во всяком случае, стояло на месте, — отозвалась я.

— Если какие-нибудь глупости в виде попытки приворожить парня, то, думаю, её слегка попугают да отпустят. А если кто-то пострадал, тогда всё может быть куда хуже...

Его слова меня ничуть не успокоили. Виолетта, пожалуй, может решиться на приворот. Но, с другой стороны, вокруг неё и так постоянно вертелись парни, и едва ли кто-либо из них стоил того риска, на который она могла бы пойти.

В лесу было прохладно, негромко пели птицы, и совершенно не хотелось думать о том, что когда-то здесь пряталась нарушившая закон ведьма, а, может быть, не только она, но мысли об этом не уходили. Чем больше я размышляла, тем сильнее меня занимала эта история. Я даже на какое-то время забыла о собственных невзгодах и тех страхах, которые заставили меня испытать сначала убийство декана, а затем письмо, которое я нашла под дверью.

Я немного отстала, рассматривая какой-то неизвестный цветок с тёмно-фиолетовой серединой и бледно-голубыми лепестками. Протянула к нему руку, чувствуя неудержимое желание прикоснуться к ним. Лепестки оказались бархатистыми и влажными от росы.

— Не отставай! — прикрикнул Княжевич и неожиданно взял меня за руку.

Прекрасно, теперь я ощущала себя не просто назойливым хвостиком, но и ребёнком, которого вывели на прогулку под присмотром взрослого. А, правда, любопытно, сколько лет Дарию? Моих одноклассниц, которые были в него влюблены, это, впрочем, совершенно не волновало, он и так для них представлялся прекрасным принцем.

Но я к ним не относилась. Я никогда не влюблялась и не собиралась этого делать — во всяком случае, в ближайшее время, когда и без того проблем хватало. Даже мои приёмные родители, которые особо не интересовались моей жизнью, знали об этом.

Хотя, надо признать, что иногда я позволяла себе пофантазировать о том, что кто-нибудь мог бы влюбиться в меня. Но и тут были свои очевидные нюансы. Если бы это оказался кто-то, кто мне безразличен, я бы волей-неволей чувствовала себя весьма неловко, а, если бы это было взаимно...

Что же, тогда об этом можно было бы и поразмыслить.

Судя по тому, что в квартире Княжевича не наблюдалось никаких следов женского присутствия, он придерживался тех же взглядов на романтические отношения. Или у него просто было слишком много работы? Едва ли какой-то девушке понравился бы тот факт, что её любимого человека то и дело отправляют в какие-то подозрительные командировки.

Когда я споткнулась о выступавший из земли корень, Дарий удержал меня, так сильно сжав мои пальцы, что я едва не вскрикнула, и пробурчал, чтобы я смотрела под ноги. Я, в свою очередь, едва слышно ответила что-то о том, что жизнь меня к туристическим походам не готовила. Он ничего не ответил, но ещё больше нахмурился, и мне снова стало неловко при мысли о том, что без меня он бы, пожалуй, справился с этой работой куда быстрее.

Я понятия не имела, куда мы идём и каким образом разыщем этот амулет. Может, у Княжевича был при себе какой-нибудь специальный магнит, который притягивает такие вещи? Или ему были известны хоть какие-то видимые знаки, которые отмечали место, где спрятан амулет ведьмы? В противном случае мы могли бы пробродить тут несколько дней, а я и так уже почувствовала, что начинаю уставать. Да и есть уже немного хотелось.

— Думаю, это не очень эффективно, — произнёс Дарий, будто прочитав мои мысли. — Нам придётся разделить. Так будет быстрее.

— Разделиться? — переспросила я, начиная оглядываться по сторонам.

— А что, ты боишься? — отозвался он. — Хищных зверей в этом лесу нет. Да и люди тут практически не показываются.

— Почему? — наострив уши, поинтересовалась я.

— Местные жители называют его Ведьмин лес, — ответил Княжевич. — Они боятся сюда ходить.

— Из-за той самой ведьмы, которая спрятала амулет? — тут же озвучила я свою

догадку.

— Из-за неё, — подтвердил Дарий.

— Она что, проводила свои опыты по псионике на местных жителях? — спросила я. — Но ведь они знают, что она... что её здесь больше нет...

— Её нет, но магия осталась, — проговорил он. — Возможно, всё дело в амулете, но поговаривают, будто в этом лесу случаются странные вещи. Люди из ближайших деревень видят над ним разноцветные огни, а, если решаются сюда заглянуть, то и другие миражи. Всё это — порождения магии. Той, что оставила здесь эта ведьма и её сообщники.

— Их было много? — поёжившись, спросила я. — И эта магия... Она может нам повредить?

— Днём, думаю, нет, а к вечеру мы уже вернёмся в дом. Что же касается сообщников ведьмы, то их точное количество, к сожалению, неизвестно. Тогда были... такие времена.

— Смутные?

— Скорее, тёмные. Так как, ты идёшь направо, а я налево?

— Мне всё равно, — дёрнув плечом, ответила я. Не нравилась мне эта его идея, совершенно не нравилась. — Но откуда я узнаю, что именно мне нужно искать?

— Амулеты обычно прячут под камнями, отмечая их специальными знаками, — терпеливо проговорил он, словно читая лекцию. — Если увидишь камень, на котором вырезаны руны, значит, это то самое место.

— А если я потеряюсь в лесу? — уточнила я, стараясь, чтобы мой голос не звучал испуганно.

— У тебя есть мобильный телефон.

Его тёплые пальцы выпустили мою ладонь, и Княжевич свернул налево, а я побрела в другую сторону. Мысленно я старалась себя приободрить. Сейчас день, сегодня тепло, всё будет хорошо. Ведьмин лес, подумаешь. Я и сама... ведьма.

Вот только пользоваться магией пока не имею права, и об этом мне ещё раз напомнил случай с Виолеттой.

Ничего похожего на камень, отмеченный рунами, я не наблюдала. Я почему-то была уверена в том, что амулет ведьмы наверняка разыщет Княжевич, а вовсе не я. Пройдя некоторое время, я дала себе возможность отдохнуть и присела на старый пенёк, напоминавший своими размерами трон какого-нибудь лесного царя.

Отправившись дальше, я думала об университете, стараясь не вызывать в памяти тот вечер, когда убили декана, о своей будущей специализации, которую уже скоро нужно было выбрать, о подругах-однокурсниках. Хорошо, что они не знали ничего о том, в какую историю я вляпалась. Я начинала бояться, что людям рядом со мной будет грозить опасность, поэтому радовалась тому, что почти все, с кем более-менее близко общалась, находились в это время в отъезде.

Все, кроме Княжевича... Как-то так вышло, что он оказался единственным, к кому я могла обратиться, единственным, кто пришёл ко мне на помощь в столь пугающее и странное время. Возможно, для него это тоже был риск, и всё же он не оставил меня одну в городе.

Услышав какой-то шорох, я в испуге оглянулась и увидела на ветке ближайшего дерева небольшого филина. Он смотрел прямо на меня. Я некоторое время удивлённо рассматривала его, пока он не взлетел. В таком месте можно было ожидать, что и филин заговорит. Мне даже стало жаль, что этого не произошло.

В разгаре был день, но в лесу неожиданно начало темнеть. Небо над головой стало сначала серым, затем тёмно-синим, а позже почти чёрным. Ветер, который только что был лишь слегка прохладным и освежающим, сейчас казался холодным.

Я ожидала, что вот-вот начнётся гроза, но дождя не было, и гром не гремел. Что же касается темноты, то она и не думала рассеиваться. Я вытащила свой мобильный телефон, собираясь позвонить Княжевичу и сказать ему, что в такой обстановке я продолжать поиски камня не намерена, но обнаружила, что связи нет.

Мне стало по-настоящему страшно. Лес, ещё несколько минут назад освещённый солнечным светом, теперь погрузился в густую темноту, в которой каждый звук казался угрожающим. Птицы замолчали, и становилось всё холоднее.

Дарий сказал, что оставшаяся в лесу магия не сможет навредить нам днём, но сейчас, несмотря на время суток, в этом месте наступила самая настоящая ночь.

И самая тёмная из всех, что я помнила.

Бесполезный телефон теперь можно было использовать лишь в качестве фонарика, да и то не очень долго. Я развернулась и пошла в обратную сторону, надеясь, что смогу вернуться на то место, где мы с Княжевичем разошлись. Но в темноте было сложно определить, правильно ли я иду.

Глава 9

Вероника

Темно. Как же темно... Казалось, что я уже целую вечность шла по лесу, будто в лабиринте, но часы на экране мобильного телефона показывали, что прошло всего несколько минут. Я то и дело проверяла, не появилась ли связь, но не обнаруживала даже намёка на неё. Похоже, Ведьмин лес так надёжно хранил свои секреты, что не допускал даже влияния цивилизации.

Иногда я слышала звуки, а, возможно, они мне только мерещились. Шорохи, глухие стуки, даже стоны. Я прибавляла шаг, но всё же остерегалась, что могу споткнуться в темноте и растянуться на земле.

Делая шаг за шагом и лишь надеясь, что иду в правильном направлении, я давала себе обещания. Больше никогда не ходить в лес. Жить только в городах. Купить фонарик и всегда носить его с собой. Не позволять больше, чтобы меня оставляли одну в таком месте и такой ситуации.

Когда я поняла, что стало светлее, то поначалу решила, что день возвращается. Но радоваться было рано. То освещение, что появилось в лесу, ничем не напоминало солнечный свет, на который я так надеялась.

Остановившись, я наблюдала, как неизвестно откуда взявшийся белый туман медленно расползлся по траве, заливая всё вокруг бледным светом. Словно по тому участку леса, где я находилась, разлили молоко, которое растекалось всё шире. Нужно было попытаться определить, где я нахожусь, и идти дальше, но я стояла на месте, будто заворожённая, и была не в силах отвести взгляд от того, что видела перед собой.

Туман казался мягким и нежным. Мне захотелось прикоснуться к нему, но, когда я протянула руку, то почувствовала только холодный воздух. Тем временем, туман постепенно сгущался.

Я никогда прежде не видела такого тумана. В нём было что-то особенное, что-то, что заставляло, позабыв обо всём, смотреть на то, как он соприкасается с землёй, травой, кустами, а после начинает подниматься всё выше. Затаив дыхание, я сделала шаг вперёд, затем ещё один, и ещё...

Мне казалось, что я даже почти не была удивлена, когда услышала шёпот. Он раздавался из облака тумана, словно исходил прямо от него, не принадлежа никакому человеческому существу. Совсем тихий шёпот, едва слышимый, но настойчивый, зовущий, обещающий наконец-то покой и надежду.

— Да, я иду, — прошептала я, сделав ещё несколько шагов вперёд, отзываясь на зов этого шёпота, который обращался именно ко мне — я была уверена в этом, хотя и не могла разобрать отдельных слов.

— Вероника, нет! Остановись! Беги!

Раздавшийся крик заставил меня остановиться. Это был голос Княжевича. Не так уж далеко он, похоже, находился, если мог звать меня. В его голосе звучало предупреждение об

угрозе. Я даже удивилась — чего можно было бояться, если я находилась в окружении тумана, обещавшего мне защиту и спокойствие?

Но всё же я послушалась Дария. Нелегко было заставить себя перестать прислушиваться к звучанию зовущего меня шёпота, покинуть это место, притягивающее к себе. Я развернулась и побежала.

Новая волна страха настигла меня почти сразу, как только я пустилась бегом. Теперь мне казалось, будто за мной гонятся, я почти чувствовала, как меня догоняет неизвестный преследователь, как на моей шее смыкаются его ледяные пальцы. Убегая прочь, я уже не боялась споткнуться, а бежала всё быстрее, пока у меня ещё хватало на это сил.

Столкнувшись с кем-то, оказавшимся на моей дороге, я громко закричала и попыталась оттолкнуть того, кто остановил меня. Но человек был сильнее. Его руки обхватили мои запястья, не давая вырваться.

— Вероника, тише, — произнёс он.

Это снова был голос Дария Княжевича, уже гораздо более спокойный, чем тогда, когда он кричал мне, чтобы я убегала. Никогда раньше я не была так рада услышать кого-то. Пытаясь отдышаться, я перестала вырываться из его рук и позволила ему привлечь меня к себе.

— Тише, тише, — успокаивающе бормотал Дарий, поглаживая меня по волосам. Это было странное и непривычное ощущение. Страх отступал. Я снова почувствовала себя в безопасности — Всё в порядке.

— Что это было? — спросила я. — Туман... и шёпот.

— Магическая ловушка, — ответил Княжевич, и в его голосе я расслышала злость, но злился он, к счастью, не на меня.

— И эта темнота? — уточнила я.

— Тоже, — подтвердил он.

— Но как же... Кто это всё сделал? Та самая ведьма? — продолжила я свои расспросы, чувствуя, что меня уже не остановить. Любопытство стало сильнее страха. — Она не хотела, чтобы её амулет нашли, и поэтому устроила здесь всё это?

— Всё может быть, — проговорил Дарий. — Вероника, прости... Я не должен был оставлять тебя одну.

Я удивлённо заморгала и слегка отстранилась, жалея, что в этой густой темноте не могла заглянуть в его лицо. Это было что-то новенькое. Дарий Княжевич, маг высшей ступени, специалист Магического надзора, извинялся передо мной.

— Если не она, то кто? — поинтересовалась я, пока Дарий не щёлкнул меня по носу за излишнее любопытство.

— Я бы и сам очень хотел это знать, — задумчиво проговорил он и тут же вытащил из кармана фонарик. — Мы возвращаемся в дом.

— А как же амулет ведьмы? — вспомнила я. — Мы ведь его так и не нашли.

— Нам придётся сюда вернуться, — ответил Княжевич, и от одной этой мысли меня передёрнуло.

Опять в лес? За что мне это? Мало ли какие ещё ловушки нас тут ожидали.

— Там теперь тоже ночь? За пределами леса, — спросила я, когда мы двинулись в путь.

— Думаю, там уже вечер, — отозвался Дарий. — Здесь время пошло неправильно. Есть магия, которая позволяет этого добиться.

— И я когда-нибудь смогу этому научиться? — с некоторым изумлением

поинтересовалась я.

— Надеюсь, что нет, — хмыкнул он. — Инквизиция, знаешь ли, такие вещи не одобряет. Впрочем, существует магия пространства и времени, но злоупотреблять этим не рекомендуется.

— Можно подумать, она нас вообще одобряет, — пробурчала я себе под нос, но он расслышал и негромко засмеялся.

Когда мы вышли из леса, я облегчённо вздохнула. За его пределами стояли летние сумерки, и ничто не напоминало о том, что несколько минут назад мы находились в окружении полнейшей темноты. Мне захотелось поскорее дойти до дома, и я даже ухватила Княжевича под руку и потянула вперёд, чтобы тот прибавил шаг, но от этого движения он поморщился, словно от боли.

— В чём дело? — испуганно выдохнула я и с ужасом уставилась на рукав его одежды, испачканной чем-то, очень похожим на кровь.

— Это была стрела, — проследив за направлением моего взгляда, проговорил Дарий. — Но не волнуйся. Всего лишь царапина.

— Стрела? — переспросила я. — Настоящая? Тоже магическая ловушка?

— Наверняка. А теперь, Вероника, перестань задавать вопросы и топай уже вперёд!

— Я топаю, — буркнула я, понимая, что больше ничего интересного он мне не расскажет — во всяком случае, пока.

Дом, который ещё утром представлялся мне не слишком уютным, сейчас показался самым прекрасным в мире — такой усталой я себя ощущала. Ещё одним плюсом было то, что электричество, похоже, починили. В свечах мы больше не нуждались.

Когда мы вошли в дом, я увидела, как Дарий, взяв что-то из своей сумки, направляется к ванной комнате, и, догнала его, чтобы предложить свою помощь в перевязке его раны. Не верилось мне, что это просто царапина, а магов-целителей поблизости что-то не наблюдалось. Да и врачей, впрочем, тоже.

— Уверена, что не упадёшь в обморок при виде крови? — насмешливо спросил Княжевич.

— Вот ещё! — фыркнула я.

— Тогда идём.

Когда он начал стягивать с себя рубашку, я поначалу смущённо отвернулась, но затем, пока Дарий не начал снова посмеиваться надо мной, с деловитым видом вытащила из свёртка, который он принёс, бинт и дезинфицирующее средство.

Кровь уже успела остановиться и слегка подсохнуть, но всё же я почувствовала, что мои руки слегка дрожат, когда помогала ему промыть рану и, обработав её дезинфицирующим средством, неловко перевязывала бинтом плечо.

— Наверное, шрам останется, — пробормотала я, осматривая результат своего первого опыта в роли медицинской сестры.

— Не первый, — отозвался Дарий, которого эта перспектива, похоже, совершенно не напугала. — И не последний, — добавил он.

— Ага, ещё скажи, что шрамы украшают мужчину, — подумала я вслух.

— По всем правилам это должна сказать ты, — произнёс Княжевич, в голосе которого снова появились иронические нотки. — Затем восторженно замереть и упасть в мои мужественные объятия.

— Не слышала я о таких правилах, — парировала я, отворачиваясь, чтобы он не заметил

алых пятен на моей легко краснеющей светлой коже.

— Даю тебе задание — пойти на кухню и посмотреть, что у нас есть на ужин, — проговорил Дарий. — Справишься?

Не отвечая на этот провокационный вопрос, я развернулась и, оставив его в ванной, отправилась на кухню. Сейчас, когда появилась возможность включить электрический свет, дом снова постепенно оживал. Я порылась в запасах продуктов, которые привёз из города Княжевич, и пожалела о том, что мы не заглянули в какой-нибудь магазин. Хорошо хоть запас посуды в этом доме был. Да и газовая плита оказалась не лишней.

Через некоторое время, когда он вышел из ванной и переоделся, мы выпили чаю с горячими бутербродами. Затем, оставив Княжевича в компании всё той же книги, что он изучал утром, я заперлась в ванной и позволила усталости раствориться под струями горячей воды. Когда вернулась на кухню, Дарий поинтересовался, собираюсь ли я снова спать на диване.

— А где ещё можно?

— Например, наверху, — предложил он, кивнув в сторону деревянной лестницы. — Там есть неплохая комната в мансарде, прямо под крышей.

Это прозвучало весьма заманчиво, и я согласилась. Ступеньки лестницы закрипели под ногами. Дарий отправился следом за мной и толкнул дверь, за которой оказалась небольшая комната с низкой кроватью и окном почти во всю стену.

— Тут уютно, — заметила я, входя и осматриваясь.

— Договорились, это будет твоя комната, — проговорил он, стоя в дверях.

— Завтра опять надо будет идти в лес? — с неохотой спросила я.

— Надо, но пока не думай об этом. Доброй ночи.

— Спокойной ночи.

Дарий прикрыл дверь, оставив меня в комнате. Я не спросила, где будет спать он. Оставшись одна, я подошла к окну и опустила штору, затем погасила свет и легла.

Глава 10

Вероника

Я снова находилась в Ведьмином лесу. Было уже не так темно, но это не помешало мне заблудиться. Потеряв все ориентиры, я чувствовала себя такой одинокой, словно за многие километры вокруг не было ни одного человека, который мог бы протянуть руку помощи. В ушах свистел ветер. Ветки деревьев хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, но я бежала всё быстрее, пока у меня ещё хватало сил. Где-то в стороне мелькал всё тот же белый туман, но шёпота я уже не слышала. Зато я точно знала, что за спиной остаётся мой преследователь — человек, который убил декана. Слыша его тяжёлое дыхание, я понимала, что он вот-вот догонит меня, и на этот раз мне не скрыться, не убежать, не спастись. Я не успела обогнуть попавшуюся на дороге яму, ощутила, что нога подвернулась, и с криком отчаяния и ужаса полетела вниз.

— Вероника! Вероника, открой глаза!

Услышав знакомый голос, я зажмурилась ещё сильнее. Чьи-то руки слегка потрясли меня за плечи. Я открыла глаза и увидела прямо перед собой обеспокоенное лицо Княжевича.

— Вы вытащили меня из ямы? — пробормотала я. — А где он?

— Вероника, это был сон, — проговорил Дарий.

— Правда? — недоверчиво уточнила я.

Осмотревшись, я поняла, что Дарий прав. Я находилась в комнате в мансарде дома, где вчера заснула. Из-за щелей пробивался свет. В воздухе кружились пылинки. Лес, преследователь, яма — всё оказалось просто страшным сном.

— Я кричала? — спросила я, переводя взгляд на Княжевича, который присел на край низкой кровати.

— Ещё как, — проворчал он.

— Простите... прости, — убрав со лба растрепавшиеся за ночь волосы, выдохнула я, всё ещё чувствуя дрожь после чересчур реалистичного сна, — казалось, что, если бы я сейчас рассмотрела себя, то обнаружила бы на ноге огромный синяк, а на руках и лице царапины от веток. — Я тебя разбудила.

— Тебе часто снятся кошмары? — поинтересовался он.

— Теперь, наверное, будут часто, — ответила я.

Учитывая, какое количество жутковатых событий выпало на мою долю за последние дни, удивляться таким снам было нечего, наоборот, следовало бы признать, что это только начало, а дальше будет ещё хуже. Я представила себе возвращение в город. К началу занятий в университете я могла бы превратиться в совершенно запуганное всем происходящим существо, страшящееся даже собственной тени.

Если, конечно, я вообще найду в себе силы переступить порог Университета Магии и снова оказаться в том коридоре, где стала свидетельницей убийства декана.

— А раньше? — уточнил Княжевич.

— Когда как, — дёрнув плечом, отозвалась я.

— Все сны что-то означают, но повторяющиеся — особенно, — заметил он. — Что ты видела сейчас?

— Ведьмин лес. За мной кто-то гнался. Я упала в яму, — кратко пересказала я свой сон, всеми силами желая, чтобы он не оказался повторяющимся.

Поймав на себе взгляд Дария, я торопливо натянула повыше сползшую с плеча майку, под которой на мне ничего не было. Неловкая пауза грозила затянуться. Я задала первый пришедший в голову вопрос.

— Сколько времени, уже пора вставать?

— Шесть утра, — ответил Княжевич. — В принципе, можно уже и вставать.

— Ага, — обречённо согласилась я.

— Я знаю, что тебе не хочется идти в лес. С большим удовольствием ты бы вернулась в город. Так? — проговорил он.

— Нет, — буркнула я, мысленно напомнив себе о том, что в городе у меня едва ли получится чувствовать себя в безопасности.

— У нас нет выбора, Вероника, — серьёзно произнёс Дарий.

— А если мы не найдём этот амулет? Может, его уже кто-то нашёл... раньше...
Сообщники ведьмы, например, — предположила я.

— Может быть, но нужно ещё поискать, — ответил он, поднимаясь и направляясь к выходу из комнаты. — Жду тебя внизу.

— А она могла вернуться за ним? Если инквизиторы её отпустили или... От них ведь можно сбежать?

Княжевич обернулся. На фоне приоткрытой двери в свете утреннего солнца его силуэт казался особенно чётким. Я уже было подумала, что не получу ответа на мой вопрос, когда он заговорил.

— Нет. От них нельзя сбежать, — произнёс Дарий.

Дверь закрылась. От его слов я поёжилась. Снова вспомнилась и пронеслась перед глазами сцена, увиденная возле общежития. Я как будто заново переживала её, чувствуя бессилие и страх. Нельзя сбежать, нельзя сбежать, нельзя...

Княжевич говорил так, как будто сам через это прошёл.

Поднявшись с кровати, я раздёрнула шторы, любясь открывшимся за окном видом. Летним утром всё было зелёным, свежим, ясным, и ничего не напоминало о произошедшем с нами вчера. Но при одной мысли о том, что нужно вернуться в лес, мне становилось не по себе.

Тем не менее, я уже поняла, что Дария Княжевича переубедить невозможно. Если он решил, что я должна ходить в лес с ним и помогать в поисках амулета ведьмы, то заставить его передумать у меня точно не получится. Оставалось лишь надеяться, что сегодня он хотя бы не оставит меня в одиночестве, потому что при воспоминании о чернильной темноте и сгущавшемся тумане, в котором слышался шёпот, я снова готова была побежать куда глаза глядят.

При солнечном свете преобразилась и сама комнатка, в которой я провела ночь. В ней почти не было мебели, но это не делало комнату менее уютной. Я с удивлением поняла, что с удовольствием осталась бы здесь надолго, поскольку чувствовала себя так, словно вернулась домой.

Когда я спустилась на первый этаж, Дарий пил кофе. Выражение лица у него стало чуть

более довольным и даже почти добродушным. Но меня было не провести — я подозревала, что Княжевич что-то задумал.

Он подтвердил мою догадку, когда я присоединилась к завтраку и тоже налила себе кофе. Отставив в сторону опустевшую кружку, Дарий снова отыскал подсвечник, который пригодился нам в первую ночь здесь. Я наблюдала, как он зажигает свечу за свечой.

— Для чего это? — полюбопытствовала я.

— Для ритуала, — пробормотал он. — Нужно усилить твою защиту. Твой амулет пока... не очень помогает.

— Тогда твой тоже, — заметила я. — Стрела ведь не пролетела мимо. Кстати, как твоя рука?

— Если бы не моя защита, стрела могла попасть в сердце, — холодно отозвался Княжевич. — Но тебе этого не понять. Рука в порядке, нужно будет только сменить повязку.

— Конечно, я ведь всего лишь недоучка, — буркнула я, продолжая смотреть на пламя свечи.

— Вот так и сиди, — проговорил он. — И дай сюда руку.

Крепкие пальцы обхватили моё запястье, и Дарий поднял мою руку над свечой ладонью вниз, а затем постепенно начал её опускать — очень медленно.

— Будет немного больно.

Мог бы и не предупреждать! Я едва не зашипела от боли, когда огонь почти лизнул мою руку. Дети иногда проводят подобные испытания — проверяют, сколько времени они могут стерпеть, если держать руку над свечой.

Губы Княжевича едва заметно шевелились, но слов я не слышала. Не ощущала я и его магию, которой он сейчас пользовался. Всё, что я чувствовала, было лишь жаром от свечи и болью в руке, которую я даже не пыталась вырвать из его цепкой хватки — понимала, что это бесполезно.

— Всё, — произнёс он, наконец-то выпустив мою руку и задувая свечи.

— У меня будет ожог, — заявила я, трясая рукой, а затем подула на покрасневшую кожу.

— Пройдёт.

Я возмущенно фыркнула. Если большинство из магических ритуалов настолько неприятные, не хотелось бы часто к ним прибегать. Я ещё раз пообещала себе серьёзно подумать о своей будущей специализации.

Кстати, я до сих пор не знала о том, какая специализация у самого Княжевича.

Когда он развязал бинт, чтобы я смогла помочь ему перевязать руку, обнаружилось, что рана выглядит вполне неплохо. Во всяком случае, куда лучше, чем вчера. Облегчённо вздохнув, я развернула чистый бинт и приступила к делу, но, видимо, слегка переусердствовала, потому что Дарий неожиданно втянул в себя воздух так, словно ему было больно.

— Это что, месть за твою руку? — поинтересовался он. — Между прочим, ритуал защиты был исключительно для твоей пользы. На меня он никак не повлиял.

— Я, вроде, не мстительная, — заметила я, останавливаясь. — Я нечаянно. А рука уже почти не болит. Хочешь, тоже могу подуть...

Я наклонилась и дунула на его плечо перед тем, как снова замотать бинтом, стараясь на этот раз не слишком сильно затягивать. Подняв голову, я обнаружила, что Княжевич уставился на меня с озадаченным видом. Выражение лица у него стало таким забавным, что мне захотелось рассмеяться.

Я опять ощутила странную неловкость и поспешила скрыться, пока он не начал снова говорить про украшающие мужчину шрамы и мужественные объятия, как вчера вечером.

— Поторопись, Вероника, нам пора выходить! — напомнил он мне вслед.

Как будто я могла забыть о том, что снова нужно идти в лес! Через несколько минут мы вышли из дома, но каждый шаг давался мне сложнее предыдущего. Всё закончилось тем, что Княжевич бесцеремонно взял меня под локоть и потащил за собой, заставляя прибавить скорость.

Мы так и не встретили никого из местных жителей. Я втайне завидовала им. Их-то никто не заставлял плестись в Ведьмин лес второй день подряд.

Когда мы вошли в лес, уже я сама вцепилась в Дария, так резко нахлынули на меня воспоминания о вчерашнем дне.

— Сделаем так, — проговорил он, разворачивая меня спиной к нему и наклоняясь к моему уху так низко, что я почувствовала на шее его горячее дыхание. — Представь себя этой ведьмой, Вероника. Представь, что у тебя больше нет выбора, нет выхода, нет надежды. Ничего не осталось. Все сообщники уже пойманы. По твоим следам идут инквизиторы. У тебя есть только один шанс сохранить хоть что-то от твоей силы и от тебя самой — спрятать амулет. Ты должна сделать это в лесу, и времени у тебя осталось мало...

От его голоса, глубокого, пробирающего, от этих слов, страшных в своей безнадёжности, по моей спине побежали мурашки. Я попыталась вырваться, чтобы не слушать больше, но он не позволил, обхватив меня за плечи. Его рука легла на моё лицо, заставляя закрыть глаза.

— Представь всё это себе, — продолжал говорить он. — Инквизиторы уже близко. У тебя больше нет сил прятаться. Ты знаешь, что нарушила закон, и знаешь, что тебя за это ждёт. Тебе страшно. Тебе одиноко. Представь... А теперь посмотри вокруг её глазами.

Тёплая ладонь мягко скользнула по моему лбу и пропала. Я открыла глаза и растерянно заморгала. Со мной происходило что-то странное — в эти мгновения я была собой и кем-то другим одновременно.

Глава 11

Вероника

Сложно было подобрать слова для того, чтобы описать, что случилось в ту секунду, когда я открыла глаза. Дарий отпустил меня, его руки больше не удерживали мои плечи, и я смогла сделать несколько шагов вперёд. Все ощущения будто усилились во много раз — мир вокруг казался более ярким, объёмным, я чувствовала пряные запахи травы и цветов, слышала пение птиц, которое стало громче, чем несколько минут назад.

Кажется, именно в это мгновение я поняла, какую свободу и силу может дать магия. Неужели я когда-то стыдилась этой своей особенности, считала магию не даром, а проклятием? Я готова была рассмеяться над собой прежней.

Магия — это возможность дышать полной грудью, нерушимо ощущать себя частью мира, знать, что тебе подвластно недоступное большинству людей.

Когда я пошла вперёд, мне не нужно было больше задумываться над тем, как и где разыскивать спрятанный амулет. Ноги сами вели меня, а я лишь подчинялась чьей-то воле. Но это совершенно меня не пугало. Казалось, это было вполне естественным переживанием. Надо мной смыкались ветви деревьев, а я всё шла, не обращая внимания на едва слышные шаги Дария за спиной.

Я ничуть не удивилась, когда увидела прямо перед собой небольшой поросший мхом камень. Не было нужды рассматривать его, чтобы проверить, не вырезаны ли на нём руны. Сейчас я и так знала — это именно то, что мы ищем.

Встав на колени, я запустила под камень руку, нащупывая то, что под ним находилось. Рука ушла глубоко. На мгновение мелькнула мысль, не спряталась ли там змея, но я уже вытаскивала свою добычу, желая поскорее рассмотреть её.

Свёрток в моей руке оказался небольшим. Я развязала стягивающую его верёвку, затем развернула несколько слоёв плотного материала и вытащила золотой браслет. Каплями крови в солнечном свете вспыхнули усеивающие его рубины.

Я надела браслет на запястье. Щёлкнула застёжка, позволяя ему плотнее обхватить руку. Казалось, браслет был сделан для меня, так изящно и естественно смотрелось это совершенное украшение.

— Вероника, нет! Что ты наделала? — со злостью в голосе воскликнул Княжевич, поднимая меня с колен и встряхивая. — Тебя не учили, что нельзя примерять чужие амулеты?

— Чужие? — переспросила я. — Да нет же...

Дарий просто не понимал, что этот браслет никак не мог быть чужим. Вытянув руку вперёд, я залюбовалась игрой света на алых камнях. От браслета исходило тепло, и я чувствовала, как меня наполняет его сила, ничуть не ослабевшая за те годы, что он находился под камнем.

Княжевич негромко выругался, затем что-то прошептал, и наваждение прошло. Я снова была собой. Не сопротивляясь, я позволила ему осторожно расстегнуть браслет и стянуть его с моей руки.

— Как ты себя чувствуешь? — пытливо заглядывая мне в глаза, спросил Дарий.

— Не знаю, — пробормотала я. — А что сейчас было? Как ты это сделал?

— Помнишь книгу, которую я читал в доме? — произнёс он, отворачиваясь и аккуратно пряча браслет в карман.

— Тракта́т по псиони́ке? — уточнила я. — Помню, а что?

— Так вот, я воспользовался методом, описанным в этой книге.

— Магией разума? — изумлённо переспросила я. — Но как же... Разве она не запрещена почти всем?

— У меня есть разрешение, — неохотно ответил Дарий. — Нас немного обучали. Иногда мы прибегаем к такой магии. На допросах, например.

Лучше бы он не говорил этого. Я тут же представила себе, как проходят допросы в Магическом Надзоре. Ведь не только инквизиторы, но и коллеги Княжевича занимаются нарушившими законы магами. Да и он сам тоже... По телу пробежала дрожь, мне стало холодно, я обхватила руками плечи.

— Идём, — бросил мне Дарий, направляясь обратно к выходу из леса. — Надо возвращаться в город.

— Сегодня? — глядя на его спину, спросила я.

— Мне нужно отвезти амулет, — обернувшись, ответил он.

— Но ведь машина...

— Поедем на общественном транспорте.

— А мы можем остаться здесь хотя бы до завтра?

— Ладно, — неожиданно легко согласился он. — Только до завтра.

Возвращаясь в дом, мы почти не разговаривали. Я хмуро смотрела под ноги. Княжевич думал о чём-то своём, и по его виду нельзя было сказать, будто он рад тому, что нам удалось найти амулет. Дарий даже не подумал извиниться передо мной за то, что загипнотизировал меня. Можно сказать, просто воспользовался мною для поиска амулета, и у него это получилось.

Ещё бы, с опытом такой работы...

Возвращаясь в мыслях к тому, что было пережито мною в лесу, я снова задавалась вопросом, какой была та ведьма, которая носила этот золотой браслет, украшенный рубинами. Почему так сложилось, что она занялась запрещённой магией? Что с ней стало после того, как она оказалась в руках инквизиторов?

Опять слишком много вопросов и ни одного ответа.

При мысли о скором возвращении в город мне становилось не по себе. Я старалась не думать о том, что меня ждёт, когда придётся вернуться в общежитие, а затем и в университет. Ведь постоянно Княжевич не сможет меня охранять.

Я немного завидовала тем, кто с самого рождения принадлежал магическому миру. Например, моей соседке по комнате Инне. Мне же входить в этот мир до сих пор было непросто, и, кроме того, я чувствовала вину перед приёмными родителями, которых не слишком устраивала ведьма в семье, и жгучее любопытство, кем же были мои настоящие родители, принадлежали ли они к числу ведьм и магов, почему от меня отказались.

Кстати, про семью Дария я тоже совершенно ничего не знала. Должно быть, они им гордились. Маг высшей ступени, служит в МН — неплохо для его возраста, это вам не магическую лавочку держать.

А мне, если останусь жива, пожалуй, никакая особенная карьера вовсе не светит...

— Хочешь прогуляться по посёлку? — поинтересовался Княжевич, оглядываясь на меня. — Можем в магазин зайти.

Я пожала плечами.

— Ты на меня злишься? — спросил Дарий, а, когда я снова равнодушно пожала плечами, остановился и встал прямо передо мной. — Я не хотел прибегать к этому способу. Но, похоже, другого выхода у нас не было. Не следовало задерживаться в лесу, могло повториться то же, что вчера. Или что-нибудь похлеще, — добавил он, нахмурившись.

— У тебя нет никаких догадок, кто мог поставить эти магические ловушки? — спросила я, но он только покачал головой — то ли, в самом деле, не было догадок, то ли просто не хотел мне рассказывать. — А авария? Она тоже могла быть подстроена?

Княжевич кивнул и, развернувшись, пошёл дальше. Я растеряннo зашагала следом. Мысли путались, а вопросов, которыми я терзалась, стало ещё больше.

Если подумать, вся эта командировка была довольно странной, словно её придумали специально для того, чтобы заставить Княжевича уехать из города. Но едва ли кто-то знал о том, что он взял с собой меня. А если узнали, то как — следили за нами?

Я никогда не стремилась к опасностям и приключениям, никак не могла предугадать того, что однажды они найдут меня сами. Если б я тоже куда-нибудь уехала на каникулы и не оказалась в тот вечер в коридоре университета, всё было бы по-другому. Но предаваться сожалениям и раздумьям о том, как развивались бы события в ином случае, было уже поздно.

— Где ты собираешься жить до начала занятий в университете? — поинтересовался Дарий, словно угадав мои недавние мысли.

— Дома, наверное, — ответила я. Впрочем, какая разница, если я нигде не ощущала себя в безопасности?

— Ты можешь пожить у меня, — произнёс он.

— В самом деле? — уточнила я. — А это не помешает вашей... — я запнулась. Мне всё ещё было сложно называть его просто по имени и на ты. — Это не помешает твоей личной жизни?

— Раньше тебя это как-то не заботило, — проговорил Дарий, снова поворачиваясь ко мне.

Я посмотрела в его насмешливые глаза и вспомнила, как попросила Княжевича остаться со мной до утра. В одной комнате. В одной кровати. Как стыдно! Ни за что не стала бы рассказывать об этом подругам.

— А твоей? — парировал он.

— Если бы она ещё была... — пробормотала я, обходя его и шагая вперёд.

— Я думаю, это неплохой вариант, пока не вернулись твои соседки по комнате, да и большинство преподавателей тоже. Может, к моменту начала занятий что-нибудь изменится.

— И мне больше не будет ничего угрожать? — поинтересовалась я.

— Надеюсь, — отозвался он, но мне почему-то казалось, что Дарий и сам несколько засомневался в своих словах.

Я задумалась о том, как расследуют совершённые с помощью магии убийства. Принимает ли в этом участие обычная городская полиция? Или только Магический Надзор и Инквизиция? Но смерть декана пока не считалась убийством. Все признали её вполне естественной, но мы с Княжевичем знали правду.

Я ничего не ответила на предложение Дария пожить у него, но уже понимала, что другого выбора у меня нет. Едва ли кто-то стал бы искать меня в его квартире. Да и защитных заклинаний там наверняка предостаточно...

Прогулка по посёлку заняла минут двадцать. Домов там оказалось не очень много, а магазин всего один. Мы встретили несколько местных жителей. Они, как и продавщица в магазине, посматривали на нас с недоверием. Я подумала, что, скорее всего, причина этого в случившейся с нами аварии, из-за которых весь населённый пункт на какое-то время остался без электричества.

Вернувшись, мы пообедали, после чего Княжевич снова углубился в книгу, а я решила ещё раз и более основательно осмотреть дом. Начала с мансарды, где, кроме той комнатки, в которой я ночевала, располагалось ещё две. Одна из них была почти полностью завалена всяким хламом. Большинству из находившихся там вещей место было на свалке, но кое-что привлекало внимание. Я задумалась, а нет ли среди них магических предметов.

Позабыв о времени и не обращая внимания на пыль, я погрузилась в изучение оказавшихся в моём распоряжении сокровищ. Здесь были книги, одежда, сломанные детские игрушки, сувениры, шкатулки, часть которых не открывалась, поскольку к ним нужны были ключи. Сражаясь с одной из них в надежде посмотреть, что внутри, я не сразу заметила, как в комнату вошёл Дарий.

Глава 12

Вероника

— Что ты здесь делаешь? — спросил Дарий.

— Ты не говорил, что это запрещено, — отозвалась я, не оставляя своих попыток открыть небольшую деревянную шкатулку с вырезанным на крышке цветочным узором. — Я ведь ничего не собираюсь отсюда забирать. Просто смотрю.

— Ты вся в пыли, — подойдя ближе, он наклонился и провёл кончиками пальцев по моей щеке. — И на носу тоже.

— Попозже умоюсь, — отмахнулась я и продемонстрировала ему свою находку. — Ты не знаешь, как это открывается? Я не вижу тут замочной скважины, значит, ключ не нужен.

— Что ты рассчитываешь там обнаружить? — поинтересовался Княжевич, присаживаясь на корточки и забирая шкатулку из моих рук.

— Что-нибудь интересное. Как ты думаешь, она могла принадлежать той ведьме? Как и браслет.

— Может быть. Но мы ведь точно не знаем, жила ли она именно в этом доме. Мой начальник далеко не всё мне рассказал.

— Почему? — полюбопытствовала я.

— Он предпочитает, что вся информация полностью была известна только ему, — задумчиво проговорил Дарий. — Наверное, он прав.

Затаив дыхание, я наблюдала за тем, как его пальцы ощупывают хитроумный механизм. Негромко щёлкнул скрытый рычажок, и шкатулка открылась. Я сразу же заглянула внутрь, едва не столкнувшись с Княжевичем лбами, и некоторое время с удивлением рассматривала обнаружившийся там предмет.

— Ключ? — произнесла я, протягивая руку и вынимая из шкатулки изящный ключик, изготовленный, судя по всему, из серебра, и причудливо украшенный завитушками и камнями.

— Опять хватаешь чужую вещь, как с браслетом? — проворчал Дарий, но и в его взгляде, обращённом на нашу находку, можно было прочесть восхищение.

— Никогда раньше таких не видела, — призналась я, передавая ему ключ, и уже начала сожалеть о том, что нам, скорее всего, придётся вернуть этот чудеснейший предмет обратно в шкатулку и оставить здесь, в этой пыльной комнате, где давным-давно никого не было.

— Я тоже, — ответил Княжевич, осторожно прикасаясь к крупному камню, который переливался различными оттенками от бирюзового до почти чёрного.

— Интересно, что он открывает, — вслух подумала я, перебирая в памяти все прочитанные мной книги, в которых ключи имели какое-то особенное значение. — Вот бы найти...

— Думаешь, все ключи обязательно должны что-то открывать? — усмехнувшись, заметил Дарий. — Может быть, его сделали просто как украшение.

— Было бы очень жаль. А это магическая вещь? — поинтересовалась я.

— Нет, но, похоже, редкая и драгоценная.

— Я могу пока не возвращать его в шкатулку? — спросила я, поглаживая кончиками пальцев изящную вязь узоров и пытаюсь представить себе, какой искусный мастер мог создать такую красоту. — Только до завтра. Или до вечера.

— Ладно, — снисходительно отозвался он, как будто я была ребёнком, в руки которого попала новая игрушка.

Дарий вышел. Я продолжила своё занятие, но это оказалось далеко не так интересно. Самый необычный предмет я уже нашла, а остальное казалось слишком обычным по сравнению с этим ключом. Я даже позволила себе немного помечтать о том, как было бы замечательно повесить его на цепочку и носить на шее... Но я не имела права забирать ничего из этого дома и не собиралась этого делать.

Я снова совершенно потеряла счёт времени и спустилась на первый этаж лишь через несколько часов, когда поняла, что проголодалась. Ключ, с которым мне так не хотелось расставаться, положила в карман. Спускаясь по лестнице, я услышала Княжевича и предположила, что он разговаривает по телефону. Но затем послышался незнакомый голос, который ему отвечал. Я с удивлением замерла на лестнице, не зная, идти ли мне к ним или скрыться обратно в мансарде.

Тем временем, Дарий появился сам, а с ним и его собеседник. Это оказался плотный мужчина средних лет, светловолосый, с залысинами, одетый в серый костюм. Я поздоровалась.

— Иди сюда, — сказал мне Княжевич. — Это Аркадий Фогль, мой начальник, — представил он мужчину, а затем, когда я подошла чуть ближе, неожиданно небрежно обнял меня за плечи и притянул к себе. — А это Вероника, моя девушка, — добавил он и, пока я могла только изумлённо моргать, продолжил: — Фогль останется на ночь, а завтра утром уедем вместе.

— Очень приятно, — пробормотала я, переводя взгляд с одного на другого.

Дарий вёл себя так невозмутимо, как будто не было ничего странного в том, что в доме внезапно объявился его начальник, и я была представлена ему как девушка Княжевича. Его рука всё ещё лежала на моём плече, а сам он широко улыбался, словно был невероятно рад увидеть этого человека. Мне же почему-то казалось, что это вовсе не так.

— Какая молоденькая, — проговорил Фогль, и под его пристальным взглядом мне стало неловко. — Учитесь в Университете Магии?

— Да, — ответила я, не успев удивиться тому, как быстро он догадался. — Я пойду, мне надо умыться, — вспомнила я о том, что успела перемазаться в пыли, пока перебирала старые вещи.

— Потом вместе поужинаем, — сказал мне вслед Дарий, когда, выскользнув из его рук, я заторопилась в ванную комнату.

Я оттерла с мылом пыль с лица и рук, отряхнула одежду, а затем села на край старой чугунной ванны и глубоко задумалась. Княжевич ничего не говорил о том, что сюда собирается приехать его начальник. Получается, что для него это оказалось таким же сюрпризом, как и для меня. Вот только я никак не ожидала, что ему вздумается разыгрывать перед Фоглем этот странный спектакль. Теперь я ещё и должна была изображать из себя его девушку!

А, может быть, им даже было запрещено брать с собой в командировки тех, кто не работает в Магическом Надзоре. Осознав, что теперь Княжевичу может крепко влететь из-за

меня, я и вовсе расстроилась. Мне захотелось куда-нибудь спрятаться, провалиться сквозь землю или вовсе стать невидимкой.

— Вероника, ты там не уснула? — проговорил Дарий, постучав в дверь.

— Нет, — отозвалась я и открыла ему.

Княжевич вошёл в ванную и прикрыл за собой дверь.

— Он тебя поругал, да? — негромко спросила я. — Потому что я здесь?

— Как видишь, мне пришлось придумать предлог, — ответил он. — Уверен, мы справимся.

— Но ты ведь не говорил ему... про меня и декана?

— Нет, — нахмурившись, произнёс он. — Пойдём ужинать.

Я уныло поплелась за ним в кухню. Оставалось только надеяться, что этот маг со странной фамилией Фогль и внимательным взглядом нас не раскусит. В своих актёрских способностях я была не слишком-то уверена.

За ужином начальнику Дария вздумалось расспрашивать меня об учёбе и преподавателях. Мне пришлось очень осторожно выбирать слова, стараясь не обмолвиться о том, что я приходила в университет во время каникул. Если Княжевич пока не стал рассказывать Аркадию Фоглю о том, что я в тот вечер была там, значит, на это у него есть свои причины.

Еле вытерпев эту беседу до конца ужина, я оставила Дария и его начальника обсуждать их дела, а сама вернулась в мансарду. В своей комнате, я села на подоконник и вытащила из кармана ключ, рассматривая его со всех сторон. Я не знала, драгоценными ли были украшавшие его камни, но мне казалось, что я в жизни не видела вещи красивее этого ключа.

Если только браслет с рубинами, который был на моей руке утром, амулет ведьмы...

Когда я уже собиралась ложиться спать, в комнату вошёл Дарий.

— Что ты тут делаешь?

— Собираюсь тут ночевать, — огорошив меня своим ответом, сказал он.

— В доме больше нет места? — попыталась сыронизировать я.

— Фогль будет спать в соседней комнате.

— Ну и что? — не поняла я.

— Если ты моя девушка, мы должны спать вместе, — всё так же невозмутимо заявил Дарий.

— Кто сказал?! — возмутилась я. — А как же моя репутация?

— Если я пойду в другую комнату, пострадает моя репутация, — произнёс он. — К тому же, Фогль может о чём-нибудь догадаться.

— Между прочим, здесь всего одна кровать, — заметила я.

— Кажется, тебе не привыкать.

Напомнив мне о той ночи, когда мы пили ром, он заставил меня ещё больше возмутиться. Оставалось лишь порадоваться тому, что кровать была достаточно большой, пусть и не настолько, как в его квартире. Кроме того, на ней имелось две подушки.

Я понимала, что бесполезно спрашивать Княжевича о том, что именно он обсуждал со своим начальником, но мне всё равно было очень любопытно. Он уже успел занять половину кровати, пока я сидела на краешке, размышляя о том, что завтра мы должны уже оказаться в городе, а я так и не ответила ничего Дарию на его предложение пожить у него. В самом ли деле он так заботился о моей безопасности или это просто было в его интересах?

— Не надо так хмуриться, Вероника, — заметил Княжевич и, расположившись

поудобнее, прикрыл глаза. — Это вредно. И ложись спать, завтра рано вставать.

— Давай поговорим, — я, не потушив лампу, прилегла на свою половину кровати и повернулась к нему. — Если ты ничего не сказал своему начальнику про меня, то, получается, он тоже думает, что декан умер своей смертью? Или у него есть какие-то подозрения?

— Я ещё раз тебе повторяю, что всей информацией Фогль с нами не делится, — не открывая глаза, отозвался Дарий. — Может, и подозревает.

— У меня есть идея, — проговорила я. — Нам надо самим расследовать это убийство. Ты ведь тоже не всё рассказываешь ему. Вот и об этом пусть узнает, когда всё уже будет закончено.

— Как у тебя всё быстро, — усмехнулся он.

— Но ведь это мне теперь угрожает опасность, — вполне резонно заметила я. — Значит, это, в первую очередь, в моих интересах. Может быть, я всё-таки смогу вспомнить, откуда мне был знаком этот голос... Когда начнутся занятия, я вернусь в университет и буду наблюдать там за всеми. Если кто-нибудь что-то знает, то может себя выдать.

— Вероника, может быть, ты в другой раз будешь примерять на себя работу Шерлока Холмса? — недовольно буркнул Княжевич. — Я хочу спать. Поговорим завтра.

Больше он разговаривать не пожелал, и мне пришлось, смирившись, попытаться заснуть, но получилось не сразу, — я продолжала думать о том, кого же тогда слышала в университете.

Глава 13

Вероника

Молодая женщина бежит по лесу. Подол длинного платья касается земли. По плечам струятся тёмные волосы. На запястье её золотой браслет с рубинами, похожими на капли крови. Я пытаюсь её догнать, но она становится всё дальше от меня.

Открыв глаза, я несколько секунд пыталась осознать, где нахожусь. Нет, не в лесу. В мансарде дома. Лес снова оказался всего лишь сном. А эта молодая женщина... была ли она той самой ведьмой, которая когда-то носила этот браслет?

Повернув голову, я увидела Дария Княжевича. Он безмятежно спал, положив голову на согнутую в локте руку. Во сне черты его лица сгладились, казались моложе и беззащитнее. Да и встрёпанные волосы делали его куда более юным, чем тщательно причёсанные. Я обнаружила, что ресницы у него довольно длинные, а брови причудливо изогнутые.

Неожиданно я поняла, что уже несколько минут разглядываю спящего мужчину, придвигаясь к нему всё ближе. Хорошо ещё, что Княжевич спал и не мог меня на этом поймать! Я подумала, что, если бы я рассказала подругам по университету об этой поездке, они бы забросали меня вопросами, самым невинным из которых был бы «А вы уже целовались?».

Смутившись и пообещав себе, что они ничего об этом не узнают, я осторожно, чтобы не разбудить его, соскользнула на пол, взяла кое-что из своих вещей и выскользнула в коридор. День обещал быть жарким. Из соседней комнаты не доносилось ни звука — должно быть, Фогль тоже ещё спал.

Я спустилась на первый этаж и снова почувствовала, что мне не хочется прощаться с этим домом. Если поначалу он и казался мне мрачноватым, то сейчас дом словно признал меня и стал по-настоящему уютным. На деревянном полу плясали солнечные лучи, а за ближайшим окном я увидела пышные кусты шиповника. Захотелось остаться здесь ещё хотя бы на несколько дней, привести в порядок сад, ещё немного порыться в находящихся в мансарде вещах, но нельзя, уже сегодня нужно уезжать. Я даже задумалась, не спросить ли у начальника Дария, кому принадлежит этот дом сейчас. Но едва ли он стал бы мне о чём-то рассказывать. Да я, пожалуй, и не решилась бы задавать Фоглю какие-либо вопросы.

В ванной я надолго не задержалась. Намотав на голову полотенце, вернулась в комнату. Княжевич уже не спал.

— Надо стучаться, — проговорил он, когда я, взвизгнув от неожиданности, сразу же отвернулась к стене.

— Я как-то не привыкла жить в одной комнате с мужчиной, — проворчала я, пока он застёгивал джинсы. — Общежитие в Университете Магии организовано более традиционно, знаешь ли. Девочки отдельно, мальчики отдельно.

— Знаю, сам там жил, — буркнул Дарий.

— Правда? — оборачиваясь, поинтересовалась я. — Тоже важничал и не желал даже разговаривать с первокурсниками?

— Не припомню такого, — отозвался он, продолжая одеваться. — Где Фогль?

— Я его не видела.

— В машине помалкивай. В смысле, отвечай только в том случае, если он о чём-то будет спрашивать.

— Могу и вообще молчать! Не очень-то и хотелось. У вас свои... серьезные разговоры, которые меня не касаются, — добавила я, оглядывая комнату в поисках вещей, которые могла забыть.

Ключ всё ещё лежал на подоконнике. Я взяла его, провела кончиками пальцев по всем камешкам и узорам, зная, что буду по нему скучать. Да и по рубиновому браслету, пожалуй, тоже, ведь, лишь надев его, я ощутила в себе настоящую силу, истинную магию...

— Вероника... — обратился ко мне Княжевич.

— Да? — не сразу отозвалась я.

— Если тебе так уж сильно понравилась эта вещица, можешь её взять. Я про ключ, — добавил он. — Сделаешь себе из него украшение.

— Но как же... А Фогль разрешит? — спросила я.

— А мы ему не скажем, — ответил Дарий. — Это будет наш маленький секрет. Договорились?

Я подняла глаза. Княжевич подмигнул мне и улыбнулся. Теперь мы стали настоящими заговорщиками, и это был уже не первый секрет, который мы держали в тайне от его начальника.

— Договорились, — ответила я.

Дарий протянул мне руку, я в ответ дала ему свою, думая, что он хочет её пожать, как бы заверяя наш договор. Но Княжевич удивил меня — поднёс мою руку к губам и быстро поцеловал. По правде сказать, я даже не ожидала, что в наше время кто-то ещё целует руки, но это оказалось... неожиданно приятно.

В это время в дверь постучали.

— Не хотел бы тревожить, но нам пора ехать, — послышался из коридора голос Фогля.

— Уже иду, — отозвался Дарий, выходя из комнаты.

Я быстро спрятала ключ во внутренний карман своей сумки и почувствовала, как меня переполняет внезапная тёплая радость, несмотря на то, что радоваться было, в сущности, нечему, ведь едва ли в городе ожидало что-то хорошее.

Позже мы торопливо позавтракали и покинули дом. Уезжать не хотелось. Несмотря на аварию и жутковатое приключение в лесу, мне здесь понравилось.

Машина у Фогля оказалась серая, как его костюм, аккуратная и строгая. В такой машине можно было только примоститься на краешке сиденья, сложив руки на коленях, ничего не трогать и, в самом деле, помалкивать. Я с грустью подумала про автомобиль Княжевича, который пострадал в аварии куда больше, чем я, отделавшаяся лишь головной болью и царапиной.

Ожидая, пока Княжевич и Фогль, запрут двери дома, я сидела в машине и тоскливо глядела в одну точку. Звонок моего мобильного телефона показался неожиданно громким. Я думала, что это звонят родители, чтобы узнать, всё ли в порядке с квартирой, но на дисплее высветилось другое имя — Инна Розенберг.

Я тут же обрадовано нажала «ответить». Инна — моя подруга по университету и соседка в общежитии. Единственная из нашей комнаты, кто родился и вырос в семье магов.

— Привет-привет, — с мягкой, почти мурлыкающей интонацией проговорила Инна. —

Как ты поживаешь? Что нового в городе?

— Всё нормально, — отозвалась я.

— Правда? И в университете? Разве ты не слышала про декана? — поинтересовалась она.

— Слышала, — ответила я, сжав руку так сильно, что ногти воткнулись в ладонь. — Но я не... не так часто бываю в университете.

— Тебе, наверное, дико скучно сидеть в городе, когда все разъехались? — продолжала Инна. — Я хотела пригласить тебя в гости.

— Куда?

— В наш загородный дом. Тут тоже не очень-то весело, но вместе сможем что-нибудь замутить. Я тут почти всё время одна.

— Я подумаю, — быстро ответила я, решив посоветоваться с Княжевичем.

— Да чего тут думать? Приезжай! Хоть развлечёмся за остаток каникул! Мы ведь и так отдыхаем меньше, чем другие студенты. Что скажешь?

— Я тебе перезвоню, — проговорила я, заметив, что Дарий и его начальник уже идут к машине.

Идея поехать к Инне выглядела на редкость соблазнительно. В нашей маленькой компании она была лидером. Мне нравилось, что нас поселили вместе, и нам удалось найти общий язык.

Но разговаривать об этом приглашении с Княжевичем в присутствии Фогля не следовало. Поэтому я молчала, как Дарий мне и наказал, а затем и вовсе сделала вид, что сплю. Впрочем, никаких интересных разговоров они между собой не вели, очевидно, тоже не желая ставить меня в известность о том, что мне знать не следовало.

К тому времени, как мы доехали до города, я успела задремать на самом деле. Когда Дарий потряс меня за плечо, я обнаружила, что машина остановилась возле его дома. Фогль повернулся ко мне.

— Отдыхайте теперь после дороги, — проговорил он. — Всего доброго, Вероника. И спасибо за помощь.

— До свидания, — ответила я.

Когда машина скрылась из вида, Дарий повернулся ко мне.

— Почему он поблагодарил меня за помощь? — поинтересовалась я. — Он знал, что я помогала найти браслет?

— В общих чертах, — отозвался Княжевич. — Я не рассказал ему, что тебе вздумалось его примерить.

— А что теперь... — начала я, но он взял меня за локоть и потащил к подъезду.

— Поговорим в квартире.

— Но мне надо домой, — возразила я.

— Ни к чему. Мало ли кто тебя там дожидается. Сегодня останешься у меня, а там посмотрим, — безапелляционно произнёс Дарий, затаскивая меня в лифт.

Даже слушать ничего не пожелал! Всё закончится тем, что он снова уйдёт на свою работу, а я буду сидеть в его квартире, словно Рапунцель. Приглашение Инны начинало казаться всё более привлекательным. Разумеется, я уже побывала недавно в загородном доме, но подруга об этом не знала. К тому же, было интересно посмотреть, как живёт Инна вне стен университета и общежития.

Квартира Княжевича встретила нас тишиной, но Дарий тут же прошёл на кухню.

включил радио и открыл окно, впуская пение птиц и свежий воздух.

— Ты понравилась Фоглю, — заметил он.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Вот и я удивляюсь, — ответил он. — Впрочем, с ним ты не была такой любопытной.

Я нахмурилась. Дарий рассмеялся. Я подумала, что спящим он мне нравился гораздо больше.

— Послушай, Вероника, — посерьезнев, проговорил он. — Я хочу тебя защитить. Но мне неизвестно, с чьей стороны тебе угрожает опасность. Понимаешь?

— Ага, — отозвалась я, опустив голову. Чего тут не понимать? С каждой стороны и в любой момент можно ожидать очередного странного письма или чего похуже.

— Поэтому ты должна быть осторожнее, — добавил он. — Лучше, если ты не будешь никому верить или хотя бы станешь проявлять осмотрительность.

— Никому не верить? — переспросила я. — Даже тебе?

— Не так буквально, но... — задумавшись, произнёс Дарий. — В общем, будь начеку. Я не смогу всегда быть рядом, и не в каждую командировку ты можешь ездить со мной.

— Понятно, — буркнула я, садясь на край табуретки.

— А сейчас мне нужно на работу.

— Но я хотела сказать...

— Позже.

Не слушая меня больше, Княжевич вышел из кухни, а я так и не успела сообщить ему о звонке Инны.

Глава 14

Инна

С удобством устроившись на кровати, Инна Розенберг успела почти полностью изучить толстый том «Практической магии», когда сзади раздалось цоканье каблуков, за которым последовал пронзительный возглас.

— Инна! Что ты делаешь? Твой папа запретил тебе брать его книги.

— Во-первых, не запретил, а сказал, чтобы я не вздумала пользоваться ими в своих интересах, — равнодушно отозвалась Инна, перелистывая очередную страницу. Бумага была старой и шероховатой на ощупь. — А, во-вторых, это не твоё дело, Велимира, — добавила она, прекрасно зная, что эти слова только ещё больше портят настроение и вызывают раздражение собеседницы.

— С тобой невозможно разговаривать! — воскликнула та.

— А ты пожалуйся папе, как обычно, — хмыкнула Инна, переворачиваясь на спину и окидывая её насмешливым взглядом.

Велимира была ведьмой и очередной любовницей отца. После расставания родителей их судьбы складывались совершенно по-разному. Если мать посвятила себя разнообразной творческой и общественной работе, полностью лишив себя отношений с мужчинами, то отец себе в любовных интрижках не отказывал. Вот только все эти девушки значили для него не больше, чем утренние газеты, которые ему доставляли каждый день. Инна точно это знала и была уверена, что раздражающая особа, поселившаяся в доме, не являлась исключением.

Впрочем, сама Велимира, которая была лишь на несколько лет старше Инны, так, похоже, не считала. Должно быть, она пребывала в уверенности, что яркая внешность и некоторые магические способности гарантировали ей долгие и стабильные отношения с Карлом Розенбергом. Но Инна знала, что это всего лишь иллюзия — такая же, как у всех остальных девушек, на которых падал взгляд отца. Да, эта девица с её светлыми волосами, ухоженной внешностью и хорошей фигурой привлекала мужское внимание, но на место второй жены она могла не рассчитывать.

Поэтому даже смешно было наблюдать за её попытками воспитывать Инну. Молчала бы уж! К тому же, Велимира даже не была потомственной ведьмой. Если бы не отец, ей едва ли светила бы даже должность продавщицы в магической лавочке. Но он выбирал любовниц не по их способностям к магии, а за смазливые мордашки и размер груди.

Загородный дом Розенбергов отличался роскошью и комфортом. Здесь было всё, что могло бы понадобиться для наслаждения жизнью — несколько комнат, огромные телевизоры, вышколенная прислуга, тренажёрный зал, бассейн. Но Инне было скучно, а присутствие в доме Велимиры наводило на неё ещё большую тоску.

Но ехать к матери тоже было нельзя. Той и самой не было дома — очередной проект в духе «Магия приходит на помощь» заставил её уехать в какую-то глухую деревню в компании с магами-целителями. Там не было даже обычной больницы, не говоря уж о магической.

Что же касается отца, то он проводил большую часть своего времени в городе, а в этом доме практически не показывался. В свою городскую квартиру он обычно никого не пускал, поскольку предпочитал использовать её для работы или для того, чтобы побыть наедине с собой. По правде говоря, Инна была там всего несколько раз, а Велимиру в ту квартиру и вовсе не приглашали.

Идея позвать в гости соседку по общежитию была внезапной, но, чем дольше Инна её обдумывала, тем больше та нравилась. Она сочувствовала Веронике, которой приходилось скучать в городе, ещё и в общежитии. А здесь они могли бы неплохо поразвлечься, отправившись куда-нибудь с машиной, да и с соседскими парнями можно было бы её познакомить.

Кроме того, до начала занятий оставалось не так уж много времени. В университете сейчас, должно быть, царил самый настоящий траур, учитывая недавнюю смерть декана. Инна была практически уверена в том, что Вероника тут же ответит согласием на предложение приехать в гости, но однокурсница удивила её, заявив, что подумает, и тут же прекратила разговор, как будто ей кто-то помешал.

Инна задумалась. Если допустить, что Вероника вовсе не скучает в городе, то кто же там составляет ей компанию? Почти все разъехались, включая их соседок по комнате.

Решив позвонить подруге ещё раз и всё же уговорить её приехать хотя бы дня на два, Инна потянулась к телефону, но тут он зазвонил сам. Бросив недовольный взгляд на Велимиру, которая и не думала уходить из комнаты и, судя по всему, решила подслушать разговор, она ответила на звонок. Услышав голос отца, она широко улыбнулась и порадовалась заодно тому факту, что он решил позвонить ей, а не своей любовнице.

— Чем ты занимаешься? — спросил Карл Розенберг.

— Скучаю, папочка, — отозвалась Инна, глядя на Велимиру, которая, фыркнув, вышла из комнаты.

— Ничего, сегодня вечером тебе будет не до скуки, — ответил он, и его голос заметно потеплел. Инна улыбнулась — не было никаких сомнений, что она как единственная и любимая дочка своего отца всегда останется у него вне конкуренции.

— Ты приедешь? — уточнила она.

— Приеду, и не один, — проговорил отец. — Сегодня у нас будут гости. Нужно их хорошо встретить. Отдашь распоряжения, чтобы приготовили что-нибудь вкусное?

— Разумеется, — промурлыкала Инна, усмехнувшись — даже об этом отец предпочёл попросить её, а не Велимиру. — Всё будет по высшему классу. Но ты хотя бы расскажешь, кто приедет? Я их знаю? — поинтересовалась она.

— Пока не знаешь, но сегодня как раз познакомишься. У меня будет к тебе серьёзный разговор, — добавил он.

— Ко мне? — переспросила Инна. Сердце забилось быстрее. Пока ей не исполнился двадцать один год, она не имела права пользоваться магией, и казалось, что это несправедливое правило заставляло отца не посвящать её в свои дела, считая ещё ребёнком. Но сегодня, возможно, всё могло раз и навсегда измениться. Захотелось, чтобы вечер наступил поскорее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Именно к тебе, — подтвердил отец.

— Но я ведь ничем перед тобой не провинилась?

— Разумеется, нет. Ты у меня умница, так я и сказал своим друзьям. Чем занимается

Велимира? — спросил он, сменив тему разговора.

— Как ей кажется, украшает собой мир, — сообщила Инна, зажимая себе рот, чтобы не рассмеяться.

— Ты к ней несправедлива, — хохотнул отец. — Мне нужно идти. Надеюсь на тебя.

— Я тебя не подведу, — пообещала она.

Закончив разговор, Инна встала с кровати и, потянувшись, вышла из комнаты. Нужно было вернуть на место взятую книгу, а затем приступить к обязанностям хозяйки дома. Велимира могла говорить что угодно, но всё же задание отдать распоряжения прислуге и приготовиться к приезду гостей на ужин было дано Карлом Розенбергом именно ей, а не этой кукле Барби.

Танцующей походкой Инна прошла по дому, отражаясь в развешанных по стенам зеркалах. Остановившись возле одного из них, поправила густые тёмные волосы и обернулась, когда услышала за спиной шаги. Как и следовало ожидать, это оказалась Велимира.

— Что сказал Карл?

— Сказал, что вечером будут гости, — ответила Инна, опустив остальные подробности разговора, которые наверняка касались только её самой.

— Интересно, — отозвалась Велимира с довольной улыбкой. — Надо выбрать платье!

Проводив её взглядом, Инна отправилась к лестнице на первый этаж. Разумеется, ей тоже предстояло подумать над тем, как лучше одеться вечером, но всё же вопрос одежды не стоял для неё на первом месте. Гораздо важнее было подготовиться к серьёзному разговору, обещанному отцом, а у неё пока не было никаких конкретных догадок о том, чего этот разговор коснётся. Может быть, её будущего? Специализации, рода занятий после окончания университета? Но ведь ей пока всего девятнадцать. Ещё целых два года до того дня рождения, после которого она начнёт считаться настоящей ведьмой, а за это время может произойти всё, что угодно.

Опять же, Инна имела крайне мало сведений о том, чем жил её отец. Ей было известно о его немалом состоянии, высокой репутации в магическом мире, да и обычным бизнесом он занимался весьма успешно. Но всё же иногда Инне казалось, будто отец скрывает что-то от неё, а с матерью он и вовсе практически не общался. Оставалось лишь надеяться, что, когда он сочтёт её достаточно взрослой, то расскажет ей гораздо больше. Возможно, даже сегодня.

Инна перевела взгляд на портрет, висящий на стене. Она ещё в детстве не раз спрашивала у отца, кто эта женщина на картине, но он только отмахивался. Ещё одна тайна. Незнакомка не была похожа на его любовниц. Брюнетка, нежная полуулыбка на губах, в тёмных глазах — загадка и лёгкая отрешённость. Несомненно, ведьма. Вот только на портрете не было ни одной подписи, которая могла бы рассказать хоть что-то о модели либо художнике.

Подопсва домашней туфельки скользнула по гладкой поверхности лестничной ступеньки, заставив потерять равновесие. На какое-то мгновение Инне показалось, что она вот-вот полетит вниз головой по лестнице. В последнем усилии она ухватила за перила и удержалась. Подняла голову и посмотрела вверх. Там стояла Велимира, глядя на неё с усмешкой.

Глава 15

Вероника

Княжевич ушёл и будто под землю провалился. Я некоторое время посидела на кухне, глядя в окно и чувствуя себя каким-то домашним питомцем, которого оставили одного в квартире в то время, пока хозяева ходят по своим делам. Затем спрыгнула с табуретки и прошлась по квартире, словно по музею, рассматривая мебель, стены и ни к чему не притрагиваясь. Впрочем, нужно признать, что соблазн дотронуться ощущался. Но было жутковато — мало ли какими магическими охранными штучками мог оградить свою собственность Дарий.

Подозрительным мне казался тот факт, что почти ничего в этой комфортабельной квартире не говорило о личности хозяина. Нет, разумеется, можно было сделать вывод, что здесь живёт мужчина, отличающийся любовью к удобству, роскоши и порядку, но о его прошлом ничего в квартире не напоминало. Не было ни семейных фотографий, ни каких-либо знаковых мелочей, ничего, что могло бы рассказать историю проживающего здесь человека.

Я так практически ничего и не узнала о прошлом Княжевича, о его родственниках, о том, как он попал на работу в Магический Надзор. Мне было известно только то, что он тоже учился когда-то в Университете Магии и жил в общежитии, как я сама. Но из этих данных сложно было сделать какой-нибудь вывод. Похоже, собственное прошлое Дарий охранял похлеще, чем свои рабочие секреты. Увы, мне к нему хода не было, несмотря на терзавшее любопытство касательно того, как складывалась жизнь Княжевича до начала работы в МН, есть ли у него родные, вырос ли он в магической семье или в обычной.

Как бы то ни было, я чувствовала себя в заточении. Пока подруги по университету развлекались на каникулах, приёмные родители отдыхали в отпуске, а сам Княжевич занимался своей жутко серьёзной и важной работой, я должна была сидеть в его квартире, не имея возможности даже сходить в библиотеку или прогуляться по городу. Всё это действовало на нервы и заставляло ходить по квартире туда-сюда, не находя себе места.

Более того, у меня при себе даже не было достаточного количества сменной одежды. Я ведь не подумала, что Дарий сразу же привезёт меня сюда, не дав даже заглянуть в родительскую квартиру или в общежитие, откуда я, разумеется, забрала далеко не все свои вещи. Мы могли бы заехать туда вместе, но он не дал мне и слова вымолвить — оставил здесь и тут же умчался на свою работу вслед за Фоглем.

В очередной раз проходя мимо входной двери, я обнаружила, что не так уж и наглухо заперта здесь, как мне казалось. Замок открывался не только с наружной, но и с внутренней стороны. Я повернула его и с замиранием сердца выглянула на пустую лестничную площадку.

А, в самом деле, начал нашёптывать мне внутренний голос, что со мной могло случиться при свете дня? Едва ли мне будет грозить какая-либо опасность, если я ненадолго выйду из квартиры. Ведь я бы всё равно не смогла безвылазно просидеть здесь до самого

начала занятий в университете. Лучше уж тогда, в самом деле, воспользоваться приглашением и поехать к Инне. К тому же, любопытно было посмотреть, как живёт девушка из семьи магов, мать которой я видела лишь раза два за то время, что мы с Инной жили в одной комнате, а отца, кажется, всего один.

Приоткрытая дверь выглядела так заманчиво, что мне захотелось, не раздумывая, выйти из квартиры, а позже позвонить Княжевичу. Наверное, он начал бы сердиться, но можно же и меня понять. Чем дольше я бы просидела без возможности даже нос на улицу высунуть, тем больше начали бы преследовать меня страхи и мысли о том, что мне угрожает опасность. К тому же, Дарий, как ни крути, был прав. Постоянно он не мог бы находиться рядом со мной, и рано или поздно я всё равно должна была перешагнуть порог Университета Магии, где не была с того самого вечера.

Я ещё некоторое время простояла на месте, будто гипнотизируя взглядом дверь и размышляя, куда могла бы пойти. В квартиру родителей? Но Княжевич оставил на ней охранный заклинание, и неизвестно было, как оно могло бы на меня подействовать. Тогда куда идти — в общежитие? Взять кое-что из вещей, узнать новости, проверить, всё ли в порядке.

Ещё некоторое время поколебавшись, я перекинула через плечо сумку, в которой лежали кошелек, телефон, кое-какие нужные мелочи, а также тот самый ключ, с которым я была просто не в силах расстаться. Решительно открыла дверь и вышла, захлопнув её за собой. Ключей от квартиры у меня не было, но я надеялась, что Княжевич, уверенный в моём согласии пожить у него некоторое время, вернётся не очень поздно.

На улице было не слишком жарко. Я покинула тихий двор, в котором обитал Дарий, и оказалась на широкой улице, где тут же смешалась с размеренным потоком прохожих и стала такой же, как все остальные, кто куда-то спешил или просто прогуливался этим летним днём. Никто бы и не подумал, что я ведьма, убегающая от неизвестной опасности, спасающаяся от нескольких магических ловушек и сбежавшая из-под присмотра одного из самых сильных городских магов.

Насколько я знала, к настоящему времени сосуществование обычного мира с магическим было спокойным и даже почти гармоничным. Они вполне взаимовыгодно дополняли друг друга в медицине, искусстве и ещё нескольких сферах человеческой деятельности. Иметь в знакомых магов и ведьм считалось даже престижно, этим гордились, и только я почему-то упорно не желала заявлять всем вокруг о том, что я не совсем обыкновенная девушка. Разумеется, из курса истории магии я знала о том, что далеко не всегда всё складывалось настолько мирно. Взять хотя бы методы Инквизиции, которые в прошлом не отличались гуманностью, а в настоящее время...

В настоящее время мне оставалось только надеяться на то, что я не проверю этого на собственной шкуре. Как та ведьма, которая когда-то носила браслет с рубинами. Как Виолетта. Я снова вспомнила её медленные шаги, обречённый взгляд, а также человека, который выводил девушку из общежития. К тому времени, как я вошла в трамвай, мне стало холодно, руки дрожали, и я не сразу смогла отыскать в сумке проездную студенческую карточку.

Чуть позже, рассматривая привычные городские пейзажи за окном и слушая мерный перестук колёс, я почти успокоилась. К общежитию подошла вполне невозмутимо, как обычно. Правда, не удержалась от того, чтобы несколько раз осмотреться по сторонам, но совершенно ничего подозрительного не заметила.

Моя комната выглядела такой же, как и всегда, если не считать того, что по причине замкнутых окон воздух в ней был спёртым. Но мне показалось, будто всё же что-то изменилось. В комнате явно успели побывать за то время, что меня не было в городе.

Разумеется, мне тут же расхотелось здесь задерживаться. Торопливо открыв шкаф, я нашла там пакет и небрежно покидала в него вещи, которые могли пригодиться. Затем вылетела за дверь и как следует заперла её, хотя и понимала, что это бесполезно.

Оказавшись на улице, я решила немного пройтись, но, стоило мне повернуть в противоположную дороге в университет сторону, за спиной меня окликнул знакомый голос.

— Вероника!

— Регина? — удивлённо проговорила я, обернувшись.

Моя однокурсница Регина не жила в общежитии, поэтому мне было непривычно видеть её здесь. Она выглядела такой же, какой я видела её в университете, — аккуратно причёсанная, сосредоточенная и деловитая. Разве что по случаю каникул была одета не в чёрную юбку с белой блузкой, как обычно, а в легкомысленное летнее платье — белое в синий горошек.

— А я тебя ищу, — произнесла она. — Вчера тоже приходила. Ты куда-то уезжала?

— Я сейчас живу... у родителей, — ответила я. — За вещами только зашла.

— Вот как? А мне вдруг захотелось увидаться, но вспомнила, что твоего телефона у меня нет. Погуляем?

Я в нерешительности замаялась. Княжевич ещё не успел обнаружить моё отсутствие — иначе бы уже позвонил. Я кивнула.

— Только недолго.

— Договорились, — отозвалась Регина, и мы пошли вдоль аллеи, ведущей к пересечению с соседней улицей. — Как ты, не скучаешь по учёбе?

— Не слишком, — призналась я. — А ты разве никуда не уехала на каникулы?

— Я уже вернулась. Маленький курортный городок, ничего интересного. Только и делала, что ела фрукты, — пожав плечами, произнесла она. — Кстати, не хочешь зайти в кафе? Я бы выпила чего-нибудь холодненького.

Жарко мне не было, но я согласилась. В ближайшем кафе, куда студенты иногда ходили в свободное от занятий время, мы просидели, болтая о разных мелочах и не глядя на часы. Регина не говорила о смерти декана, что было для меня большим облегчением, поскольку я всё ещё сомневалась в своей способности обсуждать эту тему без опаски как-то себя выдать.

Когда за окном начало темнеть, Регина, никуда не торопясь, заказывала себе очередной молочный коктейль, на этот раз ежевичный. Бросив взгляд на экран мобильного телефона, я с ужасом обнаружила, что он успел разрядиться, но за разговором и звучащей в кафе музыкой не было слышно предупреждающего об этом сигнала. Возможно, Княжевич мне уже звонил.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Регина.

— Телефон разрядился, а мне уже пора на трамвай, — пробормотала я.

— Мы же на каникулах! Когда ещё гулять допоздна, как не сейчас?

— Меня ждут, — отозвалась я.

— Ладно, но мне на трамвай не надо, я и пешком дойду, — подзывая официанта, заметила Регина. — Проводить тебя? Или, может, хочешь пойти ко мне в гости?

— В другой раз, — решительно отказалась я, успев подумать, что получаю уже второе предложение погостить у однокурсниц за сегодняшний день.

Расплатившись за свой холодный чай и мороженое, я попрощалась с Региной и вышла из кафе. Летние сумерки были тёплыми и обволакивающими, в воздухе чувствовались запахи каких-то цветов, нагретого солнцем асфальта, уличной пыли. Мне оставалось пройти всего несколько метров до остановки, когда чья-то рука ухватила меня чуть выше локтя и, резко дёрнув, затащила в окружающие аллею кусты.

Я не успела закричать, поскольку мне бесцеремонно зажали рот и развернули, увлекая ещё дальше от дороги.

— Вероника, это я, — проговорил негромко знакомый голос, и Княжевич убрал от моих губ ладонь, продолжая удерживать меня второй рукой. — Теперь видишь, как легко тебя поймать в таком безлюдном месте? Даже без магии.

Я подняла на него глаза и поёжилась. Раньше мне казалось, что слова вроде «пылающий яростью взгляд» — всего лишь метафора, но теперь я в этом сомневалась. По коже пробежала дрожь, я попыталась вырваться, но Дарий не торопился меня отпускать.

— Итак, что ты можешь сказать в своё оправдание? — не сдерживая гнева, процедил он. — У тебя были какие-нибудь уважительные причины на то, чтобы уйти из квартиры?

Это прозвучало так, как будто я снова стала ученицей, а он — моим учителем. В последний раз про уважительные причины я слышала в школе. Обычно я находила, что ответить на подобные вопросы, но сейчас только понуро молчала.

— Так как? — повторил Княжевич.

— Я... Мне... — пробормотала я, делая ещё одну попытку освободиться из крепкой хватки, но его пальцы сжимали мою руку, словно стальные кольца.

— Может быть, тебе позвонили и попросили куда-то прийти?

— Н... нет.

— Кстати, что с твоим чёртовым телефоном? — почти прорычал он.

— Он разрядился. Я только сейчас заметила, — сообщила я.

— Значит, никаких серьёзных причин не было? Ты всего лишь решила прогуляться, — издевательски протянул он. — И наплевала на собственную безопасность!

С этими словами Дарий встряхнул меня так, что я едва удержалась на ногах. Это неожиданно меня рассердило. Я разом перестала мямлить и заикаться, а затем даже ногой притопнула.

— А тебе-то какое дело до моей безопасности?! — выпалила я. — Кто я для тебя вообще? Домашняя зверюшка, которую можно оставить в квартире и уйти по своим делам? Между прочим, у меня тоже могут быть дела, я должна была забрать вещи! И я имею право повидаться с однокурсниками, мне с ними ещё учиться!

Я видела, как исказилось от злости его лицо. На какое-то мгновение показалось, что сейчас он меня ударит. Я зажмурилась и попыталась сделать шаг назад, но Дарий тут же дёрнул меня за руку, притянул к себе, не позволяя отодвинуться, а затем перехватил мои плечи и второй рукой. В следующую секунду к моему рту прижались горячие губы, целующие настойчиво, грубо, нетерпеливо. Мне не хватало воздуха, на стиснутой жёсткими пальцами руке уже, должно быть, появились синяки, но, несмотря на это, я остро чувствовала запах его волос, тепло кожи, внезапную слабость в ногах, и всё эти доселе незнакомые ощущения заставили меня покачнуться и ухватиться за него обеими руками.

Глава 16

Вероника

Прошло несколько секунд, а, может быть, даже минут прежде, чем Дарий меня отпустил. Ноги казались ватными, руки дрожали, и я не сразу обнаружила, что всё ещё держусь за его одежду. На языке ощущался солёный вкус — похоже, во время поцелуя он укусил меня за губу. Княжевич снова схватил меня за руку и вытащил из кустов. Подняв с асфальта упавший пакет с вещами, я засеменила следом за ним.

Когда мы подошли к машине, Дарий открыл дверцу и, не церемонясь, усадил меня на переднее сиденье. Автомобиль влился в потокдвигающегося по вечерней улице транспорта, а я отвернулась к окну, не говоря ни слова. Княжевич тоже молчал и, казалось, вообще не обращал на меня внимания, полностью сосредоточившись на управлении машиной.

Я уже готова была пожалеть о собственном необдуманном поступке, но природное упрямство пока не позволяло как-то объясниться с ним или принести извинения. Возможно, на его месте я бы разозлилась не меньше. Но, если я ещё могла как-то оправдать его неожиданное возникновение на той аллее и все те слова, которые он мне высказал, то дальше мои мысли путались и теряли всякую логику. Что значил этот поцелуй? Разумеется, опыта в таких делах у меня не было, но я всегда считала, что люди целуют друг друга как минимум из взаимной симпатии.

А меня поцеловали... от злости.

Что же касается самого Княжевича, то он, похоже, не собирался мне ничего объяснять — ни того, как ему удалось меня отыскать, ни причины своего странного поведения. Он остановил машину, открыл дверцу, чтобы меня выпустить, а затем направился к подъезду. Я последовала за ним, не зная, чего ожидать дальше. Оставалось лишь надеяться, что Княжевич уже спустил пар и теперь сердился чуть меньше. Но почему-то я в этом сомневалась, а от мысли, что придётся остаться с ним наедине на всю ночь, становилось не по себе.

Я вошла в квартиру, и замок щёлкнул, словно отделяя меня от последней возможности убежать. Да и идти, если так подумать, было некуда. Особенно если вспомнить явственное ощущение чужого присутствия в комнате, которую я привыкла считать своей.

— Я так понимаю, у тебя не было никаких причин уходить, кроме того, что было скучно и хотелось забрать свои вещи? — холодно проговорил Княжевич, подталкивая меня в сторону кухни.

— Можно и так сказать, — буркнула я, проходя на кухню и садясь на табуретку у окна. — Я думала, что днём со мной ничего не случится.

— Днём? — саркастически переспросил он. — Сейчас уже вечер.

— Так получилось, — ответила я, понимая, что повторяю распространённое и на редкость бессмысленное оправдание, знакомое почти каждому. — И ничего ведь не случилось, — добавила я, глядя в сторону.

Дарий подошёл ближе и буквально навис надо мной. Я невольно поёжилась и сделала

попытку отодвинуться. Увы, отступать было некуда, если бы, конечно, мне не пришлось в голову выпрыгнуть в окно, но этот вариант меня тоже не устраивал.

— Да, не случилось, — повторил он мои слова. — Но по чистой случайности. В другой раз тебе может так не повезти.

— Но мне всё равно придётся пойти в университет, — возразила я. — Я не смогу прятаться всю жизнь.

— Но сегодня тебе никуда не нужно было идти, и я не далее, как утром, говорил тебе о твоей же безопасности, — процедил он, отходя в сторону. Я облегчённо выдохнула, но, похоже, радоваться было рано. — Что же мне с тобой делать? — задумчиво, будто разговаривая с самим собой, произнёс Дарий. — Думаю, наказать.

Пока я растерянно смотрела на него, Княжевич уже включил электрический чайник и, судя по всему, собрался поужинать. Я вспомнила о том, что почти ничего в этот день не ела. Не считать же мороженое в кафе настоящим обедом.

— Наказать? — переспросила я. — Как? Прикуёшь меня наручниками?

— Хорошая идея, — заметил Дарий, открывая холодильник.

— К батарее? — продолжала я, как будто кто-то лукавый и любопытный тянул меня за язык.

— Могу к кровати, — ответил он и посмотрел на меня так, что я снова попыталась отодвинуться в сторону вместе с табуреткой.

— Ты этого не сделаешь, — заявила я.

— Я бы на твоём месте не был так в этом уверен, — невозмутимо и всё так же холодно заметил он. — Хочешь есть?

По всем правилам так называемой женской гордости мне, должно быть, следовало бы отказаться, но я кивнула.

— Кто эта девушка? — спросил Княжевич.

— Какая?

— С которой ты была в кафе, — уточнил он.

— Так ты за мной ещё и следил?! — воскликнула я.

— Я ещё не приступил к наказанию, а ты уже кричишь, — усмехнулся Дарий. — Хотя, звукоизоляция в квартире хорошая. Соседи не прибегут.

— Это Регина. Мы учимся вместе и давно не виделись, — ответила я на его вопрос, проигнорировав комментарии о наказании и соседях.

— И о чём же вы столько времени разговаривали?

— Ни о чём серьёзном. Она не упоминала о случившемся в университете, — проговорила я, стараясь не думать о том, что даже своих однокурсниц и приятельниц должна подозревать в чём-то нехорошем.

— Это ещё ни о чём не говорит, — возразил он. — Иди мыть руки.

Выскользнув из кухни и постаравшись не задеть его, проходя мимо, я отправилась в ванную комнату и на несколько минут заперлась там. Глядя на своё отражение в зеркале, задумалась о том, что произошло за этот вечер. Мои отношения с Княжевичем изменились, и пока сложно было понять, что с этим делать. Я провела кончиками пальцев по губам и поморщилась, задев ранку, оставшуюся на нижней губе после его поцелуя. В это время в дверь ванной громко постучали.

— Вероника, ты там уснула или утонула? — проворчал за дверью Дарий. — Иди ужинать!

— «Иди мыть руки, иди ужинать», — буркнула я себе под нос. — Удочерил он меня, что ли? Сейчас иду! — крикнула уже громче и услышала его удаляющиеся шаги.

Через некоторое время я уже сидела за столом и хмуро смотрела в стоявшую передо мной тарелку. Зато у Княжевича, кажется, наоборот, поднялось настроение. Он отложил в сторону свой телефон, когда я входила в кухню, но подслушать разговор мне не удалось.

— Фогль передавал тебе привет, — проговорил он, наливая мне и себе чай.

— Он знает, что я здесь?

— Видимо, предполагает.

Я вспомнила разыгранный нами спектакль с совместной ночёвкой в том доме, и мне вдруг захотелось туда вернуться. Несмотря на аварию и прочие магические ловушки, там я чувствовала себя спокойнее, нежели здесь. Особенно сейчас, когда Дарий, похоже, решил запереть меня в этой квартире до самого начала занятий в университете. О том, чтобы поговорить с ним про предложение Инны поехать к ней, не было и речи. Обхватив обеими руками кружку с горячим чаем, я опустила голову и снова погрузилась в свои невесёлые мысли.

Когда с ужином было покончено, Дарий вышел из кухни в гостиную, а я направилась за ним, внутренне готовясь к продолжению неприятного разговора о моём непослушании. Вдруг вспомнилось, как мы пили ром в этой самой комнате. Это было совсем недавно, но казалось, будто прошла уже целая вечность.

Обнаружив, что Дарий начал расстёгивать ремень джинсов, я сначала замерла на месте, а затем попятилась назад, но, столкнувшись с попавшимся на пути диваном, едва не упала. Пришлось сесть. Княжевич посмотрел на меня.

— Что это ты собираешься делать? — спросила я.

— Отшлёпать тебя, — отозвался он. — А что, вполне неплохой способ наказания, на мой взгляд. Я бы даже сказал, классический.

— Ты ведь шутишь? — уточнила я, оглядывая комнату в поисках путей отступления. Может, получится закидать его диванными подушками? Или лучше использовать вон ту большую и не самую изящную, надо сказать, вазу?

— Даже не думай, — предупреждающе проговорил Дарий, поймав направление моего взгляда. — Кстати, я не шучу.

— Я больше не буду, — быстро сказала я. — Я буду выходить из квартиры только с тобой.

— Поздно, девочка, — усмехнулся он. — Надо было раньше об этом подумать.

Я ухватила за свой амулет, но кольцо показалось мне совершенно бесполезным. Вот и жди от него защиты! На меня тут собираются ремнём замахиваться, а всё, что я могу в этой ситуации, — сидеть на диване, как приклеенная, и хлопать глазами.

— Убери руку от амулета, — скомандовал Дарий. — И не вздумай ничего ему приказывать.

— А если я прикажу подсознательно? — парировала я. Похоже, у Княжевича снова включились его профессиональные обязанности. А, может, и не выключались, ведь он даже дома был, как на службе.

Лучше бы я этого не говорила, потому что в следующую секунду Дарий оказался рядом, дёрнул меня за руку и стащил с пальца кольцо-амулет. Не успела я протестующе пискнуть, как оказалась лежащей на его коленях лицом вниз. Одной рукой он умудрился держать меня так крепко, что даже до вазы было не дотянуться.

Первый шлепок я почти не ощутила, слишком занятая попытками вывернуться из его рук. Второй оказался уже гораздо чувствительнее, а третий пришёлся на то место, которое не было прикрыто джинсовыми шортами. Я взвизгнула и попыталась лягнуть его, но не тут-то было — мои ноги словно что-то сковало. Чёртова магия! Ею он мог связать меня и без верёвок или наручников.

— Так вот чем ты занимаешься на своей работе! — выпалила я.

— Если бы, — вздохнул Дарий и снова шлёпнул меня — теперь ладонью, а не ремнём. И ещё раз. И ещё.

— Этого я тебе не прощу!

— А этого? — поинтересовался он, переворачивая меня на спину и проводя пальцами по моим губам — там, где осталась маленькая ранка. Я поняла, что настало время отомстить, и попыталась укунить его, но этот хитрец быстро отдёргнул руку. Губа перестала болеть.

Глава 17

Несколько дней спустя

Вероника

Стоя у окна, я смотрела на пустой тихий дворик. Мимо оконной решётки с громким гомоном проносились птицы. На ветру трепетали первые жёлтые листья на деревьях — вестники того, что уже скоро в город придёт осень и задержится здесь надолго. Лето у нас почти всегда жаркое, но короткое. Только успеешь заметить первые ромашки, как те уже отцветают, а тёплые дни сменяются дождливыми и холодными.

Тем временем, уже завтрашний день должен был ознаменоваться стартом занятий в Университете Магии. Учёба там начиналась раньше, чем у других студентов, не дожидаясь первых чисел сентября. Впрочем, раньше я этому факту радовалась, потому что учиться мне нравилось.

Дни, что прошли с моего последнего визита в общежитие, показались неожиданно длинными. Время будто разыгрывало со мной свои странные шутки — то пролетевший мгновенно разговор с Региной в кафе, как оказалось, занял часы до самого вечера, то несколько дней растянулись, словно на месяц. Возможно, в этом тоже была какая-то магия.

С того вечера наши с Княжевичем отношения несколько изменились. Мы будто заключили нейтралитет, не упоминая даже невзначай о случившемся после того, как он нашёл меня на дороге из кафе. Поначалу я решила, что не желаю с ним даже разговаривать, и проигнорировала вопрос о том, прощу ли его за тот странный поцелуй. Тогда он просто поставил меня на ноги и, небрежно подтолкнув в сторону коридора, велел идти в спальню и ложиться спать. Уснуть я смогла далеко не сразу, а наутро обнаружила моё кольцо, лежащее на столике возле кровати.

Самого хозяина тогда уже не было дома. Должно быть, он спозаранку уехал на работу. Чуть позже я обнаружила, что больше не могу самостоятельно открыть входную дверь, — похоже, к обычным замкам добавились также магические, и это меня ничуть не удивило.

Когда Дарий вернулся, мы поужинали в полном молчании, и, поскольку он решил уступить мне свою спальню, я просидела там в полном одиночестве целый вечер.

На следующий день я решила всё же рассказать Княжевичу о приглашении Инны поехать к ней. Но, как я и предполагала, Дарий был категорически против. Покачивая головой, он снова заявил, что я не должна никому доверять, а подобная поездка будет неоправданным риском с моей стороны. Я в ответ сказала, что не собираюсь подозревать своих подруг и соседок по комнате во всех смертных грехах. Княжевич только скептически усмехнулся.

Впрочем, в этот же вечер ему удалось меня удивить. Дарий принёс несколько книг, которые предложил почитать, раз уж, как он выразился, мне всё равно нечем заняться. Книги я люблю, поэтому ухватилась за них не без удовольствия, а, когда обнаружила, что такой магической литературы не доводилось видеть даже в библиотеке университета, то и вовсе пришла в восторг.

Но даже этого было недостаточно, чтобы я простила его за тот вечер. Тогда меня напугало не только его поведение, но и моя собственная реакция на него. Ведь могла хотя бы попытаться оттолкнуть Дария, когда он поцеловал меня в тех кустах, а я вместо этого уцепилась за него, почти обняла. Какой стыд! Пришлось признаться себе, что мне было странно, необычно, но вовсе не неприятно.

После того дня Княжевич больше не пытался меня поцеловать или применить свои меры наказания. Дарий вообще практически до меня больше не дотрагивался. Но, когда он был дома, я постоянно чувствовала на себе его взгляд, да и сама посматривала на него, как будто пыталась мысленно задать ему вопрос и получить объяснение по поводу того, что двигало им в тот вечер. Я ощущала его присутствие даже тогда, когда он находился в соседней комнате. Кроме того, я спала в его постели, и, хотя сам он ночевал в другой комнате, это не отменяло того факта, что вся одежда хозяина квартиры оставалась в шкафу в спальне, так что ему всё равно приходилось весьма часто туда заглядывать.

На другой день после того, как Дарий принёс мне стопку книг, он изъявил желание обсудить со мной то, что я уже успела прочитать. Поначалу я подумала, что это будет напоминать экзамен — он спрашивает, я отвечаю. Усевшись на кресло в гостиной, я внутренне подготовилась к тому, что сейчас он начнёт меня критиковать и заявлять, что таких незадачливых ведьм нельзя допускать даже к простейшей прикладной магии.

Мои предположения не оправдались, поскольку начавшийся между нами разговор оказался на редкость интересным. Без критики и некоторой доли сарказма с его стороны, разумеется, не обошлось, но я с изумлением обнаружила, что Княжевича, в самом деле, интересовало моё мнение и то, как я поняла прочитанное. В первой из книг, за которую я взялась, речь шла о стихийной магии — огня, воды, воздуха, земли, природных и свободных энергий. Об этом я уже кое-что знала из курса, который нам преподавали в университете, но в книге всё оказалось куда интереснее. Не было ничего удивительного в том, что за день был прочитан почти весь том, и у меня накопилось несколько вопросов, которые я всё же решила задать Дарию.

Меня интересовало, может ли обладание такого рода магией передаваться по наследству. Княжевич ответил, что именно такая магия в первую очередь и может передаваться, но бывали случаи, когда родителям лучше удавалась магия огня, а у детей обнаруживалась тяга к магии воды. Полная противоположность! Я задумалась над тем, что, даже если мои настоящие родители и принадлежали к магическому миру, то едва ли они передали мне какие-то особенные способности и таланты. Во всяком случае, я ничего подобного не чувствовала.

На следующий день мы снова разговаривали о прочитанных мною книгах, и это повторялось почти каждый вечер. Я, перелистывая страницы книг, жадно глотая их содержание и прочитывая одну за другой, пока Княжевич был на работе, с удивлением ловила себя на том, что с нетерпением жду этих разговоров. Мне нравилось его слушать, задумываться над поставленными им вопросами. Нравилось то, с каким воодушевлением Дарий со мной разговаривал, объяснял что-то, иногда даже спорил. В такие минуты его лицо преображалось, а голос переполнялся энергией, заражающей меня отвечать ему с такой же пылкостью, словно отвечая на вызов.

Постепенно мы начали больше общаться и помимо этих бесед. Несколько раз даже готовили вместе ужин. Однажды я решила испечь блины, и меня весьма повеселило то, как Дарий решил показать мне фокус, переворачивая их в воздухе с помощью магии. Затем я

попыталась так же подкинуть блин, но уже без магических штучек, а тот прилип к потолку. Мы оба смеялись так, что, если б не расхваленная Княжевичем звукоизоляция, соседи уже начали бы стучать по батарее.

Но непрочитанных книг оставалось всё меньше, да и дней тоже, как бы время ни растягивалось. Приближался день, когда мне придётся уехать отсюда, вернуться в общежитие, пойти на занятие в университете. Это означало, что подошло к концу время, когда мы с Княжевичем почти не расставались, больше не будет этих разговоров, и всё вернётся на круги своя.

Но оставался нерешённым вопрос с убийством декана и тем письмом, которое я обнаружила под дверью. Дарий говорил, что он ведёт собственное расследование, но предпочитал не посвящать меня в подробности. Я надеялась, что он ничего не рассказал Фоглю, потому что его начальник, по правде говоря, не вызывал у меня доверия.

За спиной, отвлекая меня от воспоминаний и размышлений, раздались шаги. Я обернулась. Как-то рановато Княжевич сегодня пришёл с работы.

— Добрый день, Вероника!

Похоже, он был в хорошем настроении. Радовался, небось, что завтра я вернусь в общежитие и наконец-то освобожу его спальню. Только мне было совсем не весело.

— Добрый день, — буркнула я себе под нос и снова повернулась к окну.

— Ты не забыла, какой сегодня день? — поинтересовался он.

— Мне не нужно напоминать, что сегодня последний день перед началом занятий, — отозвалась я.

— Что? — переспросил Дарий. — Да я вовсе и не об этом говорю. Сегодня же праздник!

Я задумалась, но затем вспомнила. Ах, да. Сегодня День города. Наверное, поэтому и во дворе так пусто. Все ушли веселиться.

— Поэтому ты так рано освободился? — любопытствовала я.

— Разумеется. Мы ведь не можем это пропустить.

— Мы? — уточнила я.

— Конечно. Мы с тобой пойдём на праздник.

— На концерт, в парк или на салют?

— Ни то, ни другое, ни третье, — фыркнул Княжевич. — Уверен, ты ещё не знаешь, как этот праздник отмечают маги. Вот сегодня и увидишь.

— И ты больше не боишься? Мне ведь нельзя выходить из квартиры, — напомнила я.

— Со мной — можно. Давай, одевайся, и пойдём! — поторопил он меня. — Надень что-нибудь красивое!

Невольно заразившись его энтузиазмом, я направилась в спальню, где мне предстояло выбрать из нескольких взятых с собой вещей самую праздничную. Задача была не из простых. Поломав голову, я приложила к себе платье, которое, кажется, ни разу не надевала. Светлое, с узором из красных цветов и с красным же поясом. Слишком женственное для моего привычного подростково-спортивного стиля. Даже странно, что я взяла его с собой в эту квартиру. Наверное, просто невнимательно следила за тем, что складывала в пакет.

Княжевич вошёл в комнату, когда я уже оделась и, стоя перед зеркалом, размышляла над тем, не лучше ли мне снять это платье и натянуть привычные шорты с майкой.

— Ничего не говори, — быстро сказала я. — И так знаю, что просто ужас.

— Всё прекрасно, — ответил он, остановившись за моей спиной. — Но чего-то не

хватает.

Я не успела поинтересоваться, что он имеет в виду, когда почувствовала, как Дарий коснулся моей шеи, откидывая на плечо волосы. По коже тут же пробежали мурашки. Затем я ощутила прикосновение чего-то прохладного и в отражении увидела, как на моей шее оказалась серебряная цепочка с висящим на ней...

— Когда ты успел? — спросила я, поворачиваясь к Дарию и трогая ключ, который казался сейчас удачно выбранным и, пожалуй, дорогим украшением. Я и сама думала, что его можно надеть на цепочку, но, поскольку не выходила из дома, то купить её у меня не было никакой возможности. Да и денег, по правде говоря, тоже не было.

— А что, тебе не нравится? — отозвался он.

— Очень нравится, — призналась я, и на его лице появилась довольная улыбка.

— Готова? Тогда идём. И выше нос, — добавил Княжевич, приподнимая мой подбородок. На какое-то мгновение его лицо оказалось совсем близко. Почти так же близко, как в тот вечер. Но Дарий тут же убрал руку, развернулся и направился в прихожую. Я выдохнула и последовала за ним.

Глава 18

Вероника

Городские улицы были украшены к празднику и выглядели так, словно соревновались, какая из них окажется наряднее.

К моему удивлению, Дарий вёл машину не в направлении городской площади, с которой доносилась громкая задорная музыка, а в противоположном. Впрочем, он ведь говорил о празднике магов. Должно быть, у них для этого мероприятия было заранее заготовлено какое-то особенное место, куда допускались только свои. И скоро я его увижу! Сердце забилось быстрее.

Тем временем, мы оказывались всё дальше от шумного центра города, поднимаясь в гору. Я не задавала вопросов, хотя меня уже переполняло любопытство — где же мы в результате окажемся? Дарий почти не отрывал взгляда от дороги, лишь изредка косился на меня и усмехался, понимая мой интерес и нетерпение.

Должно быть, Инна и другие, кто вырос в магических семьях, каждый год праздновали День города именно так, но для меня всё это было впервые, а потому волнующе и непривычно.

— Дальше придётся идти пешком, — произнёс Княжевич, остановив автомобиль.

Пока я, выйдя из машины, разминала ноги, Дарий вышел вслед за мной и встал рядом.

— Посмотри туда, — проговорил он, взяв меня за плечи и развернув в нужную сторону.

Я взглянула, и у меня захватило дыхание от восторга. Мы стояли на вершине холма, с которого открывался невероятный вид на город. Я смотрела на разноцветные крыши домов и трепещущие на ветру бумажные змеи, которые также запускали в честь праздника, и мне казалось, что, если сделать ещё несколько шагов вперёд, то можно взлететь.

Ощущая на плечах пальцы Дария и его тёплое дыхание прямо над ухом, я повернулась к нему.

— Красиво, правда? — произнёс он таким тоном, как будто вся заслуга за это великолепное зрелище принадлежала исключительно ему, а затем отпустил меня и направился к неширокой тропинке, ведущей вниз с холма, — асфальтовая дорога здесь заканчивалась. — А теперь идём.

Я последовала за ним, радуясь тому, что в моих босоножках без каблуков удобно ходить. Впрочем, спускаться было несложно. Я легко догнала и даже перегнала Княжевича, продолжая гадать, где же мы окажемся в конце этого пути.

— Не разгоняйся так, мы уже почти пришли, — проговорил за моей спиной Дарий, и я остановилась, увидев перед собой кованые ворота, которые выглядели на редкость крепкими и прочными, но сейчас были гостеприимно приоткрыты.

Сразу за воротами уходила вперёд неширокая дорожка, выложенная брусчаткой. По бокам от неё густо разрослись кусты, на некоторых распустились крупные бутоны цветов. Я остановилась, дожидаясь Княжевича. Он открыл ворота и, взяв меня под руку, вошёл в них. Поначалу мы никого не встретили, и я уже было подумала, что как-то это не очень похоже

на праздник, но дорожка закончилась, приведя нас к ещё одним воротам, которые выглядели почти так же, как первые.

— Приготовься, Вероника, — шепнул мне Дарий. — Столько магов и ведьм одновременно ты ещё, пожалуй, не видела.

Это прозвучало как предупреждение, я даже слегка поёжилась, но постаралась не показывать своего испуга. В конце концов, могла бы и в квартире остаться, отказавшись ехать с ним. Но любопытство оказалось куда сильнее.

Мы вошли и в эти ворота, после чего оказались на дороге со стрелочками которые едва заметно мерцали.

— Не могли обойтись без театральных эффектов, — усмехнулся Княжевич. — Ну, что же...

Я думала, что мы будем следовать в том направлении, куда показывали стрелочки, но Дарий, встав на одну из них, поставил меня напротив и придержал за локти.

— Лучше закрой глаза, — произнёс он и, когда я послушалась, привлёк меня ещё чуть ближе к себе.

А затем я услышала шум в ушах, который всё нарастал, пока не превратился в звучание приятной инструментальной музыки и множества человеческих голосов. Открыв глаза, я обнаружила, что мы оказались на весьма обширной площади, полной людей, многие из которых выглядели так, словно пришли на бал-маскарад. Но попадались и те, кто был одет довольно просто, так что я в своём лёгком платье не слишком-то среди них выделялась.

Я недоумевающее посмотрела на Дария, который стоял всё так же напротив меня, но он только улыбнулся, словно предлагал мне самой догадаться, что произошло. Я и сообразила — это был портал. Мы прошли через него и оказались в самой гуще толпы, окружённые празднующими ведьмами и магами.

Пока я размышляла над тем, какой будет обратная дорога, к нам подошёл Фогль. Начальник Княжевича по случаю праздника надел белый костюм. Мне показалось, что в нём он выглядел ещё более упитанным.

— А, Вероника! — проговорил он, разглядывая меня с ног до головы. — Дарий вас больше не прячет. Я рад.

— А почему он должен меня прятать? — поинтересовалась я, бросив взгляд на Княжевича, который выглядел абсолютно невозмутимым.

— Откуда же мне знать? — хмыкнул Фогль. — Ревнует, наверное. Боится, что уведут.

Я вспомнила придуманную Дарием легенду и поняла, что Фогль всё ещё считает меня его девушкой. Мне это не слишком нравилось, но выбора не было. Когда он отошёл, я с облегчением вздохнула, но оказалось, что радоваться было рано.

— Вероника! — воскликнул очень знакомый голос, а в следующую секунду меня обняли и затормошили.

Это была Инна. Я так и не перезвонила ей и теперь почувствовала себя неловко. Увидев меня в компании Дария, она, похоже, сделала собственные выводы. Инна — не Фогль, и, если уж она чем-то заинтересовалась, то из её рук не вырваться. А сейчас мою соседку по комнате чрезвычайно интересовала моя личная жизнь.

— Так вот оно как! — произнесла Инна, переводя взгляд с меня на Княжевича, который одарил её самой чарующей из своих улыбок. Тоже мне ловелас! У Инны аж глаза загорелись от любопытства. — Я-то думала, что ты ужасно скучаешь и сидишь над своими книжками, а ты, оказывается, вовсе даже не грустишь без нас. По правде говоря, что-то подобное я и

заподозрила, когда ты не согласилась ко мне приехать, — зашептала она, наклонившись к моему уху так близко, что я почувствовала запах её духов — апельсин, гардения и белый мускус.

— Это вовсе не то, о чём ты подумала, — так же тихо прошептала я в ответ, но, судя по выражению лица подруги, она не поверила ни одному моему слову.

— Ты нас представишь? — проворковала Инна, бросая на Дария кокетливый взгляд.

— Это Дарий Княжевич, — буркнула я, чувствуя, что мне предстоит не самое весёлое время в общепитии. С Инны станется не давать мне спать, пока я не расскажу ей всё, что мне известно о нём. — А это Инна Розенберг.

— Кажется, я знаком с вашим отцом, — произнёс Дарий. — И очень приятно познакомиться с вами, — добавил он, целуя её руку.

— Отец где-то здесь, — отозвалась Инна, которой этот его джентльменский жест, кажется, очень понравился. — Вы ведь позволите ненадолго украсть Веронику? Я хочу кое с кем её познакомить.

— Разумеется, — ответил Княжевич. — Вероника, если не сможешь меня найти, позвони.

Я кивнула. Уж что-то, а мобильный телефон я не забыла взять с собой. К тому же, на этот раз даже проверила, насколько хорошо он заряжен.

— Ты мне должна всё-всё-всё рассказать, — горячо зашептала Инна, когда мы отошли от Княжевича на некоторое расстояние. — Включая то, как он целуется.

— Нечего рассказывать, — ответила я, оглядываясь по сторонам, и порадовалась, что подруга не заметила, как вспыхнули мои щёки при упоминании поцелуя.

Мне всё больше нравилось место, где мы находились. С одной стороны, оно напоминало обычную городскую площадь, а с другой — то и дело вокруг нас происходило что-то волшебное, например, словно из воздуха возникали подносы, уставленные бокалами с разными напитками. Инна тоже схватила один, и я поняла, что в нём шампанское.

— А это тебе, — произнесла подруга, взяв второй бокал. Я попыталась возражать, но она посмотрела на меня так строго и хмуро, что пришлось принять бокал и пригубить искрящийся пузырьками напиток, чтобы не огорчать её. — Уверена, ты что-то скрываешь. Но ты мне всё расскажешь. Позже, — добавила она. — А сейчас я познакомлю тебя со своим особенным другом.

— Что значит — с особенным? — переспросила я. — Обычно так говорят, когда...

— Мы помолвлены, — отозвалась Инна. — Отец сам нашёл мне жениха.

— Разве в наше время бывают такие помолвки? — удивилась я.

— В магическом мире бывают. Кстати, довольно часто. Объединения семей, объединения сил. Будь ты из такой же семьи, уверена, тебя бы тоже обручили. А вот и он, — ответила она, указывая на приближающегося к нам мужчину.

Довольно высокий, под стать самой Инне, черты лица резкие, но вполне гармоничные, тёмно-русые волосы короткие и заметно вьющиеся.

— Это Вероника Солнцева, моя подруга и соседка по комнате. А это Мартин Шталь, мой жених. Надеюсь, вы подружитесь.

Глава 19

Вероника

Знакомство состоялось. Инна не успела рассказать, но её жених, должно быть, происходил из знаменитой и древней магической семьи. Одной из тех, где амулеты получали ещё в детстве.

Я переводила растерянный взгляд с лица Инны на Мартина, всё ещё не представляя себе, как они могли быть обручены, почти не зная друг друга. Может, и хорошо, что я не с самого детства принадлежала к магическому миру и выросла в самой обычной семье? В противном случае, если верить подруге, и мне непременно навязали бы какого-нибудь жениха, а подобная перспектива меня вовсе не радовала.

Впрочем, Инна, кажется, была вполне довольна этой участью. Да и сам Мартин... Не похоже было, чтобы он возражал против организованного заранее союза. К тому же, Инна — красивая, яркая, неглупая девушка. Ему с ней повезло, так что за Мартина можно было даже порадоваться.

Шталь протянул мне руку, и я неловко дала ему свою. Рукопожатие было довольно крепким. Мартин не сразу отпустил мою руку, на некоторое время задержав мои пальцы в своей прохладной ладони, и ещё раз смерил меня заинтересованным взглядом. Что-то подсказывало мне, что этот интерес обусловлен не только тем фактом, что я приходилась подругой его невесте. Под его взглядом мне стало неловко, и я снова начала оглядываться по сторонам, будто ища защиты.

Но никто не обращал на нас внимания. Разряженные в пух и прах ведьмы и маги продолжали веселиться, пили шампанское и переговаривались между собой, обмениваясь словами, часть которых я не понимала, должно быть, они казались тех магических аспектов, которые мы ещё не успели изучить. Инна снова наклонилась к моему уху и шёпотом поинтересовалась, понравился ли мне её жених.

— Это ведь твой жених. Он должен нравиться тебе, а не мне, — ответила я так же тихо, но, увидев ухмылку на лице Мартина, подумала, что, пожалуй, он наш диалог прекрасно расслышал.

— Мне нравится, можешь не сомневаться, — заметила Инна и взяла мужчину под руку.

Вместе они смотрелись весьма эффектно — высокие, молодые, улыбающиеся, уверенные и сознающие собственную силу. Но я никак не могла отделаться от навязчивой и неприятной мысли, что Мартин Шталь, этот маг и неожиданно объявившийся жених Инны, чем-то меня пугает. От него исходила опасность, и, хотя я не могла объяснить, в чём именно она заключалась, чувствовала это, и хотелось куда-нибудь спрятаться от его внимательного взгляда.

Я сделала ещё глоток прохладного шампанского из своего бокала, и мне стало немного легче. Даже почти удалось убедить себя в том, что я сама себе надумала все эти тревожные мысли. В конце концов, если сначала стать свидетельницей убийства, затем получить письмо о том, что кому-то об этом известно, а после провести несколько дней в компании человека, который считает, что доверять нельзя никому, можно стать и куда более подозрительной.

В этот момент, будто почувствовав, что я о нём подумала, появился Дарий. Неизвестно, где он находился и с кем успел пообщаться за то время, что меня не было рядом, но настроение у него явно успело улучшиться. В руке у Княжевича также был бокал с шампанским.

— Надеюсь, праздник тебе нравится, — проговорил он, небрежно потрепав меня по волосам. Инна понимающе усмехнулась. Я нахмурилась. — Привет, Мартин.

Я наблюдала за тем, как они обменялись рукопожатиями, вот только никаких добрых или дружеских чувств на лицах мужчин при этом не появилось. Скорее, наоборот. Дарий подобрался и напрягся, словно готовясь к схватке, но Инна, кажется, ничего не заметила.

— Вы знакомы? — поинтересовалась она.

— Мир тесен, — ответил ей Мартин. — А магический — особенно.

— Ещё как тесен, — подтвердил Княжевич, одним глотком опустошая свой бокал и отбрасывая его куда-то в сторону. Я успела заметить, как стекло вспыхнуло в солнечных лучах и тут же растворилось в воздухе. Покосившись на свой бокал с некоторым сомнением, я пришла к выводу, что едва ли проверну этот фокус, не задулив его ни в кого из окружающих.

— Как ты, готова к началу занятий? — осведомилась Инна. — Хотя, кого я спрашиваю? Ты ведь у нас так любишь учиться!

— Пожалуй, уже не так сильно, как раньше, — пробормотала я.

— Кажется, я даже знаю, почему, — отозвалась она.

— И почему же? — полубопытствовал Дарий. — Может, и мне расскажете?

— Будет меньше времени для свиданий! — воскликнула Инна, подталкивая меня так, что я, не ожидая этого, налетела прямо на Княжевича и едва не расплескала содержимое своего бокала. А Инне хоть бы что! Ещё и рассмеялась при этом.

— Допивай, — невозмутимо сказал мне Дарий. — И пойдём танцевать.

— Танцевать? — растерянно переспросила я. — Но я не умею... Я не...

— Очень интересное украшение, Вероника, — произнёс вдруг Мартин, взгляд которого был прикован к висящему на моей шее ключу, который выскользнул из-за выреза платья, куда я его спрятала. — Если, конечно, это просто украшение... Вы позволите?

Сделав шаг ко мне, Шталь приподнял ключ. Он оказался так близко, что его пальцы почти касались моей шеи. Мне снова стало не по себе — показалось, что сейчас Мартин просто дёрнет за ключ, обрывая цепочку, а затем исчезнет, унося с собой вещь, которая стала мне слишком дорога, чтобы расстаться с ней.

Я вспомнила о предложении Княжевича и с надеждой посмотрела на него.

— Да, я хочу танцевать! А допивать не хочу.

— Хорошо, — согласился Дарий, забирая у меня бокал и с непринуждённым изяществом проделывая с ним то же, что и со своим. — Прошу нас извинить, но мы вынуждены вас оставить.

Княжевич взял меня за локоть и потянул в сторону. Ключ выскользнул из руки Мартина, и тот проводил его разочарованным взглядом. Я успела помахать рукой Инне, которая ответила мне подмигиванием.

Дарий меня в это мгновение просто спас, но я ничего ему не сказала, да и он промолчал. Может быть, мне всё это только показалось. Я уже не разбирала, что правда, а что только мои страхи, которые лишь подпитывались приближением первого учебного дня нового курса.

Как бы то ни было, я порадовалась, что мы оказались на некотором расстоянии от Мартина с его непонятным интересом к моему ключу. Меня уже не пугало, что для этого придётся танцевать. Хотя, возможно, это был всего лишь предлог?

Но оказалось, что нет. Когда я увидела несколько пар, которые плавно кружились под льющуюся откуда-то музыку, то сразу же поняла, что так танцевать совершенно точно не смогу. Не стоило и пытаться, но Княжевич, похоже, считал иначе, потому что решительно повёл меня в сторону танцующих.

— Я оттопчу тебе ноги, — честно предупредила я.

— Не страшно, — ответил Дарий.

Через некоторое время, когда я поняла, что никто не обращает на меня внимания, я немного расслабилась и перестала думать о том, как выгляжу со стороны. К тому же, получалось не так уж плохо. Музыка была в самый раз — не слишком медленная, но и не быстрая, нежная и мелодичная. Казалось, её звуки с лёгкостью подхватывали моё тело, заставляя двигаться в унисон, кружиться и почти отрываться от земли подошвами босоножек. Возможно, это тоже была какая-то магия. Я чувствовала тепло поддерживающих и направляющих меня рук Дария, не ощущая никакой неловкости от того, что он снова оказался слишком близко. Голова закружилась — неизвестно, от чего: от танца, выпитого шампанского или от его взгляда.

Когда танец закончился, мы отошли в сторону.

— Жди меня здесь. Сейчас вернусь, — проговорил Дарий и скрылся в толпе.

Я завертела головой, пытаюсь понять, куда он подевался, но Княжевич успел скрыться из вида. Мне снова стало тревожно. Захотелось вернуться к Инне — уж лучше её жених, чем незнакомые люди вокруг.

В это время всё вокруг погрузилось в темноту. Я готова была запаниковать и закричать от ужаса — слишком сильно происходящее напомнило то, что тогда случилось в лесу. Но вскоре небо разрезали вспышки разноцветных огней, и я поняла, что это начался фейерверк, для наступления которого решили не ждать ночи.

Зрелище оказалось по-настоящему впечатляющим. Такой красоты мне ещё не приходилось видеть. Огни над головами людей сплетались в длинные нити, складывались в причудливые узоры, вертелись, летали и меняли форму. Вслед за огнями в вышине появились небесные фонарики, возникшие словно ниоткуда. Они тоже были разного цвета, и их плавное движение казалось затейливым танцем. Музыка сменилась — стала громче, энергичнее, к ней прибавилось пение на незнакомом языке. В толпе раздались восторженные вздохи.

Я едва не ахнула от неожиданности, когда обнаружила, что огни загораются не только наверху, но и внизу, там, где стояли люди. Но никто, казалось, этого не испугался. Некоторые даже зааплодировали.

Вслед за этим появились небольшие круглые шары, которые светились несколько слабее, но начали с негромкими хлопками взрываться, едва их задевали. Из них сыпались конфетти, серпантин, перья, бусины и даже конфеты. Некоторое время я рассматривала эти диковины, затем решилась прикоснуться к одному из шаров, и тот рассыпался ворохом розовых лепестков.

Княжевич всё ещё не показывался. Я никуда не уходила с того места, где он меня оставил, разве что сделала несколько шагов в сторону, чтобы увернуться от огненных вспышек, которые, судя по всему, не были горячими, но дотрагиваться до них всё равно не

хотелось. Праздник был в самом разгаре.

Я не успела понять, что произошло, когда один из шаров-хлопушек ударил меня в грудь, не взорвавшись при этом, и заставил потерять равновесие. Музыка зазвучала громче, и моего вскрика никто не услышал. Взмахнув руками, я рухнула на спину прямо под ноги веселящихся людей.

Падение заняло всего несколько секунд, но показалось невероятно долгим. Высоко надо мной вспыхнул очередной замысловатый узор фейерверка, в толпе раздались восхищённые возгласы. Это было последнее, что я успела увидеть и услышать.

Глава 20

Вероника

Я слышала знакомый голос, который снова и снова настойчиво повторял моё имя и чего-то от меня требовал. Хотелось отмахнуться от этого зова, чтобы опять провалиться в густую чернильную темноту. Чтобы снова увидеть промелькнувшую перед глазами картину — склоненные ветки деревьев, которые образовывали природный зелёный лабиринт, и бегущую по нему женщину, чей силуэт казался мне смутно знакомым.

Но голос не желал отступать и продолжал будить меня, вытаскивать из темноты, звать к себе.

— Вероника! Вероника, открой глаза! — повторил он.

Я разомкнула веки и увидела лицо Дария.

— Вероника, что ты помнишь?

Он помог мне сесть, и я пожала плечами в ответ на его вопрос. Что я помнила? Праздник... волшебные переплетения разноцветных огней в небе... шары-хлопушки... резкий удар... страх... шум в ушах... чувство нехватки воздуха... Дальше — темнота. Кажется, я упала, но не могла сказать, что случилось дальше.

Осмотревшись, я поняла, что сижу на густой траве. Откуда здесь взялась трава? Куда подевались люди? В небе над головой больше не было ни огней фейерверка, ни небесных фонариков. Только звёзды.

— Где мы? — поинтересовалась я, пытаюсь встать на ноги, но Княжевич меня удержал.

— Осторожно, не делай резких движений. Мы на холме, там, где оставили машину. Скоро будем дома.

Дома... Это прозвучало так, словно у нас был общий дома. Но ведь завтра начинались занятия в Университете Магии! Это означало, что мне нужно вернуться в общежитие. Соседки наверняка уже там и гадают, куда это я подевалась.

Хотя, Инна ведь узнала про Дария и, должно быть, решила, что теперь я буду жить у него.

Княжевич помог мне подняться, дойти до машины и сесть на заднее сиденье. Я поднесла руку к шее и потянула за цепочку. Ключ лёг в мою ладонь, и мне стало спокойнее — хотя бы его я не потеряла.

Несмотря на то, что уже успела наступить ночь, в городе было по-прежнему шумно. Возвращающиеся с праздничных гуляний люди весёлыми компаниями толпились на улицах. Трамваи, которые в честь праздника работали допоздна, с негромким перезвоном проезжали мимо.

— Мне нужно в общежитие, — напомнила я Дарию о том, что завтра должна быть в университете.

— Сейчас уже поздно, — отозвался он. — Утром я тебя отвезу.

Я представила лицо Инны и её понимающие усмешки. Да, теперь мне покоя не видать ещё и по этой причине. Весёленький учебный год намечается, ничего не скажешь.

— Что со мной было? — спросила я.

— Дома поговорим, — ответил Княжевич, не глядя на меня, и интонация его голоса мне весьма не понравилась.

Доехали мы быстро. Дарий попытался помочь мне выбраться из машины, но я уже чувствовала себя достаточно хорошо — физически, во всяком случае. Я всё ещё держала одной рукой ключ, как будто продолжала бояться, что он исчезнет.

Пока Княжевич был в ванной, я направилась в спальню, где подошла к окну. Вспомнила начало этого дня и собственные тревоги по поводу дня завтрашнего, приглашение на праздник и дорогу туда, встречу с Инной и её неожиданно объявившимся женихом. Сейчас мне казалось, будто это произошло целую вечность назад.

Затем в памяти возникло ощущение неотвратимого падения под громкий смех окружающих людей, которые этого даже не заметили. Казалось, всего несколько секунд отделяли меня от участи быть растоптанной. Все смотрели вверх, на небо, никто не глядел под ноги.

Снова пришёл страх. Нахлынувшее на меня ощущение было липким, тягучим, тяжёлым. Я как будто опять очутилась в толпе и осознала, что праздник закончился, а вместо него началось нечто страшное, непонятное и безнадёжное.

Не задумываясь над тем, что делаю, я опустилась на пол и заползла под кровать. Места под ней было вполне достаточно, чтобы спрятаться. Представилось, как проходят дни, а я всё продолжаю сидеть под кроватью и скрываться там от неизвестной опасности.

Возможно, эта фантазия могла бы даже показаться смешной. Но мне было не до смеха. Я снова подумала о том, что утром должна находиться в университете. Там не будет фейерверков и круглых хлопушек, но едва ли это кому-то помешает. Мало ли возможностей и способов избавиться от одной недоучившейся ведьмы? Своё право на использование магии не только на практических занятиях в университете я должна получить лишь по достижении двадцати одного года. Если, разумеется, доживу до этого возраста.

Когда Княжевич, вошёл в комнату, он не сразу меня обнаружил. Вернее, и не заметил бы, если бы я не откликнулась на его голос. Вопреки моим подозрениям он не стал смеяться.

— Не уверен, что там удобно, поэтому, может, всё-таки вылезешь? — спросил Дарий, заглядывая под кровать.

— Мне удобно, — отозвалась я, не пытаясь стереть набежавшие слёзы.

— Правда? Может, подвинешься? Я бы присоединился.

— Нет.

— Тогда вылезай, — мягко произнёс Дарий и протянул мне руку. — Пока чай не остыл.

Пришлось подчиниться. Перспектива выпить горячего чая, в самом деле, выглядела соблазнительно. К тому же, мне, наверное, следовало бы порадоваться тому, что всё обошлось. Но надолго ли это моё везение? В следующий раз всё может получиться совершенно по-другому.

— Меня хотели убить, — сказала я, выбравшись из-под кровати.

— Знаю, — неохотно ответил Княжевич. — На случайность это было... мало похоже.

— Ты обещал рассказать, что со мной произошло, — напомнила я.

— Очередная магическая ловушка. Почувствовать её было практически невозможно — слишком много вокруг другой магии. Но я, скажем так, успел вовремя, — добавил он.

По лицу снова потекли предательские слёзы — возможно, от всего случившегося, а, может быть, от его слов. Я вспомнила о том, сколько раз Дарий вот так успевал вовремя

появиться и помочь мне. Даже тогда, когда Княжевич злился, он всё равно заботился обо мне.

— Кажется, грядёт наводнение, — проговорил Дарий, стирая с моей щеки солёные капли. — Надо предупредить соседей.

— Не надо, — фыркнула я. — Столько даже мне не наплакать.

— Это радует, — заметил он. — Так как, идём пить чай? Да и поспать немного не помешает. Тебе завтра надо быть бодрой, а то уснёшь на первой же лекции. Что ты так смотришь — у меня крылья выросли?

Я не хотела влюбляться — ни в кого, а особенно в Дария Княжевича. Не хотела в школе, когда одноклассницы не могли отвести от него взглядов. Не хотела, несмотря на то, что он спасал меня, смешил, ругал, обсуждал со мной книги, был рядом, и я так привыкла к этому, что иногда начинало казаться, будто он будет со мной постоянно — сегодня, завтра, всегда.

Но оказалось, что от моего желания ничего не зависело.

В эту минуту, когда он, вытащив меня из-под кровати, стоял напротив и говорил о чае и завтрашних лекциях, я поняла, что и мне не удалось избежать этой участи. Чувствовать что-то странное и прежде неведомое. Влюбиться.

Но это меня вовсе не обрадовало. Даже наоборот — испугало. Вот только, если я могла попытаться уйти и спрятаться от него, то убежать от себя и собственных чувств, что нахлынули на меня, будто прорвало плотину, не было никакой возможности.

Я вдруг подумала, что, наверное, и с магией так же. Сначала она пугает, и не хочется признавать её частью собственного существа, а затем чувствуется с невиданной силой и переполняет так, что даже кончики пальцев покалывает от желания сотворить какое-нибудь волшебство. Но нельзя. Пока нельзя. А что можно?

— Я жду тебя в гостиной, — объявил Княжевич и, развернувшись, вышел из спальни.

Я прижала к щекам прохладные ладони, радуясь тому, что он не мог прочесть мои мысли. Или мог? Если так, то неудивительно, что сбежал.

Дарий удивил меня тем, что принёс чай в гостиную. И не только чай. Он поставил на столик два бокала и уже знакомую бутылку доминиканского рома — ту же самую или уже другую?

— Опять?! — воскликнула я.

— Тебе не помешает, — отозвался Княжевич. — Ты слишком долго пробыла без сознания.

Вспомнив об этом, я снова задумалась над тем, как могла упасть на площади, а очнуться рядом с машиной. Не тащил же он меня на руках всю дорогу. Хотя, вполне вероятно, что обратный путь мы проделали через очередной магический портал.

Ром показался мне ещё крепче, чем в прошлый раз. Напиток обжигал рот, но я решительно сделала несколько глотков, а затем запила их горячим чаем. Княжевич посматривал на меня с усмешкой.

Услышав негромкий шум, я не сразу поняла, что это пошёл дождь. По оконному стеклу застучали холодные капли. Ночной город после закончившегося праздника умывался дождём.

Я допила содержимое своего бокала, и Дарий наполнил его снова. Он сидел на диване напротив меня, небрежно покручивая бокал в длинных пальцах. Я смотрела на него, будто в последний раз, отмечая и запоминая каждую деталь его облика — сильные руки, густые чёрные волосы, касающиеся воротника рубашки, лукавые искорки в синих глазах.

Дарий поднял голову и перехватил мой взгляд. Я поспешно отвернулась к окну, но было уже поздно. Он увидел, как я на него смотрела, и оставалось лишь надеяться на то, что Княжевич ничего не прочитал по моему взгляду.

Я выпила ещё немного, едва не закашлявшись. Вспомнилось, как в тот вечер не могла даже добраться до коридора самостоятельно. Пожалуй, пора было остановиться и отправиться в спальню. Но всё же я допила и второй бокал. Поднялась на ноги, слегка пошатнулась, направилась к выходу из гостиной... И остановилась, почти врезавшись в прозрачную магическую стену. Обернувшись к Дарию, я бросила на него возмущённый взгляд — опять твои фокусы?

Княжевич протянул руку. Больше не было сил сопротивляться. Я подошла к дивану, Дарий привлёк меня ближе, обнял, погладил по волосам. В его руках было тепло и спокойно. Я слушала шуршание дождя за окном, и мне хотелось, чтобы эти минуты никогда не заканчивались.

Когда Дарий захотел что-то сказать, я не дала ему этого сделать — повернулась и поцеловала его.

Глава 21

Вероника

Просторную аудиторию университета заливал солнечный свет. Студенты в честь первого дня занятий вырядились, кто во что горазд, но многие, как и я сама, предпочли прийти в джинсах и майках. Время от времени раздавались смешки или огорчённые вздохи по поводу окончания каникул, но многие старались казаться серьёзными — как-никак уже третий курс, пора и о специализации задуматься.

Об этом же напомнила и преподавательница Элла Руслановна Варженевская, которая должна была вести новый для нас предмет. Впрочем, половину из того, что было сказано на организационном собрании для студентов, я прослушала. Мысли то и дело возвращались к вчерашнему вечеру и ночи, а также ко всему тому, что со мной случилось за последние дни этих показавшихся невероятно долгими каникул.

Когда я сама поцеловала Княжевича, он на мгновение замер, будто не до конца поверил в происходящее или задумался над тем, что ему делать дальше. Но не успела я осознать собственное неприличное поведение и сделать попытку остановиться, как он тут же принялся целовать меня в ответ — сначала нежно, а затем сильно и жадно, горячо и требовательно. Тёплые губы на моих губах, ресницах, шее, плечах... короткие вдохи между поцелуями... пуговицы его рубашки и горячая кожа под ладонями... пальцы, нетерпеливо расстёгивающие платье, сжимающие запястья, изучающие моё тело.

Мы даже до спальни не добрались, остались на диване. Но проснулась я на кровати. Одна и под звук будильника на мобильном телефоне, хотя никак не могла вспомнить, когда я успела его завести.

В дверях спальни показался Княжевич — полностью одетый и, пожалуй, даже чересчур энергичный.

— Вероника, марш завтракать и в университет! — бодро объявил он и тут же скрылся.

Я растерянно посмотрела ему вслед, гадая, не приснилось ли мне произошедшее ночью. Но слишком уж всё было реалистично и правдоподобно для сна. К тому же, обычно я ложилась спать в пижаме и до этого утра ещё ни разу не просыпалась... без ничего.

Через некоторое время, когда я появилась на кухне, Дарий уже успел оттуда уйти. Нельзя было сказать, что он намеренно избегал меня, но, как бы то ни было, а кофе мне пришлось пить в одиночестве. Я едва не разлила его, так торопилась. Не хотелось опаздывать в университет в первый же день, а ведь следовало ещё заглянуть в общежитие, чтобы оставить там вещи. Мне предстояло вернуться к учёбе и вести себя как ни в чём ни бывало, чтобы ни преподаватели, ни однокурсники ни о чём не догадались.

Вот только был ли смысл притворяться, если кто-то всё равно знал о том, что я там была и всё слышала?

Княжевич не появлялся, пока я торопливо собирала вещи и выходила из спальни. Ощущения казались странными — если недавно я была совершенно не в восторге от перспективы пожить у него какое-то время, то сейчас мне не хотелось уходить. Но ведь

остаться он тоже не предложил...

Ключ вместе с цепочкой я поначалу спрятала в самый потайной карман сумки, но затем передумала и снова надела на шею, спрятав под одеждой. Так мне было гораздо спокойнее. К тому же, я знала о том, что кто-то успел побывать в моей комнате общежития, и ничего не мешало неизвестному человеку повторить это, пока мы с соседками будем в университете.

— Жду тебя в машине! — крикнул Дарий.

Выходя из квартиры, я хлопнула дверью так, что даже руке стало больно.

В машине Княжевич был таким же, как обычно. Невозмутимым, уверенным, разве что слегка задумчивым. Когда он вытащил сигареты и закурил, я ничего не сказала. Никто никогда не учил меня тому, как нужно разговаривать на другой день с человеком, с которым провела ночь. Особенно если он ведёт себя так, как будто ничего не было.

Внезапно разозлившись, я решила, что в таком случае мне оставалось лишь поддержать правила игры. Если он решил молчать — пожалуйста, если сожалел о том, что случилось, — пусть! Я ни о чём сокрушаться не собиралась.

Машина остановилась недалеко от здания общежития, и Дарий повернулся ко мне, когда я уже собиралась выйти.

— Обещай, что будешь осторожна и позвонишь мне, если что-то случится, — проговорил он. — Обязательно. В любом случае.

— Хорошо, — ответила я, пожимая плечами. Позвонить-то я, конечно, могу. Если успею.

Княжевич наклонился ко мне, и его губы дрогнули, будто он собирался сказать что-то ещё или поцеловать меня. В окно машины негромко, но требовательно постучали. Я вздрогнула и, резко развернувшись, увидела Инну, которая смотрела на меня с поддразнивающей усмешкой.

— Доброе утро! — произнёс Княжевич, открывая дверцу машины. — Возвращаю вашу подругу.

— Вовремя, а то я уже думала, что ты не приедешь, — отозвалась она, ответив на его приветствие.

Я подхватила свои вещи и выскользнула из машины. Обгоняя Инну, направилась к входу в общежитие. Я ни разу не обернулась.

Позже, поздоровавшись с остальными девушками и оставив в комнате вещи, я отправилась в университет, окружённая толпой других студентов. Возможно, именно благодаря этому я почти не почувствовала страха, когда перешагивала порог здания. В прохладном холле было ещё более шумно, чем на улице. Учащиеся приветствовали друг друга, обнимались, обменивались новостями. Преподавателям с трудом удалось организовать это галдящее сборище в отдельные группы по курсам и проводить на собрания в аудитории.

Я сидела за столом рядом с Инной. Она казалась весьма довольной и, судя по красноречивым взглядам в мою сторону, собиралась возобновить атаку вопросами по поводу наших с Княжевичем отношений. Я решила, что буду держаться до последнего и делать вид, будто не понимаю, что она имеет в виду, расспрашивая о том, что между нами происходит.

А впрочем, я, и правда, этого не понимала. Теперь, когда стало очевидно, что мои чувства к нему значительно превышали дружеское расположение и благодарность за помощь, я чувствовала себя ещё более уязвимой, чем раньше. Холодное поведение Дария этим утром причинило мне куда больше боли, чем его саркастические комментарии и тот

факт, что раньше он обращался со мной, как с ребёнком. От этого ощущения чудесные воспоминания о прошедшей ночи постепенно таяли, уступая место тревогам сегодняшнего дня, которого я заранее боялась. Может быть, нужно было набраться смелости и попытаться поговорить с ним?

От этих мыслей меня отвлек звук открывающейся двери, в которую кто-то вошёл. Должно быть, явился опоздавший на начало собрания студент. Я ещё ниже опустила голову и зевнула.

— Вы все, должно быть, знаете о том, что случилось с нашим уважаемым деканом, — произнесла Элла Руслановна. — Сейчас мне бы хотелось представить вам нового декана Карла Карловича Розенберга.

Услышав эти слова, я бросила взгляд на сидевшую рядом Инну. Карл Карлович Розенберг? Её отец?

Подняв глаза, я увидела рядом с преподавательницей высокого представительного мужчину, который производил впечатление абсолютно уверенного в себе человека, наделённого силой и властью. Я помнила, как он заходил к Инне в общежитие. Но случалось это крайне редко. Инна говорила, что у её отца какой-то крупный бизнес. Кроме того, она рассказывала о том, будто он — один из сильнейших магов нашего времени.

— Добрый день! — произнёс Карл Розенберг, обводя взглядом аудиторию. — Мне особенно приятно приветствовать собравшихся здесь студентов, потому что среди них находится моя единственная и любимая дочь Инна.

Розенберг говорил что-то ещё, но я больше не разбирала слов. Слышала только его голос, от звучания которого у меня внутри всё переворачивалось и сжималось в тугий узел. Руки сами собой соскользнули под стол, пальцы начали крутить кольцо-амулет, всё крепче сжимая его. Окружающие слушали выступление нового декана, и никто не замечал, что со мной происходило. Голос говорившего звучал медленно, размеренно, официально, его интонации были другими, нежели тем вечером в коридоре университета, и всё же я знала, что слышала именно его.

В последнем усилии сдержать поток магии я уцепилась за сиденье своего стула, но было уже поздно. Зазвенели выбитые мощной волной стёкла. В аудитории раздались крики. Где-то захлопали двери, зашумели шаги, закрипели ступеньки лестниц. С громкими хлопками полопались украшавшие помещения университета воздушные шары. По зданию разнёсся истошный вой пожарной сигнализации. Всё это случилось практически одновременно и произошло по моей вине.

Я не сопротивлялась, когда Элла Руслановна подошла и вывела меня из аудитории. На нас смотрели с изумлением и страхом. Поймав на себе взгляд тёмных глаз Карла Розенберга, я не сразу отвернулась.

В просторном кабинете, где находились рабочие места преподавателей, я устало рухнула на стул. Элла Руслановна нервно потирала руки и ходила туда-сюда. От мелькания её пестрой одежды у меня зарябило в глазах, и я зажмурилась.

— Вероника, вы же понимаете, что мне придётся позвонить инквизиторам? — проговорила она, поворачиваясь ко мне.

Я кивнула, наблюдая за тем, как она потянулась к телефону. Разговор занял всего несколько минут. Я вспомнила Виолетту и поняла, что меня в ближайшее время ожидает то же, что произошло с ней. Кстати, я так и не увидела её в этот день — ни в общежитии, ни в университете. Её как будто и не было вовсе. Может быть, те студенты, которые попадали в

руки Инквизиции, отчислялись из Университета Магии? Или... просто больше не возвращались?

— Может быть, вы хотите кому-нибудь позвонить? — спросила преподавательница. — Семье, например?

В памяти возникли слова Княжевича, сказанные сегодняшним утром. «Обещай, что будешь осторожна и позвонишь мне, если что-то случится, — услышала я от него на прощание. — Обязательно. В любом случае».

— Да, хочу, — ответила я.

Глава 22

Вероника

«Вы имеете право на один звонок», — вспомнила я, когда Элла Руслановна протянула мне телефонную трубку. Вот только я вовсе не была уверена в том, что Княжевич станет моим адвокатом. Разумеется, у специалистов Магического Надзора тоже имелись собственные права, и немалые, но всё же им едва ли хотелось бы портить отношения с Инквизицией из-за какой-то малолетней ведьмы.

Несмотря на это, я искренне надеялась, что Дарий ответит на звонок сразу, и едва дышала от волнения, слушая громкие гудки в телефоне.

— Кто это? — проговорил его голос.

— Вероника, — выдохнула я.

— Что-то случилось? — спросил Княжевич.

— Да. Я... увидела того человека и не смогла сдержать себя. За мной приедет инквизитор.

— Ты его убила?

Услышав этот вопрос, я едва не засмеялась. Дарий оставался в своём репертуаре. Не стал ужасаться, охать и ахать, а сразу же выдвинул собственный вариант развития событий.

— Нет. Но я...

— Понятно, навела шороху в университете, — произнёс он. — Слушай меня. Не бойся. Не плачь. Не сопротивляйся, когда они приедут. Я знаю, куда тебя отвезут, и прибуду туда. Без меня не отвечай ни на какие вопросы. Поняла?

— Поняла, — отозвалась я. Тяжесть на душе стала чуть легче от этих слов, от звучания его голоса, от того, что я больше не была одна.

Закончив разговор, я посмотрела в окно. Солнечная и безветренная погода как будто контрастировала с тем, что творилось в моих мыслях. Произошло страшное. Я никак не ожидала увидеть таинственного убийцу в первый же день занятий и, тем более, предположить не могла, что им окажется отец моей подруги Инны, который убил декана и занял его место. Поэтому мне и показался знакомым этот голос — ведь Карл Розенберг навещал дочь в общежитии, и я слышала его раньше.

Я скорчилась на неудобном стуле. Элла Руслановна сидела напротив меня, перебирая какие-то бумаги. За дверью слышались шаги и голоса, однако в кабинет никто не заглядывал. Это меня радовало — не хотелось бы, чтобы кто-нибудь вошёл сюда и начал рассматривать меня, будто дикого зверя в зоопарке. Взбесившегося зверя.

Когда в дверь постучали, преподавательница нервно вздрогнула. Я вся сжалась, пока она впускала визитёра и вкратце рассказывала ему о том, что произошло. Его бесцветно-серые глаза остановились на мне, и их выражение стало удивлённым, будто инквизитор не мог поверить в то, что это я — такая тощая и маленькая — стала причиной случившегося в университете разрушения и хаоса.

Он выглядел практически так же, как тот, которого я видела несколько дней назад возле

общежития. На нём была идеально чистая и отглаженная форма, напоминающая полицейскую. Мне никогда не нравились люди в форме, они вызывали у меня непонятную смутную тревогу.

— Благодарю за то, что сразу позвонили, — сказал он Элле Руслановне и снова повернулся ко мне.

Я уже поднялась со стула и очень старалась держаться так, чтобы ноги не дрожали, а колени не подгибались. Он не должен был знать о том, как мне страшно. Когда инквизитор уже развернулся к двери, та неожиданно открылась, и в кабинет ворвалась Елена Никифоровна, одна из благоволивших ко мне преподавательниц. Она выглядела растерянной и расстроенной. Я сделала шаг по направлению к ней, но под предупреждающим взглядом инквизитора остановилась.

— Вероника, как же это? — проговорила Елена Никифоровна, переводя взгляд с меня на остальных присутствующих. — Случилось какая-то ошибка, да? Ты ведь не могла...

— К сожалению, никаких ошибок, — ответила ей Элла Руслановна. — Я была там и всё видела. Надеюсь, вы доверяете моему опыту и знаете, что я могу распознать, от кого из студентов в аудитории исходит магия. Жаль, что я не заметила раньше и не смогла остановить...

Я усмехнулась. В тот момент преподавательница любовалась на Карла Карловича Розенберга и слушала его выступление. Я могла забраться с ногами на стол, а она бы этого не заметила.

— Я не могу больше здесь задерживаться, — проговорил инквизитор, выходя из кабинета, и я последовала за ним.

Пройдя по зданию университету к выходу, я смогла увидеть и оценить масштаб разрушений. Выбитые окна выглядели жутковато. Сигнализация успела замолчать, но, судя по тому, что кое-где я заметила лужицы воды, небольшой пожар всё же начался, и его вовремя успели потушить.

Встречавшиеся на пути преподаватели и студенты бросали на нас взгляды — любопытные, испуганные, возмущённые. Не было только равнодушных. Никого из своих однокурсников я не встретила.

Выйдя из университета, мы сели в машину, которая выглядела такой же серой и безликой, как и человек, который сел за руль, посадив меня на переднее сиденье. Я понятия не имела, куда меня повезут. Руки стали холодными и влажными, я вцепилась в лежащую на коленях сумку и отвернулась к окну.

Дорога показалась неожиданно долгой. Вскоре я перестала узнавать районы города, по которым мы ехали. Через некоторое время дома сменились деревьями.

Машина остановилась возле окружённого высоким кованым забором четырёхэтажного старинного здания, похожего на загородную усадьбу какого-нибудь графа из прошлых веков. Возможно, именно так когда-то и было, сейчас же здание занимали инквизиторы. Я вышла и сделала несколько шагов, чтобы размять ноги, но сопровождающий тут же окрикнул меня, чтобы я стояла на месте.

Через некоторое время он провёл меня внутрь здания, и на входе нас встретили люди, одетые в точно такую же форму. Они забрали у меня сумку и кольцо-амулет, а затем потребовали оставить отпечатки пальцев. От всего этого у меня снова появилось ощущение, будто я нахожусь в полиции.

Обстановка здания была предельно аскетичной и строгой, но по высоким потолкам,

старинным лепнинам и широким окнам, забранным решётками, можно было сделать вывод, что я угадала, и когда-то здесь, в самом деле, обитала аристократическая семья.

Мы поднялись на второй этаж, где инквизитор почти втолкнул меня в небольшое помещение, в котором из мебели размещались только голый деревянный стол и несколько стульев. На один из них мне и было приказано сесть. После этого он объявил, что через несколько минут меня будут допрашивать.

— Нет, — ответила я и, обнаружив, что мой голос почти пропал, закашлялась. — Ко мне должен приехать... мой друг. Он из Магического Надзора.

— А, личный адвокат, — ухмыльнулся ставший неожиданно говорливым инквизитор. — Непростая вы барышня, как я посмотрю, водите дружбу с МН. В любом случае, вам придётся подождать здесь.

С этими словами он вышел, оставив меня одну. Некоторое время я сидела на стуле, вытирая ладони об одежду и пытаясь глубоко дышать, чтобы не дать подступающим к горлу рыданиям вырваться наружу. Княжевич ведь сказал, что не нужно плакать, да я и сама не хотела давать инквизиторам повод наблюдать мою слабость.

Где же Дарий? Я надеялась, что он приедет сюда раньше меня, но, должно быть, у него были и свои дела, которые требовалось закончить. Я встала и подошла к окну, оглядела внутренний двор, окружённый тщательно подстриженными кустарниками. Он казался таким благоустроенным и мирным, что можно было почти забыть, в каком заведении я находилась. Но не получалось не думать обо всех тех магах и ведьмах, которых привозили сюда раньше, о том, какими способами их допрашивали и за что наказывали.

Когда дверь за спиной скрипнула, я с надеждой повернулась к выходу.

— Любишь ты преподносить сюрпризы, Вероника, — заметил Дарий, который вошёл один, без сопровождения инквизиторов. — Но, признаться, такого я не ожидал.

Я сделала несколько шагов, обняла его, уткнувшись носом в плечо, обтянутое чёрной рубашкой. Дарий погладил меня по волосам, и я всхлипнула. Пусть иронизирует, пусть ругается, пусть называет меня бестолковой ведьмой — главное, что он рядом.

— Я же просил тебя не плакать, Вероника, — проговорил он.

— Я не плачу, — выдохнула я. — Я просто...

— Что? Соскучилась?

— Да, — неожиданно для самой себя призналась я.

— Послушай, — произнёс Дарий, слегка отстраняя меня и заглядывая в глаза. — Что бы я ни говорил во время допроса, не возражай. Если мои слова тебя удивят, если я скажу неправду, подтверди всё, что услышишь. Договорились?

— Ладно, — согласилась я. — Но что...

— Хорошая девочка, — проговорил он и, наклонившись, быстро и крепко поцеловал меня.

Дверь снова открылась, пропуская уже другого мужчину, но весьма похожего на первого. Такая же форма и высокие чёрные сапоги, бесцветные глаза, сдержанные движения и сухопарая фигура. Я очень надеялась, что это не сам Верховный Инквизитор.

— Как я вижу, наша ведьма готова к допросу, — заметил он, и я попятилась назад, чтобы снова сесть на стул. Я вовсе не была готова. Ноги снова подкашивались, а руки дрожали. — И её адвокат тоже, — добавил он.

— Я не адвокат, — ответил Княжевич. — Но я должен кое-что сказать.

— Интересно, — отозвался инквизитор. — Продолжайте.

— То, что сделала ведьма Вероника Солнцева в университете, не было её виной. Она просто стала проводником магии. Моей магии.

Я растерянно уставилась на Дария. Он, в самом деле, решил соврать инквизиторам? Я вспомнила, что он просил меня подтвердить любые его слова.

— Что? — озадаченно переспросил инквизитор. — Вы хотите сказать, что сделали эту девушку проводником своей магии, внушив ей, что она должна сделать в университете? Но по какой причине?

— По личной, — невозмутимо ответил Княжевич. — Сегодня в должность декана Университета Магии вступил Карл Розенберг. У меня к нему личные счёты, и мне хотелось испортить ему этот день. Как видите, это удалось.

— Но вы же осознаёте, что нарушили закон, применили запрещённую магию разума, использовали ведьму, которой ещё не исполнилось двадцати одного года? — уточнил допрашивающий.

— Осознаю. И готов понести наказание, — сказал Дарий и, поймав мой взгляд, подмигнул. — Вероника Солнцева невиновна.

Глава 23

Вероника

Открыв глаза, я обнаружила, что сижу всё в том же унылом помещении, уронив голову на сложенные на столе руки. Я что, умудрилась заснуть в логове инквизиторов? Устало потёрла ладонями лицо, убирая назад волосы, и тут же всё вспомнила.

Почему это не оказалось всего лишь страшным сном? Почему я не могла в это мгновение просто проснуться и осознать, что ничего этого на самом деле не было? Ни назначения нового декана, ни того, что я устроила в университете, ни посещения этого места.

Когда Дарий заявил, что я невиновна, инквизитор снова переключил своё внимание на меня и потребовал, чтобы я подтвердила слова Княжевича. Я растерянно переводила взгляд с одного на другого и чувствовала себя так, как будто меня пытаются разорвать на две части, почти не оставляя возможности вдохнуть и подумать, чтобы принять решение. Дарий взял на себя мою вину. Я-то знала, что никакой магией разума по отношению ко мне он не пользовался. Вернее, пользовался, но не в этот, а в другой день, когда мы искали амулет ведьмы, и после того, как я примерила браслет, мне начали сниться эти сны о женщине, лица которой так и не удавалось увидеть. Но почему Дарий так сказал инквизитору? Почему он соврал и попросил меня согласиться со всеми его словами?

— Вы подтверждаете это заявление? — нетерпеливо повторил инквизитор. — Отвечайте!

Княжевич за его спиной нахмурился и знаками дал мне понять, что я должна немедленно со всем согласиться, чтобы не испытывать терпение инквизитора.

— Отвечайте!

Потупившись, я кивнула и закусила губу. Вот и всё. Теперь я тоже соврала. Вместо честного рассказа о том, что потеряла над собой контроль и позволила собственной магии вырваться на свободу, я подтвердила ложь, будто меня использовали, как безвольную марионетку. Что же теперь будет?

— Вы совсем запугали девушку, — хмыкнул Дарий. — Она уже представляет себе, как на заднем дворе готовят костёр.

— Не помешало бы, — бросил инквизитор и, потеряв ко мне всякий интерес, развернулся и направился к двери. — Идите за мной, а она пусть пока останется здесь.

Я больше ничего не успела сказать — они ушли, и в комнате стало тихо. Пододвинувшись ближе к столу, я приготовилась терпеливо ждать, сама не зная, чего. Почему Княжевич не боялся? Он вёл себя уверенно, спокойно и невозмутимо, словно не испытывал и сотой доли моего страха перед Инквизицией, как будто попадать в подобные места — самое обычное дело. А, может быть, так и есть, и для него это не в первый раз?

Должно быть, я сама не заметила, как задремала, и сейчас, проснувшись, озиралась по сторонам и думала, уж не забыли ли обо мне. Даже любопытно стало, что будет, если наступит ночь, и все, кто работает в этом здании, разойдутся по домам. Думать о том, что инквизиторы — тоже люди, которые где-то живут, варят кофе и поджаривают яичницу, было довольно странно.

Я вспомнила прошедшую ночь. То, как Дарий целовал меня — одновременно бережно и настойчиво. Я ничего ему не сказала, несмотря на то, что слова так и рвались из меня, и сложно было удержаться от признания в своих чувствах к нему.

Нужно было что-то делать, чтобы помочь Княжевичу, найти возможность хотя бы ещё раз поговорить с ним. Понял ли он, что именно Розенберг оказался тем человеком, голос которого я слышала в тот вечер? Ведь по телефону я не могла всего рассказать, да и здесь нам не позволили как следует поговорить. Как бы то ни было, а положение моё оставалось крайне незавидным. У отца Инны, которая очень им гордилась, было всё: деньги, связи, репутация. Он мог бы раздавить меня одной рукой, как надоедливую букашку, если б захотел. У меня же не было совершенно никаких доказательств того, что именно он убил декана, смерть которого была признана естественной.

Я попыталась открыть дверь и была очень удивлена, когда она поддалась. Оказавшись в пустом коридоре, я начала вспоминать, как сюда шла, но, учитывая размеры здания, пробродить здесь можно было до поздней ночи. Окна в коридорах также были оснащены прочными на вид решётками, и всё это напоминало тюрьму, из которой нет выхода.

Заслышав шаги, я тут же нырнула обратно в дверь, откуда только что вышла, и, ругая себя за трусость, остановилась возле стола. Через несколько минут дверь открылась, и передо мной появился тот же инквизитор, который привёз меня сюда. Человека, пришедшего с ним, я никак не ожидала здесь встретить, но тут же поняла, что рада видеть даже Аркадия Фогля.

— Добрый день, Вероника, — проговорил начальник Княжевича.

— Вы можете быть свободны, — сказал мне инквизитор.

— А как же... — растерянно пробормотала я.

— Я вас провожу, — произнёс инквизитор.

— Не стоит, я знаю дорогу, — отмахнулся от него Фогль, твёрдыми пальцами взял меня за локоть и повёл к двери.

На выходе из здания мне вернули все мои вещи, включая кольцо-амулет, которое я натянула на палец под хмурым взглядом охранников.

Уже в машине, сидя рядом с Аркадием Фоглем, я решила посмотреть на него и задать вопрос.

— Где Дарий?

— Дома.

— Его отпустили? — выпалила я, но не успела обрадоваться, потому что собеседник тут же покачал головой.

— Только до завтра.

— А что будет завтра?

— Я думаю, тебе лучше не знать о том, как работает современная Инквизиция, — сообщил он с усмешкой, и я попыталась вспомнить, переходили ли мы с ним на ты при прошлой встрече. Но сейчас всё это не имело значения. Я хотела только одного — выведать, что ждёт Дария.

— Но я должна знать!

— Ладно, если тебе так уж любопытно. Мне удалось уговорить их не применять чересчур строгих мер, но псионика... инквизиторы её по понятным причинам не любят. Поэтому убедить их было непросто. Сошлись на компромиссе.

— На каком? — выдохнула я, изо всех сил вцепившись пальцами в жёсткое сиденье

машины. Фогль рассказывал медленно, как будто специально заставлял меня мучиться. Я вспомнила о том, что нельзя позволять себе снова разозлиться, поэтому на всякий случай сняла с пальца кольцо и спрятала его в сумку.

— Запрет на занятие магией, отстранение от должности в Магическом Надзоре, лишение свободы, — перечислил Фогль.

— Навсегда?

— Что? — переспросил он. — Ах, нет, конечно. На полгода.

— Его на полгода посадят в тюрьму? — уточнила я.

— Инквизиторы называют это темницей. Звучит даже поэтично, не находишь? Им очень не нравится сравнение с обычными правоохранительными органами.

— Но ведь похожи, — заметила я и подумала, что Аркадий Фогль выглядит слишком спокойным для человека, работника которого на полгода отстранили от должности и собирались запереть за решёткой. Он вёл себя так, словно ничего не случилось. — Куда вы меня везёте?

— К Княжевичу. Он хотел тебя увидеть. Да и у меня к вам обоим есть разговор.

Я насторожилась. Его голос прозвучал так, как будто ничего хорошего этот разговор не предвещал. Но что может быть хуже того, что Дария на полгода посадят в инквизиторскую темницу, запретив ему и работать, и заниматься магией, и...

— В этой тюрьме... темнице... разрешены посещения? — поинтересовалась я, отвернувшись к окну и обнаружив, что машина уже выехала из пригорода.

— Нет, — ответил Фогль. — Но я смогу к нему приходить.

— И всё? Больше никто?

— Иногда разрешают встречи с родственниками, но, поскольку семьи у него нет, то этот вопрос даже не поднимался.

— Почему вы так спокойно об этом говорите?! — воскликнула я, отмечая где-то на периферии сознания, что родных у Княжевича нет. Значит, напрасно я пыталась найти в его квартире семейные фотографии. Интересно, давно ли он остался один?

— А что ты мне прикажешь делать, плакать? Девочка, поживи с моё, и ты будешь так же спокойно это воспринимать. Всё могло закончиться гораздо хуже, и лишь моё вмешательство помогло добиться того, чтобы этого не случилось.

— Хуже? — переспросила я внезапно охрипшим голосом и закашлялась.

— Иногда магов пытаются. Иногда казнят. Может быть, тебе пока сложно такое представить, но, раз уж хотела всё узнать, то слушай.

— Убивают?!

— Казнить человека можно разными способами, как ты, наверное, знаешь из курса истории. Лишённые магии теряют энергию, жизненные силы и смысл жизни. Нескольких магов и ведьм, с которыми это случилось, мне самолично пришлось доставать из петли. Но иногда кажется, что лучше бы я этого не делал, — добавил Фогль. — Когда человек теряет то, что делало его самим собой, он как бы перестаёт жить, просто существует... как тень. Поэтому можешь порадоваться тому, что дело обошлось лишь заключением, да и то не таким уж и долгим.

Должно быть, в его словах был свой резон. Вот только радоваться я не могла. Потому что Дарий совершенно ни в чём не был виноват. Ему пришлось отвечать за то, что было только моей виной. Но Фогль этого, скорее всего, не знал, как и инквизиторы. Им всем было проще поверить в то, что Княжевич загипнотизировал меня, заставил совершить этот

поступок, превратил в проводника своей воли и магии, чем в то, что я сама это сделала. А я лишь подыграла, подтвердив всё и тем самым дав своё согласие на то, чтобы его наказали за преступление, которого он не совершал.

Машина остановилась так резко, что я едва не ударилась о лобовое стекло и с опозданием вспомнила, что забыла пристегнуться.

— Идём, — сказал Фогль, и я, неловко выбравшись из машины, направилась к знакомому дому.

Когда мы поднялись на нужный этаж, Дарий уже стоял в дверях. Фогль почти втолкнул меня вперёд, и Княжевичу пришлось отодвинуться в сторону. Но я всё же слегка задела его плечом, и подумала о том, слышал ли он, как моё сердце пропустило удар, а затем забилось сильнее.

В молчании мы проследовали в гостиную, где на столике обнаружилась бутылка — кажется, на этот раз уже точно другая.

— Присоединяйтесь, — проговорил Дарий, усаживаясь на диван с бокалом в руке.

— Я вижу, ты уже начал, — заметил Фогль.

— Нужно же воспользоваться случаем, пока есть такая возможность, — пожав плечами, отозвался Княжевич, и его взгляд, показавшийся предупреждающим, скользнул по мне, когда я садилась в кресло напротив.

Глава 24

Вероника

Фогль занял второе кресло и придвинул к себе бутылку с пустым бокалом, предусмотрительно переданным ему Княжевичем. Я едва не напомнила Аркадию о том, что он за рулём, но промолчала. Едва ли тот стал бы меня слушать.

Они оба вели себя так невозмутимо, будто совершенно ничего не произошло, и Дария вовсе не должны были с завтрашнего утра запереть в инквизиторской темнице. Я даже не знала, как она выглядит. Должно быть, гораздо более мрачно, чем помещение, куда меня приводили. А самое ужасное — там запрещены посещения, и я не увижу Княжевича целых полгода. Ведь я ему не родственница и не начальник, как Фогль, которому разрешат приходить.

— А ты не хочешь? — спросил у меня Княжевич, кивнув на бутылку. Я покачала головой. — Тогда чай?

— Сама сделаю.

Я прошмыгнула на кухню и включила чайник. Ожидая, пока вода закипит, присела на табуретку у окна и постаралась дышать как можно глубже, чтобы не подпускать к глазам готовые вот-вот пролиться слёзы. Если уж сам Дарий вёл себя так спокойно и обыденно, то мне и вовсе ни к чему показывать отчаяние. Возможно, будь я в квартире наедине с Княжевичем, я бы не сдержалась, но здесь был ещё Фогль. Перед ним плакать не хотелось.

С каким-то странным чувством, будто речь шла вовсе не обо мне, я задалась вопросом, где буду ночевать. Вещи остались в общежитии, но возвращаться туда не хотелось. Там была Инна, да и ответов на вопросы, которые мне неизбежно начали бы задавать соседки, у меня не было. Остаться здесь? Дарий этого не предложил, к тому же, завтра утром он должен отправиться к инквизиторам.

Налив себе чай, я вспомнила, что с самого утра ничего не ела, а день уже успел незаметно подкатиться к вечеру. Сколько же часов я провела за тем деревянным столом, пока ждала вынесения решения Инквизиции? Я нерешительно покосилась на холодильник, но при мысли о еде к горлу подступила тошнота, так что решила ограничиться кружкой горячего крепкого чая.

— Вероника! Что ты тут одна в темноте сидишь? — с непривычно-ласковой интонацией проговорил Аркадий Фогль, заглядывая в кухню. — Возвращайся к нам, надо поговорить.

Я вспомнила о том, что он обещал какой-то серьёзный разговор, и, захватив кружку, последовала за ним. На самом деле, мне не хотелось никаких бесед. Всё, чего я желала, — это остаться наедине с Княжевичем, сесть с ним рядом, а не в другом конце гостиной, осторожно провести ладонью по его лицу, стирая следы дневной усталости и напряжения, обнять...

Но ничего из этого я не могла сделать, пока здесь находился Фогль. Даже если учесть тот факт, что когда-то Дарий представил ему меня как свою девушку, я не могла бы

позволить себе что-то подобное в его присутствии. Оставалось только снова сесть в кресло, обхватить приятно согревающую ладони кружку и сделать вид, будто мне очень интересно, о чём он собирается рассказать, хотя я и сомневалась, что это будет касаться меня.

Но, как выяснилось, этот разговор только меня и касался...

— Дарий, ты ведь помнишь, как я дал тебе задание присмотреть за одной юной ведьмочкой, которая тогда ещё училась в школе? Она, бедняжка, выросла среди обычных людей и почти ничего не знала о магическом мире. Не забыл ещё?

— К чему сейчас... — начал Княжевич, но Фогль перебил его, не дав договорить фразу.

— Это было не так уж давно. Ты написал отчёт, где было сказано, что всё выполнено по плану. Что ты не только приглядел за интересующей нас особой, но и пообщался с ней, так сказать, в приватной обстановке. Также там было указано, что маленькая ведьма вполне способна контролировать себя и не должна принести неприятностей.

Я растерянно перевела взгляд на застывшее, будто маска, лицо Дария.

— Именно твой отчёт во многом послужил причиной того, что эта ведьма получила через некоторое время приглашение на обучение в Университете Магии, — продолжал Фогль. — Кажется, и преподаватели оказались ею вполне довольны. Магические таланты ведьмы на первых курсах разглядеть, конечно, весьма сложно, но старательность и желание учиться — тоже неплохие качества для студентки. Вот только в будущем ты больше не должен был иметь с ней каких-либо дел и отношений. Я сам тебе это рекомендовал, но ты меня не послушался. Наверное, мне нужно было выбрать для этой цели специалиста... постарше.

Речь шла обо мне. Это было очевидно. Получалось, что тогда, когда Княжевич заменял школьного учителя, я была для него просто очередным рабочим заданием. Но почему именно я? Мало, что ли, других ведьм, воспитанных в обычных, не магических, семьях?

— Ты очень мило смущаешься, Вероника, — заметил Фогль. — Я уж думал, современные девушки разучились краснеть.

— Я не понимаю, с какой целью ты об этом говоришь, — сказал Дарий. — Я думаю, что Вероника сегодня и без того слишком устала и переволновалась.

— А я считаю, что ей уже пора узнать кое-что о своём прошлом, — возразил Аркадий, и его взгляд снова остановился на моём лице. — Знаешь, а твоя мать была очень красивой женщиной. Ты на неё похожа.

— Моя мать? — растерянно переспросила я.

— Твоя настоящая мать, — уточнил он. — Она была очень красивой женщиной и весьма способной ведьмой. Жаль, что...

— Постойте! — воскликнула я. — Вы сказали, что она была ведьмой. Была? — добавила я, чувствуя, как срывается голос.

— К сожалению, её уже нет в живых.

Поставив кружку на столик, я изо всех сил сжала руки, чтобы унять дрожь. Прежде я верила в то, что мои настоящие родители живы, и когда-нибудь у меня появится возможность встретиться с ними. Но со временем эта наивная надежда становилась всё бледнее и нереальнее, а вот теперь я точно знала, что ей не суждено сбыться.

— Откуда вы это знаете?

— Как тебе известно, Вероника, я работаю в Магическом Надзоре и занимаю там не последнее место. Мне по должности положено много знать, — ответил Фогль. — Особенно такую интересную историю.

— Что же в ней такого интересного? — поинтересовалась я почти с иронией. — То, что она оставила меня в детском доме? Вполне банальная история.

— Ты это помнишь? — спросил он.

— Конечно, нет! — пожал плечами, буркнула я. — Мне ведь было всего два с половиной года, когда меня удочерили. Что я могу помнить?

— И твои приёмные родители ничего тебе не рассказывали? — продолжал расспрашивать он.

— Родители? Они тоже ничего не знали... Или нет?

— Твоя мать родилась в другой стране, причём, в одной из весьма влиятельных там магических семей, но после смерти родителей её забрали родственники из этого города, — проигнорировав мой вопрос, проговорил Фогль. — Она получила отличное образование и подавала большие надежды. Могла выбрать почти любой путь в магическом мире. Но, как это часто случается с девушками, неудачно влюбилась, — с иронией добавил он. — Её избранником оказался не другой маг и даже не обычный человек.

— Тогда кто? — спросила я, начиная понимать, что речь шла о моём отце.

— Он был инквизитором, Вероника, — ответил он и, не обращая внимания на моё изумление, продолжил свой рассказ. — Видишь ли, если объяснять попросту, то инквизиторы обладают собственной силой. Своего рода антимагией. Мир ещё не знал случаев, когда ведьма влюблялась бы в инквизитора. Обычно инквизиторов и магов связывает обоюдная неприязнь, и, хотя нам с Дарием приходится работать с Инквизицией, мы её вполне разделяем, — с усмешкой заметил Фогль. — Поэтому случай был, что называется, беспрецедентный. Поначалу она даже не знала о роде его деятельности, а, когда узнала, не отступилась. Позже родственники отвернулись от твоей матери, но её это, казалось, совершенно не волновало. Вместе с любимым человеком она уехала и поселилась в уютном загородном доме. Несколько друзей остались верны ей, так что нельзя сказать, будто весь магический мир отвернулся от неё. Этот мужчина пообещал, что найдёт возможность уйти с инквизиторской службы и вернулся в город с этой целью, ещё не зная о том, что она ждала ребёнка.

— А что было дальше? — жадно спросила я.

— Она ждала его, не имея возможности с ним связаться. Он сам решил не рассказывать о ней другим инквизиторам. Ты не читала Метерлинка? «А если он возвратится, что должна ему я сказать? — Скажи, что я и до смерти его продолжала ждать». Вот так это, должно быть, и выглядело.

— Он вернулся?

— Увы, она не дождалась его, и тогда... Сложно представить себе, на что способна обиженная женщина, которой пришлось остаться одной, без поддержки близких людей, с ребёнком, который вот-вот должен родиться. А уж если эта женщина сильная ведьма... Она решила, что займётся запрещённой магией, и тогда Инквизиции придётся заинтересоваться ею. Она выбрала псионику, магию разума, и среди людей, которые знали её, учились с нею в университете, нашлись желающие поддержать идею. Некоторое время инквизиторы не были в курсе этого, но, когда узнали, объявили на неё охоту. Тогда она нашла способ отдать своего ребёнка в обычную семью и спрятать в лесу свой амулет.

— Где-то я это уже слышала... — пробормотала я и припомнила командировку Княжевича, в которую он взял меня с собой. Тот дом, что показался мне странно знакомым. Браслет с рубинами.

— Да, Вероника, ты угадала. Именно её амулет Дарий искал в той поездке. Теперь твоё любопытство удовлетворено? Кстати, от твоей матери остался не только амулет. Ещё её портреты, и один из них висит у тебя дома.

— Портреты? — переспросила я и вспомнила картину, перед которой заинтересованно остановился Княжевич в тот вечер, когда мы с ним уехали из города. — Значит, она всё же была знакома с семьёй, которая меня удочерила?

— Нет, ей помогли знакомые, нашли людей, желающих взять ребёнка. Простых людей, не имеющих ни малейшего отношения к магическому миру. А картина, скажем так, шла в комплекте с тобой.

Я потёрла лоб. Кусочки головоломки постепенно начали складываться, но общую картину пока было непросто разглядеть. Я разное представляла, когда гадала, кем могли оказаться мои настоящие родители, множество историй успела придумать, но такого никак не могла ожидать.

— Как она умерла? — спросила я.

— Я же тебе рассказывал, что, когда мага или ведьму казнят, лишают магии, то от них прежних почти ничего не остаётся, организм теряет энергию и становится неустойчивым перед любыми инфекциями. Так и случилось. Она просто не хотела больше жить.

— Даже ради меня?

Фогль промолчал.

— А... тот человек? Она встретила с ним ещё раз? — спросила я. — Он жив?

— Об этом история умалчивает.

— То есть, вам это неизвестно? — уточнила я.

— Увы, я даже не знаю его фамилии, — ответил он.

— Я видела её во сне, — задумчиво проговорила я, пытаюсь понять, что чувствую, услышав эту историю. — После того, как... как побывала в том доме, — добавила, решив, что Фоглю, пожалуй, лучше не знать о том, что я примеряла браслет. — Только лица так и не видела. Ни разу. Как её звали?

— Мелина.

— Но причём здесь я? Ведь я даже ничего не знала. Зачем нужно было... отправлять кого-то следить за мной? — спросила я, бросив взгляд на Дария, который за последние несколько минут не проронил ни слова.

— Я же сказал, что у инквизиторов есть своя особенная сила. Нам в МН было весьма любопытно узнать, какой результат могут дать магия и антимагия, соединённые в одном человеке, — произнёс Фогль. — В тебе, Вероника.

Глава 25

Вероника

Слова Фогля заставили меня поморщиться. Не слишком приятно оказалось узнать, что для специалистов Магического Надзора я — всего лишь экзотическая зверушка, феномен, за которым любопытно понаблюдать. Получается... и для Дария тоже? Я снова бросила на него взгляд, но Княжевич не смотрел в мою сторону. Задумчиво уставившись куда-то в стену, он, казалось, полностью погрузился в свои мысли, и кто знает, находилось ли в них хотя бы крохотное место для меня...

— Вы сказали, что у неё в этом городе были родственники, — сказала я Фоглю, и тот кивнул. — Они знают обо мне? Или... они её так и не простили?

— Видишь ли, Вероника, родных твоей матери расстроил не только тот факт, что её избранником стал инквизитор. Следуя распространённому в магическом мире обычаю, родственники задолго до того, как ей исполнился двадцать один год, успели устроить её помолвку с другим мужчиной — весьма сильным магом. Объединение семей обещало принести взаимную выгоду. Но, влюбившись в инквизитора, Мелина бросила своего жениха, которому, по слухам, она была небезразлична. Помолвку разорвали, он женился на другой женщине, хотя, насколько я знаю, этот брак не стал успешным. Разумеется, неожиданным поступком твоей матери огорчены были обе семьи, и, не желая ссориться с её теперь уже бывшим женихом, родственники попросту отреклись от неё. Никто из них даже не навещал её, пока она ждала казни в темнице Инквизиции. Что же касается твоего вопроса, то я не могу сказать, знают ли они хоть что-нибудь о тебе. Может быть, если провели собственное расследование, поспрашивали...

— А инквизиторы? — спросила я. — Они-то обо мне знают? Им известно, чья я дочь?

— По моим данным, нет, — ответил собеседник, и на его лбу пролегла хмурая складка. — Если бы знали, то проявили бы к тебе интерес уже давно. Конечно, инквизиторских приютов сейчас нет, но и детей, подобных тебе, насколько я знаю, пока не рождалось. Обычно ведьмы и маги выбирают себе в пару тех, кто наделён такими же способностями. Часто выбор делают за них, организуя помолвки ещё в детстве. Нередко в таких браках муж старше жены. Эти союзы означают, что дети, рождённые в них, унаследуют силы своих родителей. Временами, конечно, дети с магическими способностями рождаются и в самых обычных семьях, но чаще всего это происходит, если среди предков всё же затесались ведьмы и маги, которые создали семью с кем-то, у кого такие способности отсутствовали, и их сила проявилась у детей через несколько поколений. Впрочем, я никогда особо не интересовался генетикой, — пожалав плечами, добавил Фогль.

— А больше у меня нигде нет родных? — поинтересовалась я.

— Почему же? Твоя мать родилась в другой стране, где-то в Европе, и вполне вероятно, что кто-нибудь из дальних родственников у неё там остался. Разумеется, они тоже маги и ведьмы, — ответил на мой вопрос Фогль и тут же, меняя тему, обратился к Дарию. — Я думаю, тебе стоит вызвать Веронике такси. Нам с тобой ещё о многом нужно поговорить до

завтрашнего утра.

— Такси? — переспросила я. — Но куда я поеду? Я не хочу возвращаться в общежитие!

— Вернёшься в квартиру, — ответил Княжевич. — Твои приёмные родители ведь завтра должны приехать, да?

Я кивнула, не сразу осознав, о чём он меня спрашивает.

— Но там же охранный заклинание, — напомнила я.

— На тебя оно не подействует, — отозвался Дарий и потянулся за телефоном, чтобы позвонить в службу такси.

Он снова не предложил мне остаться до утра, и это, казалось, поставило окончательную точку. Может быть, не хотел, чтобы я подслушивала их с Фоглем разговор? Я и не собиралась этого делать. Или Княжевич понял, что было ошибкой с его стороны послушаться начальства и продолжать общаться со мной, учитывая, что я уже не была его рабочим заданием? Но почему же тогда он пожертвовал столь многим, объявив инквизиторам, что в случившемся в Университете Магии не было моей вины? Несмотря на то, что мы провели вместе несколько дней и ночей, Дарий продолжал оставаться для меня почти таким же загадочным и непостижимым, как и прежде. Я до сих пор ничего не знала о его семье, кроме того факта, что в настоящее время родственников у Княжевича не было.

— Скоро приедут, — сообщил Дарий, отложив телефон.

— Не мешало бы покурить, — произнёс Фогль и, тяжело поднявшись с места, вышел из комнаты.

Осознав, что мы с Княжевичем впервые за весь вечер остались наедине, я придвинулась к самому краю кресла и неловко обхватила руками колени. Мысли путались. События в моей жизни завертились слишком быстро, и неизвестно было, что нужно сделать, чтобы хотя бы немного их замедлить. Как будто отправилась в плавание без руля и ветрил. В шторм.

— Вероника, я понимаю, что тебе непросто узнать о том, какая у тебя семейная история, — нарушив воцарившееся в комнате молчание, проговорил Дарий. — Но когда-нибудь ты поймёшь, что это — ещё не самый худший вариант. Уж поверь мне.

Я подняла на него глаза.

— Получается, что где-то у меня есть отец и родственники, — ответила я, пытаюсь представить себе этих людей, но не получалось.

— Да, если он жив. Но, видишь ли, твоя мать скрывала его. Даже те, кто провёл с ней последние годы её жизни, не знали его настоящего имени.

— А эта... антимагия, — вспомнила я. — Как она может проявиться?

— Инквизиторам она помогает при необходимости держать контроль над теми, у кого есть магические способности, и противостоять им. На то они и инквизиторы. Что же касается того, как антимагия может обнаружить себя в твоём случае, я пока даже не представляю. Может быть, этого никогда не случится. Но твои магические способности, унаследованные от матери, на редкость сильные, из этого можно сделать вывод, что антимагии твоего отца не удалось их перебить.

Я встала с кресла и, не находя себе места, несколько раз прошлась вдоль комнаты, пока не наткнулась на Дария, который тоже поднялся со своего дивана. Он оказался близко... слишком близко. Я несмело провела ладонью по его щеке — так, как мечтала некоторое время назад. Но тут же убрала руку и немного отодвинулась, отступив. Нужно было рассказать Княжевичу подробности о том, что произошло в университете, но у нас почти не осталось на это времени, — вот-вот мог вернуться Фогль, да и такси должно было подъехать

с минуты на минуту.

— Ты справишься, Вероника, — произнёс Дарий. — Я верю в тебя. Ты справишься.

В ответ на это я лишь опустила глаза. Увы, я в себя так не верила. Мне по-прежнему было страшно, холодно, одиноко, не хотелось думать о том, что целых полгода его не увижу.

Что страшнее — Инквизиция или Карл Розенберг? Может быть, мне было бы безопаснее в темнице, чем на свободе? Но, если верить Фоглю, инквизиторы ни в коем случае не должны узнать о том, кто мои настоящие родители, потому что это может чем-то мне угрожать. Как будто мало мне угроз с другой стороны! Впрочем, о них начальник Княжевича не знал.

Фогль заглянул в комнату.

— Вероника, там за тобой приехала машина, — произнёс он. — Я тебя провожу.

Я кивнула и вышла вслед за ним. Дарий больше ничего не сказал и не выразил желание проводить меня. Когда за мной закрылась дверь квартиры, я подумала, что сегодня, должно быть, уйду отсюда в последний раз.

Открыв дверцу машины, Фогль, о чём-то вспомнив, порылся в кармане пиджака и протянул мне свою визитную карточку. Я поблагодарила его и спрятала картонный прямоугольник в сумку. Затем задала ему ещё один вопрос.

— Для чего вам нужен был амулет моей матери? — спросила я.

— Позволь мне оставить это в секрете, — ответил он и, заторопившись, направился обратно к подъезду.

Я почти не замечала дорогу, не обращала внимания на звучащую в машину негромкую музыку и не слышала слов пытавшегося заговорить со мной водителя. Обнаружив, что такси уже недалеко от нужного мне дома, попросила остановиться. Сказала, что хочу пройтись пешком.

Летний вечер, несмотря на то, что уже темнело, был вполне тёплым, но я продолжала мёрзнуть, как будто в моём собственном мире успело закончиться лето, промелькнула осень, а затем наступила зима. Сейчас, когда меня никто не видел, ни сил, ни нужды в том, чтобы пытаться сдержать себя, уже не было, и по щекам потекли горячие ручейки слёз. Но легче от этого ничуть не становилось.

Медленно дойдя до дома, я нашарила в сумке ключи и открыла сначала подъезд, а затем и квартиру. Мелькнула мысль, что завтра в университете занятия, и, если Инквизиция сняла с меня обвинение, то исключения, наверное, получится избежать. Но как я могла туда вернуться? Знал ли Розенберг о том, что я слышала его голос в тот вечер? А, если нет, то кто прислал мне письмо с предупреждением? Кто устраивал магические ловушки? Кто пытался меня убить?

Я вошла, захлопнула за собой входную дверь и на пути в свою комнату поняла, что нахожусь в квартире не одна. Неслышно было ни шорохов, ни шагов, но ощущение чужого присутствия казалось явственным и неотвязным. Осмотревшись, я обнаружила включенную настольную лампу.

Глава 26

Вероника

В голове лихорадочно проносились мысли, и ни одна из них не казалась достаточно здоровой. Я с опозданием вспомнила, что на мне нет кольца-амулета, оно осталось в небрежно брошенной возле двери сумке. Возвращаться за ней было страшно — несколько метров до двери представлялись бесконечным расстоянием. А как же охранное заклинание? Почему оно не подействовало? Из коридора донеслись негромкие шаги, которые с каждой секундой приближались. Развернувшись, я увидела входящего в комнату человека.

— Что вы здесь делаете?

Мартин Шталь обвёл взглядом комнату, после чего сосредоточил всё своё внимание на моей скромной персоне. Пока я гадала, каким образом он смог оказаться в квартире, неожиданный гость начал приближаться. На его губах промелькнула довольная улыбка.

— Думаю, мы можем перейти на ты, — произнёс он. — Ведь ты — подруга моей невесты. Инна собирается пригласить тебя на свадьбу.

— Думаю, сейчас не самое подходящее время, чтобы это обсуждать, — пробормотала я.

— Почему же? Тебя сложно поймать в одиночестве, — заметил Мартин. — Но сейчас самое время для приватного разговора.

— А разве у нас есть для него темы? — осведомилась я.

— Давай начистоту, Вероника, — в несколько шагов сокращая расстояние между нами, проговорил Шталь. Теперь он оказался совсем рядом. Его рука потянулась к моей шее, длинные пальцы дёрнули за цепочку, вытаскивая скрывающийся под одеждой ключ. — Мне нужна эта вещь. Тебе — безопасность. Я предлагаю обмен. Что скажешь?

Я закусила губу. Вспомнилось знакомство с Мартином на празднике. Шумная толпа, счастливая улыбка Инны, шампанское. Помнится, тогда Шталь точно так же заинтересовался висящим на моей шее ключом, который я нашла в том загородном доме. В доме, в котором, если верить Фоглю, прошло моё раннее детство. В доме, где жила моя мать. Возможно, именно по этой причине он мне показался знакомым и почти родным, даже уезжать не хотелось.

— Подумаю, — буркнула я и попыталась отодвинуться, но Мартин ухватился за ключ так крепко, что цепочка, едва не оборвавшись, врезалась мне в шею.

— Ты ведь всё равно не знаешь, что это такое, — задумчиво произнёс маг, и в его глазах появилось странное выражение — одновременно алчное и мечтательное. — Для тебя ключ — всего лишь красивая побрякушка. Стоит ли так за него держаться?

— Откуда ты знаешь о том, что мне нужна безопасность? — выдохнула я, наблюдая за тем, как Мартин осторожно, будто лаская, поглаживает украшавший ключ камень.

— А разве нет? — отозвался он. — Твой защитник Дарий Княжевич больше не сможет о тебе заботиться. Ему будет крайне сложно это делать, находясь в инквизиторской темнице, — с усмешкой добавил мужчина. — В магическом мире слухи расходятся быстро, и я знаю, что выйдет он оттуда не так уж скоро. Твоя семья — не маги. Тебя больше некому

охранять, Вероника.

— Охранять от кого?

— Разумеется, от моего будущего тестя. От Карла Розенберга. Нового декана Университета Магии.

От его слов у меня потемнело в глазах. Если Шталь знал о том, что я боялась Розенберга, значит, ему известно и о случившемся в университете. Он знал, что я стала свидетельницей убийства!

Очевидно, мой ужас настолько сильно отразился в глазах, что Мартин прочитал это и, наклонившись ещё ниже, удовлетворённо улыбнулся.

— Только я смогу помочь тебе, Вероника. Ты сможешь вернуться в университет, станешь учиться дальше и выберешь специализацию. Тебе больше нечего будет бояться.

Мужчина говорил о том, о чём я и сама не раз за последние дни задумывалась. Мне ведь было всего девятнадцать! Хотелось посещать университет, ходить с подружками в кафе, гулять по городу без навязчивого желания постоянно оглядываться, чтобы проверить, не стоит ли кто-нибудь за спиной. Но смогла бы я после всего случившегося снова стать прежней? Теперь, когда известно, что отец соседки по комнате — убийца, мой отец — инквизитор, а я сама побывала между жизнью и смертью, испытала любовь и тут же потеряла её?

— Подумай, Вероника, тебе ведь только это и нужно. Я стану твоим другом. Я хочу быть твоим другом, — сказал Шталь, приподнимая мой подбородок, чтобы я могла посмотреть ему в глаза.

Его голос звучал мягко, вкрадчиво, даже ласково. Казалось, будто я заглядываю в глубокий омут и с каждой секундой наклоняюсь к тёмной воде всё ниже. Завораживающий взгляд, пленяющий голос, прохладные пальцы, которые касались моих волос, плеч, легко скользнули по шее, чтобы отыскать застёжку цепочки. От его прикосновений по коже пробежали мурашки, губы приоткрылись, словно ожидая поцелуя, тело становилось чувствительным, лёгким, безвольным. Повезло же Инне...

Что?! О чём я, чёрт возьми, думаю? Что я делаю?

Опомнившись, я вырвалась из его рук, успела отскочить в сторону, сжала в ладони ключ. Сердце неистово билось, дыхание срывалось, руки дрожали. Не ожидавший этого Мартин нахмурился.

— Ты пытался меня загипнотизировать! — выпалила я.

— А ты не так проста, как кажется, — раздражённо ответил Шталь, делая ещё один шаг ко мне.

— Не приближайся!

— Что ты собираешься делать? Кричать? Звать на помощь? — хмыкнул мужчина. — Напрасно ты сопротивляешься и отказываешься от моего предложения, Вероника. Было бы жаль убивать такую красивую девушку и способную ведьму...

Мне всё ещё хотелось верить в то, что он говорит несерьёзно, но, увы, интуиция буквально кричала, что за словами мага кроется малопривлекательная правда. Ради собственных целей он не остановился бы ни перед чем. А сейчас его целью был ключ, который я продолжала крепко сжимать в руке.

— А разве ты уже не пытался меня убить? — стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила я. — Тогда, на празднике... Во время фейерверка.

— Надо же, ты меня поймала, — отозвался Шталь, пожимая плечами. — Нет, я не

собирался тебя убивать, Вероника. Хотел всего лишь напугать, а затем вовремя мужественно прийти на помощь потерявшей сознание девушке.

— И в процессе этой помощи незаметно расстегнуть цепочку? — поинтересовалась я.

— Разумеется, — согласился Мартин, снова подбираясь ко мне. Его движения были настолько изящными, что я даже залюбовалась. Пока не вспомнила о недавних угрозах в мой адрес. — Но твой покровитель успел появиться раньше. Надо было лучше его отвлечь. А сейчас он выведен из игры. Заметь, даже не по моей вине.

Эти слова прозвучали, как внезапный острый укол прямо в сердце. Шталь снова наполнил мне о том, что с завтрашнего дня Дарий должен оказаться в темнице под бдительным присмотром инквизиторов. Ему предстояло целых полгода провести взаперти, и всё из-за меня.

— Знаешь, завтра утром тебя могут найти на асфальте под окном, — произнёс Мартин. — Юная ведьма не выдержала случившегося с её возлюбленным и покончила с собой. Какая трагедия! Впору заплакать. У меня и записочка есть.

Ловким жестом фокусника маг вытащил из кармана листок бумаги и помахал им прямо перед моим носом. Задыхнувшись от возмущения, я узнала, что это. На листочке был черновик рассказа, который я пыталась написать ещё в школе в один из дней, когда одноклассникам удалось в очередной раз испортить мне настроение. Рассказ должен был повествовать о попытке самоубийства девушки и начинался с её предсмертной записки. Позже я забросила эту идею и не стала дописывать рассказ, а черновик остался и завалялся в одном из ящиков письменного стола.

— Ты рылся в моих вещах! — выпалила я, с бессильной яростью наблюдая за тем, как Мартин с издевательской улыбкой сложил листок и спрятал его обратно в карман. — Ты был в моей комнате! Ты всё это запланировал!

— Какой темперамент! — со смехом протянул он. — А у Дария есть вкус. Сумел же разглядеть такую ведмочку...

Когда его рука почти коснулась моей щеки, я попятилась назад и упёрлась в подоконник. Дальше отступать было некуда. Шталь бросил взгляд на окно.

— А ведь неплохая идея с самоубийством, — произнёс он. — Никто ни о чём не догадается. Хотя, Розенберг, если бы узнал о том, что ты слышала его разговор с деканом в университете, пожалуй, мог бы придумать и другие способы.

— Так он ещё не знает? — вслушавшись в его слова, уточнила я. — Только тебе об этом известно? Так это ты прислал мне то письмо?

— Какое ещё письмо? — недоумевающе спросил Мартин, и я нахмурилась, начиная понимать, что этот маг — не единственный, кто видел меня в тот вечер в коридоре университета.

Я кратко изложила информацию об анонимном письме и обстоятельствах его получения. Разумеется, Мартин не стал мне ничего сообщать, но я смогла сделать вывод, что он в тот вечер был в университете вместе с Карлом Розенбергом и, пока тот беседовал с деканом, умудрился обнаружить меня, вот только пока почему-то не стал рассказывать об этом будущему тестю. Но письма Шталь не отправлял, и это означало, что его автором был кто-то ещё, кто также находился в университете и стал свидетелем убийства одновременно со мной.

Одно стремительное движение, и пальцы мага оказались на моей шее.

— Кому, кроме Княжевича, ты об этом рассказывала?

— Никому, — пробормотала я.

— Почему он не сообщил в МН?

— Я-то откуда знаю?

— Смотри — если узнаю, что ты со мной играешь, мало не покажется! — почти прорычал он, отпуская меня и наконец-то отходя в сторону.

Я выдохнула и потёрла шею — казалось, на коже остались холодные отпечатки его пальцев. Неожиданно я подумала о том, что всего лишь вчера Инна познакомила меня с Марином. Но казалось, будто прошла уже целая вечность — так много всего случилось за этот день.

Громкий звонок разорвал наступившую тишину, и Шталь, вытащив из кармана мобильный телефон, вышел из комнаты. Я не могла расслышать его слов, но, судя по интонации, тема разговора оказалась не слишком приятной. Набравшись храбрости, я вышла из комнаты и обнаружила Мартина возле входной двери.

— Тебе повезло, мне срочно нужно уходить, — сообщил он.

— Как тебе удалось обойти охранное заклинание? — поинтересовалась я.

— А, ты об этом. Оно не действовало на тебя. Сегодня я навесил Инну в общежитии и позаимствовал там парочку твоих волосков.

Я вспомнила, что утром, забежав в общежитие оставить вещи, торопливо расчесалась и бросила на кровать расчёску перед тем, как отправиться в университет.

— До встречи, Вероника, — проговорил Мартин, выходя из квартиры. — И запомни — без фокусов!

Глава 27

Вероника

Меня разбудили горячие солнечные лучи, которые свободно проникали в комнату сквозь незашторенное окно. Я заворочалась под тонким одеялом, прикрывая лицо, и не сразу вспомнила, почему сплю на своей старой кровати в комнате, где провела большую часть жизни. Окончательно потеряв надежду снова заснуть, я открыла глаза, села, спустила босые ноги на прохладный пол, и воспоминания о недавних событиях тут же нахлынули на меня, словно отвернули кран.

Я подумала, что Дарий уже, должно быть, оказался в темнице, Фогль на работе, мои однокурсники — в университете, а о том, где в настоящее время находились Мартин Шталь и Карл Розенберг, мне гадать совершенно не хотелось. Моя кожа всё ещё помнила прикосновения холодных пальцев жениха Инны, а в ушах звучал его насмешливый голос. Я не сомневалась, что он вернётся. Похоже, все вокруг меня преследовали собственные цели, о которых я и понятия не имела. Вот поэтому Княжевич и не рассказал своему начальнику о том, что я слышала в университете, а Мартин скрыл от своего будущего тестя тот факт, что он меня там видел.

Я снова оказалась в престранном положении. С одной стороны, обвинения Инквизиции были полностью сняты с меня с помощью Дария, следовательно, я вполне могла бы вернуться в Университет Магии, где как раз начались занятия, которые мне пропускать совершенно не хотелось. Но, с другой стороны, в университете я постоянно рисковала встретить Карла Розенберга, и неизвестно, какую реакцию на него могла бы выдать при следующей встрече. Кроме того, у меня не имелось никакой гарантии, что Шталь не передумал и не рассказал новому декану о том, что не только он, но и я в курсе того, что именно случилось с тем, кто до недавнего времени занимал эту должность.

Но не только Мартин Шталь и я знали об этом. Был кто-то ещё — человек, который прислал мне письмо с предупреждением. Тот, кто хотел меня напугать, и ему это, несомненно, удалось.

Несмотря на то, что в находящейся на солнечной стороне комнате было жарко, а я всё ещё продолжала кутаться в одеяло, по коже проскользнул холодный ветер. Я поёжилась, встала и, завернувшись в одеяло, пошла на кухню, чтобы включить чайник. Проходя мимо портрета, возле которого заинтересованно остановился Дарий Княжевич в тот вечер, когда был в этой квартире, я, будто впервые видела, начала вглядываться в картину.

Теперь, после рассказа Аркадия Фогля, я знала, что молодая женщина, изображённая на этой картине, была ведьмой. И моей матерью. Той, которую я не помнила, хотя и видела её во сне.

— Мама, — негромко произнесла я. — Почему ты это сделала, мама? Для чего тебе была нужна эта запрещённая магия? Разве мы не могли просто жить вдвоём? Даже если бы он к нам так и не вернулся...

На глаза навернулись слёзы. Будто устыдившись невидимого зрителя, я вошла в кухню,

громко хлопнув дверью. Могла ли я хотя бы попытаться понять девушку, которая полюбила человека из враждебного магическому миру лагеря вместо того, чтобы выйти замуж за выбранного для неё мужчину? Совсем недавно я бы не нашла в своём сердце и крупницы понимания подобного поступка. Но сейчас, на своём опыте ощутив то, что чувствуешь, когда влюбляешься против собственной воли, я понимала её любовь и желание во что бы то ни стало быть с избранником.

Чего я не могла понять, так это занятий псионикой с целью привлечь внимание инквизиторов. Ведь это ей всё равно не помогло. Фогль даже не смог назвать мне имени моего отца — никто его не знал. Если этот человек не умер, то, возможно, всё ещё служил в Инквизиции. Может быть, он даже находился вчера в здании, когда там была я.

Чуть позже, выпив чай, я сидела на табуретке и, покручивая на пальце кольцо-амулет, которое перед сном вытащила из сумки и надела, думала о том, что мне делать дальше. Но в голову совершенно ничего не приходило. Меня охватило странное состояние — тоска, полная апатия, желание закрыть глаза и провалиться в глубокий сон без сновидений. Рука сама собой скользнула к висящему на шее ключу, который я не сняла даже на ночь. Что же в нём такого, если Мартин Шталь готов был даже пойти на убийство, чтобы заполучить этот ключ?

Я задумалась над вопросом, известно ли что-нибудь Инне. Ещё совсем недавно мне казалось, что я хорошо знала подругу и соседку по комнате, успев досконально её изучить. Но сейчас я вспоминала стройную фигуру Инны, её лукавую улыбку, внимательный взгляд и видела перед собой незнакомку. Знала ли Инна Розенберг о том, каким образом её отец получил новую должность в Университете Магии? Для чего она приглашала меня к себе в загородный дом?

Снова и снова одно и то же — множество вопросов и ни одного ответа. Всё, что у меня было, будто растаяло под лучами утреннего солнца, рассыпалось песочным замком у берега синего моря, развеялось по ветру — не догнать! Ещё вчерашней ночью я была в объятиях желанного мужчины и пыталась подобрать слова для своих чувств, хотя и знала, что не смогу произнести их вслух, а сегодня за ним закрылась железная дверь инквизиторской темницы, а меня почти ничего не отделяло от гибели. Как там сказал Мартин про прыжок из окна? Вот и записка предсмертная есть, и никто ни о чём не догадается, а, если и сообразят, то власти Розенберга вполне хватит, чтобы заткнуть им рот.

Я придвинулась к окну и посмотрела вниз, когда раздался звонок моего телефона, оставшегося в сумке. Неожиданный и громкий. Я подумала, что это, должно быть, кто-то из моих однокурсниц решил поинтересоваться, почему меня нет в университете, но, когда добралась до телефона, обнаружила там звонок с неизвестного номера.

— Вероника, ты дома? — услышала я в мобильном голос Аркадия Фогля, когда всё же решила ответить. — Как ты вчера добралась? Всё в порядке?

— Всё нормально, — ответила я, с усмешкой вспоминая вчерашний визит Мартина. Мне повезло, что ему кто-то позвонил. Иначе неизвестно было, до чего мог дойти разозлённый маг.

— Дарий очень просил меня позаботиться о тебе, и, немного подумав, я решил рискнуть и позвонить родственникам твоей матери, — сообщил Фогль.

— Тем самым, что от неё отказались? — спросила я, затаив дыхание. Я пока даже не пыталась представить себе, какими могут оказаться эти родственники-маги. Но, если они когда-то отвергли мою мать, то можно ли было ожидать, что они захотят признать меня и

принять в семью? Это представлялось весьма сомнительным. Ведь они, скорее всего, даже не желали обо мне знать.

— Именно им, — подтвердил собеседник. — Сообщил, что ты оказалась в затруднительном положении.

— В каком?

— Ну как же? Весь Университет Магии уже знает о том, что ты стала жертвой мага, который использовал тебя для мести Карлу Розенбергу, — произнёс Фогль. В его голосе прозвучал плохо скрываемый сарказм, и я поняла, что он, должно быть, в курсе того, что случилось на самом деле. Но, если так, почему он не попытался отговорить Княжевича от того, что тот решил взять вину на себя?

— Чёрт! — не сдержавшись, выпалила я. Но любопытство оказалось сильнее возмущения. — Что они на это ответили?

— Они сказали, что рады будут помочь.

— Сомневаюсь, — фыркнула я.

— Нельзя так плохо думать о людях, Вероника, — пожурил меня Фогль. — Будь дома, сегодня они пришлют за тобой машину. Кстати, их фамилия Воронич.

— Воронич, Воронич... — рассеянно повторила я, вспоминая. — У меня есть однокурсница с такой фамилией. Регина Воронич!

— Так и есть, эта девушка из той семьи. Как я понимаю, она приходится тебе троюродной сестрой, — ответил Фогль и засмеялся. — Мир тесен, Вероника.

— А магический мир — особенно, — повторила я услышанную где-то фразу, пытаюсь привыкнуть к новости, что однокурсница, с которой мы не так давно провели почти целый вечер в кафе, оказалась моей родственницей.

— Мне нужно работать, — заторопился он. — До свидания, Вероника! Звони, если что.

— Дарий... — выдохнула я. — Как он там? Он... ничего не просил мне передать?

— Ну, если бы он попросил поцеловать тебя за него, я бы, пожалуй, не отказался, — хохотнул в ответ Фогль. — Но, увы, ничего подобного он не просил. А ты сама не хочешь ничего ему передать?

Я замялась, не решаясь сообщить Дарию через Фогля новость о том, что ко мне приходил Мартин Шталь.

— Передайте, что я буду скучать... Что уже скучаю, — добавила я. Щёки потеплели от прилившей к ним краски — смущаться и краснеть я так и не научилась.

— Обязательно, — отключаясь от разговора, отозвался собеседник.

Я сидела на полу в коридоре, всё ещё сжимая в руке телефон. Пыталась осмыслить ожидающее меня событие — знакомство с родственниками. Я никого из них не знала, если не считать Регину. Можно сказать, что я даже не представляла себе жизнь настоящей магической семьи. Такой семьи, где амулеты получают уже в детстве, и взрослые учат детей управлять своими способностями, чтобы сдерживать их и не выпустить на свободу раньше времени. Я считала, будто научилась этому самостоятельно, но после того, что произошло в университете, от моей уверенности и следа не осталось. Выходило, что специалисты Магического Надзора вовсе не напрасно во мне сомневались.

Поднявшись с пола, я решила, чтобы отвлечься от своих мыслей и приготовить квартиру к приезду приёмных родителей, немного здесь прибраться. С внезапным испугом я забеспокоилась, не грозит ли им опасность из-за меня. Что, если Мартин Шталь снова сюда явится? Мне оставалось надеяться только на то, что он узнаёт, что я нашла своих новых

родственников, а также — что эти самые родственники достаточно сильны и влиятельны. Говорили, будто в магическом мире слухи разносятся быстро, да и у меня самой уже были причины в этом убедиться.

Уборка заняла больше времени, чем обычно. Я периодически отвлекалась и проверяла, хорошо ли заперта дверь, хотя и понимала, что магов это едва ли может удержать. Протирая пыль и вытряхивая коврики, думала о том, что сегодня — всего лишь первый день заключения Дария, а впереди ещё множество дней, и всё это по моей вине. А что, если он возненавидит меня, находясь в темнице? Или тысячу раз пожалеет о своём поступке, или попросту забудет меня...

Когда раздался звонок в дверь, я едва не уронила тяжёлую стеклянную статуэтку, которую сняла с полки, чтобы вытереть пыль. С замирающим сердцем я подошла к входной двери и заглянула в глазок. Увидев тёмный силуэт, спросила, кто там.

Глава 28

Регина

Как и многие другие девушки в магическом сообществе, Регина Воронич была с детства помолвлена. Её жениха звали Артур, этот серьёзный темноглазый парень с прямым и справедливым характером был всего на год старше её. Они познакомились давно и питали друг к другу далеко не дружеские чувства. Можно было считать, что им повезло, ведь они видели в этом ожидаемом браке не столько объединение семей, сколько долгожданную возможность не разлучаться. Пока же шанс побыть вдвоём им выпадал не слишком часто, поскольку и его, и её родители придавали огромное значение успехам детей в учёбе в Университете Магии.

На этот раз для них случился именно такой день. Регине позволили пропустить занятия в университете, Артур же решил свои лекции попросту прогулять. Улучив момент, Регина приехала к нему домой, и, стоило ей переступить порог квартиры его родителей, Артур тут же набросился на неё с нетерпеливыми поцелуями, увлекая в свою комнату.

Прижавшись друг к другу, они увлечённо целовались, радуясь тем минутам, которые могли уделить тому, чтобы просто быть вместе. Регина позволила молодому человеку стянуть с неё платье. Их тела стали ближе, поцелуи горячее, а прикосновения откровеннее. Услышав мелодию своего мобильного телефона, Регина не сразу нашла в себе силы прервать мгновения близости и ответить на звонок. Но, поскольку звонили, скорее всего, родственники, она со вздохом сожаления вывернулась из тёплых рук Артура и потянулась за сумкой, в которой трезвонил мобильник.

Звонил её дедушка, желающий напомнить внучке о том, по каким важным семейным обстоятельствам она сегодня отсутствовала в университете. Выслушав его, Регина пообещала, что ни в коем случае не забудет и не опоздает, после чего повернулась к Артуру. Парень выглядел разочарованным.

— Сегодня должен приехать мой европейский родственник, — сообщила Регина, чтобы объяснить жениху, с какой целью ей звонил дедушка. — Довольно дальний, насколько я знаю. Его зовут Тео.

— А полное имя? — поинтересовался Артур. — Теодор? Теофилиус?

— Может, Теобальд? — начав одеваться, предположила девушка и расхохоталась. — Понятия не имею. Я с ним пока ещё ни разу не встречалась.

— Смотри у меня, если этот ваш Теозавр окажется симпатичным, и ты будешь уделять ему много внимания, я начну ревновать! — посерьёзнев, заявил Артур.

— Хочешь поехать со мной? — со смехом предложила Регина.

— Я бы с удовольствием, но боюсь, что твой дедушка и родители этого не одобряют, — заметил он.

— Дедушка как-то странно себя ведёт. Может, конечно, это приезд родственника на него так повлиял. Но мне кажется, тут есть что-то ещё.

— На мой взгляд, твой дедушка никогда не теряет самообладания, — заметил Артур. —

Он всегда такой суровый и сдержанный. Если честно, я его даже немного побаиваюсь.

Регина кивнула. Артур был прав. Александр Владимирович Воронич являлся на редкость строгим человеком и только с ней, любимой и единственной внучкой, старался быть добрым и мягким. Однако и сама Регина понимала, что в случае, если её поведение нарушит какие-либо из установленных дедом правил, наказание будет взыскательным, и отвертеться от него не получится. Поэтому, даже сейчас, услышав в телефоне дедушкин голос, она внутренне подобралась и решила выехать в аэропорт пораньше, чтобы родственнику не пришлось её ждать, если вдруг случится застрять где-нибудь в пробке и прибыть с опозданием.

— Ты знаешь о вчерашнем событии в университете? — поинтересовался Артур. — Кажется, в том, что произошло, замешана твоя однокурсница. Или это только сплетни?

— Вчера была такая суматоха, что никто ничего толком не понял, — отозвалась Регина, вспоминая вчерашний день и то, как все перепугались. Она сама едва избежала пореза от разлетевшихся на осколки оконных стёкол. — Я помню, как преподавательница увела Веронику из аудитории, а, что с ней было дальше, понятия не имею.

Произнося эти слова, Регина ощутила угрызения совести. Вероника Солнцева ей нравилась, и не хотелось бы, чтобы та окончательно погубила собственное будущее из-за одной ошибки. Решив, что после того, как встретит европейского родственника и передаст его с рук на руки семейству, она обязательно позвонит Веронике и узнает, как у неё обстоят дела, Регина успокоилась.

— Ты рассказывала об этом дома? — спросил Артур, снова привлекая её к себе. Регина положила голову на его плечо и в очередной раз подумала о том, как ей повезло. Страшно даже представить себе, что было бы, если б в женихи ей выбрали не этого доброго, симпатичного и уже такого родного молодого человека, а кого-нибудь другого.

— Кажется, да, — ответила она. — Вчера, когда пришла домой из университета. Похоже, в его истории ещё не было такого первого дня занятий! Наш курс им надолго запомнится. Да и ремонт займёт некоторое время, не всё же можно сделать с помощью магии.

— Пожалуй, что так, — отозвался Артур и ненадолго задумался, поглаживая её по густым тёмным волосам. — Должно быть, эта твоя однокурсница — потенциально сильная ведьма. Я бы не отказался с ней познакомиться.

— Эй, а теперь я скоро начну ревновать! — шутливо толкая его в бок, заявила Регина и бросила взгляд на часы. — Вот чёрт! Мне пора идти.

— Я бы с удовольствием поехал с тобой, но боюсь, что в этом случае мне не удастся скрыть от родителей моё отсутствие в университете, — проговорил Артур, неохотно выпуская девушку из рук.

— Я понимаю, — ответила она. — Вполне мог бы встретить и шофёр, но дедушка решил, что это должен быть кто-то из членов семьи. Вот выбор и пал на меня, — добавила она, подхватывая сумочку и выходя из комнаты.

Артур последовал за ней. Возле входной двери они снова поцеловались и решили встретиться при первом же удобном случае. Регина легко сбежала по ступенькам, проигнорировав лифт, и вышла во двор, где её уже ждала машина, подаренная дедушкой на день рождения.

По дороге в аэропорт Регина включила радио и, следя за потоком машин, вполголоса подпевала звучащим там песням. Несмотря на то, что настроение было несколько испорчено

произошедшим в университете, а также слишком рано закончившимся свиданием с Артуром, девушка радовалась жизни, хорошей погоде и даже приближающейся встрече с родственником-иностранцем. Она не привыкла долго грустить, всегда старалась быть оптимисткой, находить во всём положительные стороны.

Находясь уже не очень далеко от аэропорта, Регина с опозданием вспомнила, что даже не видела фотографию мужчины, которого должна встретить. Пришлось вытаскивать из сумки телефон и звонить дедушке. Тот ответил не сразу, и снова ей показалось, что у него что-то случилось, таким раздражённым и отвлечённым от темы разговора прозвучал его голос.

— Как я его узнаю? Забыла, что не попросила показать фотографию. Может, надо было сделать табличку, как обычно у встречающих в фильмах?

— На твоём месте я бы так из-за этого не волновался, — ответил дед. — Тебе нужен лондонский рейс. Тео — довольно привлекательный молодой человек, брюнет, уверен, что ты его сразу узнаешь.

— Ты меня заинтриговал, — заметила она и, отключившись от разговора, прибавила скорость. Привлекательный брюнет, значит... Похоже, Артуру всё-таки придётся поревновать.

Эта мысль заставила её улыбнуться. Регина была уверена в своих чувствах, и всё же ей нравилось иногда подразнить жениха. После слов дедушки стало ещё любопытнее, что же представляет собой этот родственник, живущий в далёкой Британии. Кроме того, интересно, с какой целью он приезжает, явно не просто так. Может быть, он тоже с кем-то помолвлен, и эта неизвестная девушка живёт здесь?

Регина доехала до аэропорта и решила, ожидая рейс из Лондона, выпить кофе и позвонить Артуру. Оставив машину на стоянке, она выбрала уютный столик в кафе, где заказала капучино. Голос Артура в телефоне прозвучал как-то невесело — должно быть, он уже успел пожалеть о том, что не поехал в аэропорт вместе с ней.

— Он ещё не прилетел? — поинтересовался Артур.

— Пока нет. Надеюсь, рейс не задержат, — ответила Регина, помешивая кофе. — Я тут позвонила дедушке, и он сказал, что этот родственник весьма симпатичный, — хихикнула она.

— А мне позвонил парень из моей группы и сообщил, что за вчерашние события в университете уже наказан какой-то маг.

— Что ещё за маг? — нахмурившись, спросила она. — А... моя однокурсница? Она не причём?

— Получается, она не виновата. Этот маг повлиял на неё. Кажется, он хотел навредить Карлу Розенбергу и испортить его первый день в качестве декана, — передал услышанные новости Артур.

— Ничего себе, — произнесла Регина и напомнила себе о том, что собиралась позвонить Веронике. Сейчас, после того, что рассказал Артур, ещё больше захотелось узнать, что же произошло на самом деле. Сложно было поверить в то, что среди знакомых Вероники каким-то образом затесался сильный маг, способный на такой поступок.

Услышав, как объявили нужный ей рейс, Регина отодвинула чашку с недопитым кофе, положила на стол деньги и торопливо вышла из кафе, чтобы не пропустить появление человека, которого должна встретить. Атмосфера аэропорта действовала особым образом — сразу же возникало желание позабыть про все свои дела, купить билет на самолёт и

отправиться в какое-нибудь дальнейшее путешествие. Наблюдая за людьми, которые готовились к перелёту, Регина почувствовала лёгкую зависть и пожалела о том, что в эти каникулы провела время совсем не так, как ей бы хотелось.

Обойдя шумную компанию, которая явно успела приложиться к немалому количеству алкоголя перед тем, как отправиться в аэропорт, Регина встала так, чтобы рассмотреть каждого из прилетевших лондонским рейсом пассажиров. Но, едва завидев идущего ей навстречу мужчину, небрежно закинувшего на плечо дорожную сумку, она подумала о том, что дедушка, как обычно, оказался совершенно прав. Регина, в самом деле, сразу же узнала молодого мага.

Глава 29

Вероника

Сидя на самом краешке обтянутого кожей сиденья машины, я смотрела в окно, отметив, что автомобиль снова едет за город. Что-то слишком часто в последнее время мне приходилось оказываться за пределами города, странное совпадение. А впрочем, меня не слишком-то интересовало, где именно проживали мои новоприобретённые родственники, которые после разговора с Фоглем почему-то изъявили желание со мной встретиться.

Маги, как и обещали, прислали за мной машину — дорогую, быструю, приятного зелёного цвета. Немолодой водитель оказался хмурым и неразговорчивым. Он практически не смотрел в мою сторону всю дорогу, и я снова почувствовала себя так же, как вчера, когда меня везли к инквизиторам на допрос. Впрочем, не только в этом ощущения были сходными. Как и вчера, я понятия не имела, чего мне ожидать, к добру или к худу знакомство с людьми, которые когда-то вычеркнули мою мать из своей жизни и семьи по той причине, что она осмелилась полюбить неподходящего человека.

Полюбить врага. Вернее, того, кого в магическом мире привыкли считать врагом. Никто даже представить себе не мог, что ведьма может захотеть связать свою жизнь с инквизитором.

Я снова задумалась про Дария. Всем девочкам в детстве читают сказки о прекрасном и смелом рыцаре, который может спасти из всяческого рода неприятностей. Но девочки вырастают и обнаруживают, что реальная жизнь крайне мало напоминает сказку, а рыцари и не думают торопиться к ним на помощь. Мне по-настоящему повезло, потому что именно таким рыцарем и стал для меня Княжевич. Несмотря на его не самый простой характер, некоторую язвительность в суждениях и привычку постоянно держать что-то в секрете, которую он, очевидно, перенял у своего начальника, Дарий всегда приходил на помощь и оказывался рядом именно тогда, когда был мне нужен, и я не могла этого не ценить.

Не могла не влюбиться в него по уши.

Когда мои воспоминания возвращались к проведённой с ним ночи, я чувствовала, как к лицу горячей волной приливает краска, а тело наполняется приятным теплом и лёгкостью. Все эти ощущения были непривычными, что неудивительно, ведь обстоятельства моей жизни складывались так, что до случившегося я ни к кому не испытывала подобных чувств и не стремилась к тому, чтобы их изведать. Можно даже сказать, что я считала себя той, кому не суждено влюбиться в мужчину, почувствовать страсть, полностью отдаться желанию.

Я и сейчас не могла ответить себе на вопрос, что именно притянуло меня к Дарию, причём, вовсе не сразу, а лишь через некоторое время после того, как мы начали проводить вместе немалое количество времени. Может, тот сценарий про девушку и спасающего её отважного рыцаря? Или меня тронула его забота, учитывая, что никто никогда по-настоящему обо мне не заботился?

Продолжая смотреть в окно машины, я вспоминала выражения его глаз, улыбку, запах и чувствовала, как к горлу подступает колючий комок, грозящий перерасти в слёзы. Я готова

была возненавидеть себя за то, что подтвердила ложь Княжевича и этим своим поступком дала согласие на заключение его в темнице. У него из-за меня и без того были одни неприятности, а тут я и вовсе умудрилась всё испортить, не сдержав себя, когда услышала голос Карла Розенберга и узнала его.

Но, если верить словам Мартина Шталя, наречённого жениха Инны, сам Розенберг был не в курсе того, что я стала невольной свидетельницей убийства декана. Об этом знали только Мартин, я, Дарий и кто-то ещё. Тот, кто отправил мне предупреждающее письмо и заставил почти каждую ночь просыпаться в страхе перед неизвестностью.

Автомобиль оказался перед высокими железными воротами, которые сами собой отворились, а затем закрылись за машиной. Уставившись в лобовое стекло, я увидела величественный дом, напоминающий настоящий замок. Раньше мне разве что в фильмах приходилось видеть такие.

— Приехали, — буркнул водитель, остановив машину.

Перед домом я неловко остановилась на одном месте, не зная, как должна поступить — позвонить в дверь или подождать, пока водитель тоже выйдет и проводит меня. Сомнения разрешились сами собой, когда тяжёлая дверь дома открылась. Передо мной предстала женщина лет сорока пяти, которая в её тёмно-синем строгом платье и с тщательно убранными в пучок светлыми волосами выглядела именно так, какой и должна быть экономка в богатом семействе.

— Вы — Вероника? — скорее утвердительно, нежели вопросительно проговорила она, окинув меня внимательным взглядом, и я почувствовала себя Золушкой, которая вместо роскошного платья вдруг явилась во дворец в лохмотьях. — Проходите в дом. Вас ожидают.

Поёжившись и повыше подняв голову, чтобы не выдать своего волнения, я вошла в дом вслед за ней и с любопытством завертела головой, едва сдержав возглас восторга. Внутри дом выглядел ещё более впечатляюще, чем снаружи. Казалось, он даже спроектирован был с таким расчётом, чтобы показать, что его обитатели никак не могут быть обычными людьми — только магами.

Не дав мне досконально рассмотреть все статуи и детали обстановки, женщина — я не сомневалась, что она, в самом деле, работала здесь экономкой — повела меня за собой вдоль неширокого коридора, толкнула какую-то дверь, и мы оказались в комнате, которая, судя по всему, служила гостиной. Здесь был огромный камин, сейчас он не горел, но я могла представить себе, как выглядит эта комната, когда она освещена языками пламени. Возле большого окна стоял мужчина, который тут же развернулся и смерил меня таким взглядом, что захотелось провалиться под землю.

Незнакомец был высоким, худощавым и седовласым. Лет ему могло быть как шестьдесят, так и восемьдесят, выглядел он весьма представительным и довольно крепким. У него были пронизательные тёмно-серые глаза, густые брови и тонкие губы, сомкнутые и неулыбчивые.

— А ты, в самом деле, похожа на мать, — заметил он, знаком отсылая женщину и приказывая мне сесть.

— Может быть, — ответила я, присаживаясь на обитый бархатом стул и пряча под него ноги в растоптанных кедах.

— Я — Александр Владимирович Воронич, — проговорил мужчина. — Твоя мать была моей племянницей. Ты её помнишь?

— Нет, — призналась я, опуская голову, чтобы не встречаться с ним глазами.

— Тот её поступок... Я расценил его как предательство, — с неохотой произнёс он, садясь в кресло напротив меня. — Отказаться от своего будущего, разорвать помолвку с влиятельным магом, выбрать вместо него этого...

— Вы видели моего отца? — отважилась поинтересоваться я.

— Нет. Я даже имени его не знаю и знать не хочу, — брезгливо ответил Александр Владимирович. — Надеюсь, ты тоже?

— Он никогда не пытался встретиться со мной, если вы об этом, — пожав плечами, сообщила я.

— Разумеется, он передумал портить себе жизнь и, поразмыслив, отказался от неё. Вот только не нашёл в себе смелости признаться. Но было уже поздно. Любовь... Что, чёрт побери, вы, женщины, в ней находите? Стоит ли оно того, чтобы ломать судьбы, ставить в неловкое положение семью, бросать собственного ребёнка? Но всё же она была слишком гордой, — добавил он. — Никогда не стала бы умолять. Ты ведь унаследовала её способности?

— Видимо, так, — отозвалась я.

— Ведьмой она была сильной, вот только счастья ей это не принесло.

«Мне тоже», — мысленно ответила я, вспомнив случившееся в университете. Будь я слабенькой ведьмой, не повредила бы крепкое старое здание до такой степени, что ему потребовался ремонт. Неизвестно, передалось ли мне что-то от инквизиторской антимагии отца, но глушить мои ведьминские способности это свойство явно не собиралось.

— Я подумаю, что с тобой делать, — сказал Воронич, и прозвучало это как-то угрожающе. — Люди, которые воспитывали тебя, разумеется, не могли научить тому, что должна знать девушка из магического сообщества. Сегодня большое событие для нашей семьи. Приезжает дальний родственник из Англии. В честь этого я собираюсь устроить званый вечер.

В этих его словах было что-то старомодное и довольно высокопарное.

— Ты всегда так одеваешься? — спросил он.

Я снова почувствовала себя Золушкой.

— Впрочем, даже если у тебя и нет приличной одежды и обуви, это не проблема, — произнёс маг. — Гораздо хуже будет, если выяснится, что ты не умеешь себя вести. Мне недосуг искать учителя хороших манер.

— Я умею себя вести, — вспыхнула я, но тут же снова опустила голову под его холодным взглядом. — Если не верите, я могу не приходить на званый вечер. Не очень-то и хотелось.

— Узнаю характер твоей матери. А на вечере тебе побывать всё-таки придётся. Представлю тебя остальным.

— Я учусь в одной группе с Региной, — сообщила я.

— Значит, с моей внучкой ты уже знакома. Но на вечере будут не только родственники. Ещё и друзья семьи.

В дверь чинно постучали, а затем появилась всё та же женщина и, войдя в комнату, протянула Александру Владимировичу телефонную трубку. Он взял её, несколько секунд послушал, затем вышел из гостиной. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы немного перевести дух и почесать нестерпимо зудящий комариный укус под коленкой.

— Веронике нужно подготовиться к вечеру, — проговорил Воронич, вернувшись. — Распорядись, чтобы её отвезли в магазин, а затем в салон красоты. Да, и комнату для неё

подготовь. На втором этаже. Поторопитесь!

С этими словами он отпустил нас обеих, и я, растерянная и донельзя ошарашенная после этого разговора, снова зашагала вслед за экономкой к выходу из дома.

Глава 30

Вероника

Я сидела в высоком кресле и пыталась бросить на себя хотя бы один взгляд в зеркало, а вокруг сустились незнакомые девушки и молодые люди, причём, каждый из них был уверен, что лучше знает, как сделать из меня красавицу.

Салон красоты, куда привёз меня всё тот же хмурый водитель, принадлежал ведьме, и посещали его преимущественно представители магического сообщества. Разумеется, я ни разу не была здесь раньше, да и в обычных салонах, если честно, тоже. Все те приспособления, которые меня окружали, казались орудиями пыток.

А вытворяли со мной много чего — выщипывали брови, стригли и причёсывали волосы, смазывая их при этом чем-то, сильно пахнущим луговыми цветами. Все мастера и мастерицы действовали так быстро, что начинала кружиться голова от их мельтешения и шума переговаривающихся голосов. Учитывая, что перед этим состоялась прогулка по магазину с примеркой платьев, больше всего хотелось заснуть, не вставая с кресла.

Я невольно вспомнила Инну, которая считалась одной из самых ярких и привлекательных девушек в университете и делала всё, чтобы подтвердить этот статус. Периодически она предпринимала попытки и меня тоже научить быть более женственной, но обычно это не приносило результатов. Должно быть, в этом салоне Инна была одной из частых посетительниц.

Эти мысли заставили меня почувствовать сожаление о том, что едва ли когда-нибудь я смогла бы снова назвать Инну Розенберг своей подругой. Против неё самой я совершенно ничего не имела, к тому же, нас связывало немало весёлых и приятных воспоминаний об учёбе и совместной жизни в общежитии Университета Магии. Но Карл Розенберг, не задумываясь, расправился бы со мной как с нежелательным свидетелем его преступления, а Мартин Шталь ради того, чтобы заполучить ключ, собирался выбросить меня в окно и обставить это как самоубийство, так что сложно было ожидать возвращения наших с ней отношений в прежние дружеские рамки.

Приближался званый вечер в семье Воронич, и меня обязали там присутствовать. А если туда приглашены семья Розенбергов и Мартин? Оставалось лишь надеяться на возможность спрятаться где-нибудь в особняке.

Да и настроение праздничным не казалось. Несправедливо было даже представлять себе, что, пока я получила возможность повеселиться на званом вечере в окружении именитых магов и ведьм, Дарию предстояло провести первый день из полугода за решёткой. За последнее время я столько корила себя за это, что сложно было подумать о чём-то другом, например, о вечернем платье, счёт за которое выставили на имя Александра Владимировича.

— Не вешайте нос, уже немножко осталось, — сказала мне симпатичная рыжеволосая девушка с озорным взглядом зелёных глаз. В её руках кисточки для макияжа мелькали просто с невероятной скоростью. — А теперь немного магии.

Не дав мне даже задуматься над мыслью, что ещё они собрались со мной сотворить, ведьма наклонилась, и кончики её длинных пальцев почти невесомо скользнули по моим

волосам, лицу, плечам. Я ощутила лёгкое покалывание, но ничего неприятного в этом не было. Отступив от меня с довольным выражением на лице, она захлопала в ладоши и потребовала освободить зеркало, чтобы я смогла на себя взглянуть и оценить работу всей команды.

Смотреть в зеркало было даже страшновато — а ну как они сделали меня совершенно непохожей на саму себя? Но я лишь недоверчиво ахнула, а затем завертела головой, ловя улыбки окружающих меня людей. Девушка в зеркальном отражении, в самом деле, не слишком-то напоминала привычную меня, но такого результата я не ожидала.

У этой девушки были длинные тёмные локоны — что сделали с моими непослушными волосами, которые легли такими нежными и лёгкими волнами? Вот уж точно без магии не обошлось. Глаза у неё казались широко распахнутыми и сияющими от предвкушения чего-то волшебного — неужели подобного эффекта можно было добиться макияжем? Я посмотрела на собственные руки. Над ними тоже успели поработать, и теперь я стала обладательницей красивого и на редкость изысканного маникюра.

— Я вижу, что она довольна, — проговорила рыжая девушка, помахав кому-то рукой, и снова наклонилась ко мне с широкой улыбкой. — Я рада. А теперь принцессе пора поторопиться, чтобы не опоздать на бал.

— Золушке, — поправила я её.

— Нет, — твёрдо ответила она, покачав головой. — Принцессе. Мне лучше знать.

Я смущённо поблагодарила её и остальных. О деньгах они не сказали ни слова. Всё должен был оплатить Александр Владимирович? Мне стало неловко — не хотелось быть у него в должниках. Но, с другой стороны, это ведь он пожелал, чтобы я отправилась на его званый вечер и выглядела там соответственно статусу мероприятия.

Вспомнилось, что Воронич распорядился приготовить для меня комнату. Это означало, что он хотел, чтобы я осталась в этом доме-замке и поселилась в нём? Но у меня даже вещей с собой не было — часть я увезла в общежитие, остальные находились в квартире приёмных родителей, которые, должно быть, уже вернулись, но не торопились мне звонить.

Когда мы подъехали к дому, я обнаружила, что рядом с ним выстроились несколько дорогих машин, будто только сейчас сошедших с конвейера, такими яркими и новыми они выглядели. Должно быть, гости уже начали съезжаться. Снова стало не по себе, когда экономка открыла дверь и, смерив меня уже чуть более человеческим взглядом, заявила, что до приглашения спуститься вниз я могу побыть в своей комнате.

подавив желание поинтересоваться, а можно ли вообще не спускаться, я вошла в дом и последовала за ней по лестнице на второй этаж. Ступеньки были гладкими, словно отполированными, я старательно придерживала юбку длинного тёмно-розового платья, чтобы не наступить на подол, а пару раз пришлось схватиться за перила. Туфли на мне тоже были новые, подобранные в тон платья, и я к ним ещё не привыкла.

Комната, в которую меня проводила женщина, оказалась не слишком большой, но довольно уютной. Окно занавешивала штора такого же абрикосового цвета, что и обои на стенах, а кровать была накрыта пушистым клетчатым пледом, в который так и хотелось завернуться. Я не смогла сдержать удивления, когда увидела на полу комнаты свою сумку с вещами, которую вчера утром оставила в общежитии.

— Не стоит благодарности, — в ответ на моё изумлённое восклицание чопорно произнесла экономка и вышла из комнаты, оставив меня гадать, когда Александр Владимирович успел отправить кого-то за моей сумкой, и для чего ему это было нужно.

Похоже, он, в самом деле, решил оставить меня в этом доме. Но с какой целью?

Осторожно, чтобы не помять платье, я села на край кровати и вытащила из сумки телефон. Никто не звонил. Должно быть, Княжевичу в этой инквизиторской темнице запретили даже пользоваться телефоном. Да и хотел ли он меня услышать? Не пожалел ли за этот день о том, что пошёл на столь рискованный шаг?

Я вздрогнула и поднялась, когда экономка, постучавшись, вошла в комнату, а вслед за ней появился сам Александр Владимирович. Очевидно, не доверял полностью её мнению и решил самолично оценить, насколько презентабельно я выгляжу и достойна ли того, чтобы разрешить мне спуститься вниз и предстать перед остальными. На какой-то миг я малодушно понадеялась, что он сочтёт мой внешний вид недостаточно подходящим для этой цели и запретит даже высовывать нос из комнаты. Это меня бы вполне устроило. А если бы ещё и покормили, то было бы просто замечательно.

Но, судя по тому, каким довольным и даже заинтересованным взглядом окинул меня Воронич, сотрудники салона красоты поработали не зря. Их труд пожилой маг одобрил, да и платье его вполне устроило. Когда экономка открыла дверь, он предложил мне взять его под локоть, чтобы спуститься по лестнице. Колени дрожали, и я неосознанно крепче ухватилась за его руку, чтобы не упасть. Хороша была бы я, если бы свалилась со ступенек прямо под ноги гостям!

— Не нервничай так, — шепнул мне Александр Владимирович и неожиданно улыбнулся приятной и подбадривающей улыбкой. — Ты английский язык знаешь? Хорошо?

— Да, — ответила я, не понимая, к чему был задан этот вопрос. Или его гости общались исключительно на английском? — Довольно хорошо.

— Я тебя сейчас представлю Тео, нашему родственнику из Британии. Он сегодня здесь новенький. Как и ты, — добавил Воронич, когда мы уже почти достигли подножия лестницы. — Он будет твоим компаньоном на сегодня. Не возражаешь?

— Нет, — отозвалась я. Если говорить начистоту, у меня не было желания знакомиться с родственником-иностранцем и развлекать того весь вечер, но я понимала, что возражать магу не следует, иначе вся его внимательная доброта тотчас же улетучится. Узнать, что скрывается за этой улыбкой, мне не хотелось.

— Вот и отлично, — произнёс Александр Владимирович. — А теперь — выше голову, Вероника. Это твой вечер.

Глава 31

Вероника

Услышав последнюю фразу Александра Владимировича, я вздрогнула и с подозрением посмотрела на него — что ещё он задумал? Но тот снова улыбнулся непринуждённой светской улыбкой и повёл меня к широко распахнутым дверям, за которыми обнаружился самый настоящий бальный зал. У меня даже дыхание перехватило — никогда раньше мне не приходилось такого наблюдать. Да и где я могла бы собственными глазами увидеть происходящее на званом вечере в именитом магическом семействе? Широкие юбки длинных вечерних платьев, напоминающих наряды прошлых веков, задевали натёртый паркет, хрустальные люстры переливались огнями, музыканты на возвышении играли негромкую, но очень мелодичную и приятную музыку.

На какое-то мгновение показалось, будто головы всех присутствующих обернулись в мою сторону, и мне захотелось отступить и спрятаться. Но, переведя дыхание, я поняла, что находящиеся в зале гости продолжали заниматься своими делами — беседовать, пить шампанское, флиртовать. Никто не смотрел на меня — во всяком случае, пока. Кроме того, никаких знакомых лиц среди присутствующих я не заметила. Даже Регину не увидела, хотя она, несомненно, должна была присутствовать на этом вечере.

Воронич решительно направился вперёд, я последовала за ним, стараясь не споткнуться о подол платья. Едва не столкнувшись с белокурой молодой женщиной в чёрном платье, на ходу пробормотала извинение, но не остановилась. Тем временем, Александр Владимирович нашёл того, кого мы искали, и, взяв с подноса проходившего мимо официанта два бокала шампанского, один из них протянул мне. Это напомнило о недавнем празднике, на котором Мартин Шталь едва меня не убил. Должно быть, на этом вечере присутствовали маги и ведьмы из тех, которые на том мероприятии тоже были.

— Тео, познакомься с Вероникой, она будет твоей дамой на этот вечер, — проговорил Воронич, заставляя меня поднять глаза от бокала и посмотреть на человека, которому он меня представлял.

В отличие от большинства находящихся в зале мужчин он был одет не в смокинг или костюм, а в чёрную шёлковую рубашку с идеально отглаженными брюками и чёрную же накидку, ровными складками ниспадающую ниже колен. На ком-то другом этот наряд, должно быть, выглядел бы странно и неуместно, но этому человеку он был необыкновенно к лицу. У Тео оказались внимательные синие глаза, тёмные волосы, немного длинноватые для мужчины, и музыкальные пальцы, в которых тут же очутилась моя ладонь.

— Заодно поможешь Тео попрактиковаться в языке, — произнёс Воронич. — А я вас оставляю. Нужно поприветствовать опоздавших.

Александр Владимирович скрылся в толпе, а я растерянно уставилась на британского родственника и едва не облила его шампанским, когда мужчина потащил меня куда-то в сторону, к большому окну, выходящему в сад. Судя по всему, окружающая нас толпа ему тоже не очень нравилась. Мне же и вовсе хотелось оказаться где-нибудь подальше, чтобы не встретить Мартина или Карла Розенберга, которые вполне могли быть в числе приглашённых.

— Ты кого-то боишься? — спросил Тео на английском, очевидно, заметив, как я осматриваю зал. Голос у него оказался красивый и звучный. Почти сразу он повторил свой вопрос на русском — довольно грамотно, но с заметным акцентом.

Я покачала головой и отхлебнула шампанское. Напиток был вкусным, изысканным, наверняка, доставленным прямым из лучших погребов Франции. Но я снова вспомнила, что в последний раз пила шампанское в компании Дария, и настроение окончательно пропало при мысли о темнице, в которой он заперт. Как там кормят, хорошо ли с ним обращаются? Хотя бы об этом мне следовало спросить у Фогля.

Я почти забыла о Тео, когда он снова заговорил со мной и поинтересовался, уж не впервые ли я оказалась на подобном мероприятии. Осознав, что он прочитал это по моему лицу, я смущённо кивнула. Воронич явно просчитался, поставив меня в пару к этому мужчине, поскольку я была совершенно не в состоянии развлекать его остроумной беседой, и дело было вовсе не в языковом барьере.

— Дальше будут танцы, — произнёс Тео на английском. — Затем ужин. Ты ведь потанцуешь со мной?

— Если хочешь, — ответила я, пытаюсь заставить себя не думать о танце с Дарием на празднике. — Но, если честно, я уже хочу есть, — призналась я. — Лучше бы сначала был ужин.

Улыбка у него оказалась хорошая — открытая и обезоруживающая.

— Надо найти Регину, — проговорил Тео, наклонившись ко мне. Пахло от него почему-то летним дождём и немного кофе. — Она сказала, что может провести на кухню.

От этого его предложения я немного растерялась. Успел ли Александр Владимирович рассказать внучке о неожиданно обнаружившихся родственных связях? Я вспомнила нашу с Региной встречу в кафе. Кажется, в университете она мне симпатизировала. В любом случае, если предстояло провести здесь не только вечер, но и временно поселиться в этом доме, я не могла постоянно от неё прятаться.

— Давай поищем, — согласилась я, и мы направились вглубь зала.

Тео удалось дозвониться до Регины, и через несколько секунд мы уже вышли в коридор. Она появилась перед нами почти сразу — сияющая счастливой улыбкой, с идеально уложенными волосами, казавшаяся одновременно и очень юной, и повзрослевшей. Платье на ней было синее, гладкая ткань переливалась при каждом движении.

— Рада тебя видеть, — просто сказала Регина, посмотрев на меня, и по теплу, прозвучавшему в её голосе, было понятно, что она говорила искренне. У меня отлегло от сердца. Неизвестно, что ей сказал обо мне её дедушка, но, судя по тому, как Регина повела себя, можно было поверить, что она не возражала против того, что я оказалась её троюродной сестрой. — Значит, так. Сейчас мы проберёмся на кухню, стащим что-нибудь, спрячемся и съедем. Ещё мой жених Артур присоединится. Затем пойдём на танцы.

— А что будет, если нас поймают? — с мальчишеской ухмылкой отозвался Тео по-русски.

— Превратят в лягушек и поселят в садовом пруду, — со смехом ответила ему Регина и повела нас за собой к симпатичному молодому человеку, который показался мне знакомым — должно быть, я видела его в университете среди старшекурсников.

Надо же, а я и не знала о том, что у Регины уже имелся жених. Хотя, пожалуй, ничего удивительного в этом не было, если вспомнить о том, что в магическом мире подобные помолвки случались на каждом шагу. Судя по тому, как нежно Регина обняла Артура,

представляя его мне и Тео, сама она ничуть не возражала против того, что родственники решили за неё её судьбу.

На кухне на нас совершенно не обратили внимания. Люди в белой одежде занимались тем, что помешивали блюда в огромных кастрюлях, нарезали продукты гигантскими ножами и делали ещё множество дел с такой быстротой и слаженностью, что можно было залюбоваться. На отдельном столе возвышался грандиозный торт, украшенный фигурой, в точности повторяющей внешний облик дома, где мы сейчас находились.

Пока я рассматривала всё это, Регина успела проскользнуть к одному из шкафчиков и нырнуть в него, а затем появиться с небольшим подносом, уставленным тарелками. Вслед за ней мы покинули кухню и свернули в другую сторону — не туда, откуда раздавалась музыка. Я этому только порадовалась, поскольку, чем дальше я находилась от наполненного гостями зала, тем меньше была вероятность наткнуться на Карла Розенберга или Мартина Шталя.

Пройдя через тёмную комнату, мы оказались на широком балконе, украшенном небольшими, но яркими фонариками. Здесь имелись несколько стульев, но Регина, проигнорировав их, попросту уселась на перила и приглашающим жестом указала на поднос, который поставила на круглый столик. Артур тут же взял что-то с ближайшей к нему тарелки и присоединился к ней.

— И часто ты так сбегаешь? — поинтересовалась я у Регины.

— Не я, а мы, — ответила она, покосившись на Артура. — Но дедушка не всегда приглашает такую толпу. Сегодня — особенный случай.

— Что такого особенного в моём визите? — спросил Тео, и в интонации его голоса мне почудилось лёгкое напряжение, словно ему не слишком-то хотелось говорить на эту тему.

— Тебе лучше знать, — лукаво ответила Регина. — Да и Вероника у нас впервые. Выходит, я помогла сбежать сразу двоим важным гостям. Как бы чего ни вышло, — добавила она, переводя взгляд на меня. — Но ничего, к танцам вернёмся.

С этими словами она поболтала в воздухе ногами, обутыми в бархатные чёрные туфельки, и Артуру пришлось обхватить её за плечи, не позволив перевалиться через перила.

Мы ещё некоторое время поболтали о разных пустяках. Регина не касалась темы того, что произошло вчера в университете, и я была ей за это благодарна. Несмотря на то, что мне отчаянно хотелось излить душу и поговорить об этом с кем-нибудь, сейчас был не самый подходящий момент для такой откровенности.

Тео старался говорить по-русски, лишь временами переходя на английский. Мне всё больше нравилось звучание его голоса. Кроме того, было спокойнее, потому что он нездешний, и до его ушей пока не дошёл рассказ о том, как я едва не довела здание Университета Магии до аварийного состояния, чего ещё никому не удавалось.

Через несколько минут Регина, извинившись и послав нам лукавую улыбку, удалилась вместе с Артуром. Должно быть, они хотели побыть наедине. Уходя, она напомнила, что в зале скоро начнутся танцы.

— Что случилось? — спросил Тео, когда их шаги затихли. — Любую девушку порадовали бы праздники и танцы. Но я же вижу, что тебе туда не хочется.

Поначалу я собиралась ответить, что у меня всё нормально, просто беспричинно нет настроения, но почему-то я рассказала ему правду. Почти всю. О том, что близкий мне человек по моей вине оказался в темнице, о том, что до сегодняшнего дня я даже не знала своих родственников из магического сообщества, о том, какой чужой я себя здесь чувствовала.

Пока я говорила, на глазах выступили слёзы. Пришлось отвернуться, но Тео всё равно это заметил. Стало так неловко, что я бы сбежала с этого балкона, если б он не перегородил мне дорогу.

— Я понимаю, — проговорил он, серьёзно глядя на меня. — Я, кстати, тоже почти никого здесь не знаю. Но мы справимся. Вдвоём проще, чем одному. Правда?

Я кивнула.

— А теперь улыбнись, — добавил Тео, и я снова смущённо отвернулась, пряча непрошенные слёзы, грозящие полностью испортить всё то, что со мной сделали в салоне красоты. Но от этих слов, от доброты едва знакомого человека, от мягких интонаций и дружеского тепла в его голосе мне стало гораздо легче.

Глава 32

Вероника

В компании Тео я вернулась в зал, где, как оказалось, уже начались танцы. Я бы с удовольствием предпочла быть просто зрителем происходящего, но Тео хотелось потанцевать, и он потянул меня почти в самый центр зала. Смущённо положив руку ему на плечо, я приготовилась к тому, что в ближайшее время или начну наступать кавалеру на ноги, или столкнусь с кем-нибудь из других танцующих, или поскользнусь каблуками новых туфель на гладком полу.

Но ничего подобного не случилось. То ли Тео оказался таким хорошим партнёром по танцам, то ли это, в самом деле, было не так уж страшно, но скоро я уже не беспокоилась о том, что оттопчу ему ноги или случайно толкну кого-то из окружающих нас людей. На какое-то мгновение у меня даже возникло ощущение, как будто в зале нет больше никого, кроме нас, но, стоило закончиться танцу, как раздался голос Александра Владимировича, призывающий всех выслушать его речь. Остановился он при этом совсем рядом с нами. Таким образом, я оказалась практически в центре внимания, поскольку головы всех присутствующих тут же повернулись к старшему Вороничу.

Поначалу он поприветствовал гостей и выразил надежду на то, что сегодня вечером они как следует повеселятся. Затем Александр Владимирович представил всем присутствующим Тео, сообщив о том, что уже довольно давно приглашал британского родственника в гости, и вот сейчас тот наконец-то откликнулся на приглашение и приехал. После этого взгляд дедушки Регины обратился ко мне, я едва не попятилась назад, но было уже поздно прятаться, когда цепкие холодные пальцы старого мага обхватили моё запястье.

— Вероника — ещё одна наша родственница, с которой вы пока не знакомы! — провозгласил он. — Мне очень приятно её вам представить. Добро пожаловать в семью, Вероника.

Пока я пыталась придумать ответ на его слова, Воронич продолжил говорить.

— Сегодня — особенный вечер. Но мне бы хотелось сообщить вам, дорогие друзья, ещё кое-что. Что называется, убить сразу двух зайцев, — добавил Александр Владимирович, бросив на меня такой взгляд, что стало не по себе. — Поэтому я объявляю вам об ещё одном поводе для праздника. О помолвке Тео и Вероники!

В толпе гостей раздались аплодисменты. В руке у старшего Воронича оказался бокал шампанского. Неведомо откуда появилась девушка с подносом, где стояла открытая шкатулка, на дне которой лежали два небольших кольца.

Я растерянно перевела взгляд с улыбающегося Александра Владимировича на людей в зале, затем на Тео. На его лице не отражалось никаких эмоций, кроме внимательной учтивости, с которой он смотрел на пожилого мага. Это что, шутка такая?

— Вы можете обменяться кольцами! — заявил Воронич с торжеством в голосе.

— Но я не могу, я не... — пробормотала я, но тут же в ужасе замолчала, когда заметила среди присутствующих знакомые лица. В отдалении стоял Мартин Шталь, одетый так же нарядно и представительно, как и остальные гости. Рядом с ним была Инна, которая, поймав мой взгляд, помахала мне рукой.

Я почти не почувствовала, как Тео надел кольцо на мой палец, и, лишь когда одна из девушек почти насильно втолкнула второе кольцо мне в руку, поняла, что и от меня требуют того же. Всё ещё продолжало казаться, что это — какой-то розыгрыш, и вскоре будет объявлено, что я могу быть свободна. Но люди продолжали переглядываться и аплодировать, Александр Владимирович не сводил с меня серьёзного пристального взгляда, в котором сквозила заметная угроза, и другого выбора у меня не оставалось. Взяв Тео за руку, я, не глядя, натянула кольцо ему на палец и не успела отдернуть ладонь, когда Воронич соединил наши руки. Гости отреагировали на это звоном бокалов и ещё более громкими аплодисментами.

Я заметила, как по лицу Мартина, который незаметно успел подойти ближе, пробежала волна недовольства. Похоже, такого поворота событий он тоже не ожидал. Я собиралась скрыться в толпе и попытаться незаметно покинуть зал, но меня остановила Регина, которая подошла к нам и с улыбкой обняла меня за плечи.

— Поздравляю тебя! — воскликнула она, не сводя с меня восторженного взгляда. — Я так за тебя рада! Дедушка даже не предупредил, что сегодня будет помолвка. Хотел сделать сюрприз! А ты почему мне не рассказала?

— Да как-то... — выдохнула я, не решаясь сообщить ей, что для меня случившееся оказалось ещё большим сюрпризом.

— Ага, это он тебя попросил не говорить! — придумала вариант ответа Регина и повела меня куда-то в сторону, в ещё один боковой коридор, где я до этого не была. Я подумала, что в этом доме можно заблудиться. Может быть, именно это мне и следовало сделать — пойти бродить по дому, потеряться в лабиринте его коридоров и не являться на званый вечер. — Это так неожиданно! Ты ведь знаешь, что означает официальная помолвка? — горячо зашептала она, наклоняясь к моему уху и обдавая меня ароматом духов, в котором чувствовались вишня и миндаль. — Или не знаешь?

Я покачала головой, но интуиция говорила, что ничего хорошего мне это не обещает.

— Известно, что договориться о чьей-то свадьбе родственники могут даже тогда, когда будущие муж и жена ещё не пошли в школу, — сообщила Регина, и это прозвучало так буднично, словно ничего странного в подобном раскладе не было и быть не могло. — Но официальная помолвка, само собой, устраивается куда позже. Она может быть как с кучей гостей, так и скромная, лишь в кругу семьи. После такой помолвки маг и ведьма должны общаться чаще, узнавать друг друга, даже если до этого практически не встречались. Могут даже поселиться вместе. Считается, что именно после помолвки между ними могут начаться близкие отношения. Ну, ты ведь понимаешь, о чём я?

— Но это ведь не обязательно? — испуганно поинтересовалась я, и Регина рассмеялась.

— Некоторые предпочитают подождать до свадьбы, — ответила она, небрежно пожав плечами. — Но это как-то старомодно, на мой взгляд. Кстати, наша с Артуром помолвка была два года назад.

— Ты и Артур любите друг друга. Это сложно не заметить, — произнесла я в ответ. — Но ведь не всегда же так. Не у всех.

— Разумеется, — согласилась со мной Регина. — Но тебе-то на что жаловаться? Если бы не Артур, я бы тебе даже позавидовала!

В ответ на её слова я только вздохнула.

— К тому же, в магическом сообществе принято прислушиваться к мнению старших. У

нас пока всё решает дедушка, он — глава семьи. Старшие заботятся о том, чтобы род продолжался, чтобы будущие дети унаследовали способности обоих родителей. Наиболее влиятельные и древние семьи объединяются. Да, союзы между родными бывают довольно редко, но вы с Тео не кровные родственники, так что тебе не о чем волноваться. Зато представь, как будет здорово, если он предложит тебе уехать с ним в Лондон! Говорят, там самое лучшее образование для ведьм и магов, не чета нашему университету. К тому же, тебе там сейчас лучше не показываться. Ой, извини, — добавила она и умолкла.

Регина впервые за весь вечер заговорила о том, что произошло вчера в университете. Должно быть, ремонт там сейчас был в самом разгаре. Я представила себе любопытные взгляды, разговоры за спиной, различные домыслы. Пожалуй, Регина была совершенно права, и лучший способ этого избежать — не появляться в университете. Должно пройти какое-то время, чтобы все об этом забыли.

Я опустила глаза, чтобы взглянуть на узкий ободок кольца на моём пальце. Теперь на моих руках было два колечка — амулет и вот это. Идея уехать из города вдруг показалась невероятно соблазнительной. Оказаться подальше от Мартина Шталя с его охотой на мой ключик, от Карла Розенберга, чью причастность к убийству декана у меня даже не было возможности доказать, от бесприютной тоски по Дарию, оказавшемуся за стенами инквизиторской темницы. При мысли о Княжевиче у меня задрожали пальцы, а к глазам снова подступила горячая влага.

Нет, не плакать, только не сейчас!

— Тебе просто надо привыкнуть к этой мысли, — неожиданно серьёзно проговорила Регина, и прозвучавшие в её голосе интонации напомнили мне Александра Владимировича и угрожающую нотку в его взгляде. — К тому же, ты теперь часть нашей семьи, и у тебя есть жених. Не сомневаюсь, со временем тебе это очень понравится.

У меня такой уверенности не было, но я кивнула, обещая, что непременно подумаю обо всём. А что мне ещё оставалось? Ведь вместо того, чтобы бросить кольцо в лицо Вороничу, развернуться и выйти из зала, я покорно сделала всё, чего от меня хотели.

— Стоп, так ты тоже не знала?! — выпалила вдруг Регина, и в её тёмных глазах отразилось изумление. — Тебя не предупредили, что сегодня помолвка? Вот так дедушка! Сначала приезд Тео, потом ты оказываешься моей троюродной сестрой, а теперь это. Не могу поверить!

— Я тоже, — призналась я. — Может, это всё не всерьёз? Не взаправду?

— А как, понарошку, что ли? — переспросила она, останавливаясь и прислоняясь к стене. — Нет уж, если кольца надели, то всё серьёзно! Значит, дедушка так решил.

— Почему он должен решать за меня? — огрызнулась я. — Я его до сегодняшнего дня знать не знала! Я не просила его выбирать моё будущее!

— Хорошо, что дедушка этого не слышит, — понизив голос, произнесла Регина. — Но, знаешь, я впервые вижу, чтобы чью-то помолвку устраивали вот так, без предварительной договорённости. Ты точно знаешь, что вас не обручили в детстве?

— Конечно! — воскликнула я, но задумалась над её словами. А уверена ли я была в этом? Сейчас, когда открылось, что меня взяли вовсе не из детского дома, моя мать была ведьмой, а отец инквизитором, следовало бы быть готовой к любым неожиданностям.

— Вот видишь, могло получиться и такое, — заметила Регина. — Тебе надо поговорить с дедушкой и с Тео тоже. Кстати, пора поторопиться и вернуться на ужин! Он будет в столовой. Там уже столы накрыли.

— Не хочу, — отозвалась я, но она решительно покачала головой и развернулась в обратном направлении.

— Нельзя. Дедушка может разозлиться. К тому же, ужин едва ли начнут без тебя, ты ведь невеста.

— Без места, — буркнула я, но последовала за ней.

Глава 33

Вероника

Ужин показался мне фальшивым и затянутым спектаклем. Все эти льстивые разговоры, вежливые улыбки и обсуждения людей, которых я не знала и знать не хотела. Порадовало только то, что Карла Розенберга не было. Присутствовали лишь Инна и Мартин. Рядом со мной сидел Тео, который вёл себя абсолютно невозмутимо, хотя почти ни с кем не разговаривал, а с другой стороны расположились Регина и Артур, умудрявшиеся обмениваться такими страстными взглядами, что становилось неловко.

Я отмалчивалась и коротко отвечала, когда ко мне обращались, что случалось не слишком часто. Аппетит совершенно пропал, да и на балконе я всё же успела перекусить, поэтому почти ничего не ела. Каждый раз, когда взгляд падал на новое кольцо, казавшееся лишним и непривычным на моём пальце, я начинала чувствовать себя предательницей. Но предавала я не Дария, который, если подумать, так и не сказал о том, что испытывает ко мне какие-то чувства. Я предавала саму себя, собственные убеждения, свою надежду на независимость.

Должно быть, если б я выросла в магической семье, как Регина, не было бы ничего шокирующего в том, что за меня приняли решение о моей будущей судьбе. Я бы учитывала интересы семьи и следующих поколений, которые должны были унаследовать магическую силу обоих родителей. Возможно, я даже испытывала бы немалую гордость, потому что для меня выбрали человека, несомненно, достойного, и мне не грозила перспектива остаться старой девой.

Но сейчас я чувствовала только бессильную злость, отчаяние и растерянность. Дело было вовсе не в Тео — будь на его месте другой человек, я бы ощущала то же самое. Но к этому примешивалось лёгкое разочарование — мне-то показалось, что за этот вечер мы с британским магом успели почти подружиться, я доверила ему свои чувства и получила от него поддержку. Если он знал о том, что нам собираются устроить помолвку, почему мне ни слова об этом не сказал? Или его тоже не предупредили?

Я вспомнила совет Регины поговорить с Александром Владимировичем и с самим Тес после ужина. Но, если англичанин сидел рядом со мной, то оттащить старшего Воронича от гостей представлялось невозможным. Казалось, он всецело был поглощён тем, что занимал их беседой, лишь изредка отвлекаясь, чтобы дать распоряжения разносящим тарелки официантам.

После ужина гости поднялись из-за стола, и Александр Владимирович сам подошёл ко мне. В его взгляде я прочитала одобрение, ничуть меня не порадовавшее. Очевидно, этим вечером я сдала его экзамен, в чём бы он ни заключался.

— Почему ты так серьёзно на меня смотришь, Вероника? — спросил старый маг, приподняв мой подбородок и заглядывая в глаза. — Сегодня твоя помолвка. Тебе положено быть счастливой и весёлой.

— Попробуйте меня заколдовать для этого, — отозвалась я, отстраняясь. Регины и Артура рядом уже не было. Оставался только Тео, который встал из-за стола вместе со мной.

— Я думаю, нам троим нужно поговорить, — не обратив внимания на мои слова,

произнёс Воронич. — Давайте немного пройдемся. В саду нам никто не помешает.

Его цели совпадали с моим желанием поговорить без окружающей нас толпы народа. Вместе с Тео я последовала за Александром Владимировичем, который вывел нас в сад через чёрный ход, находящийся недалеко от кухни. Наступил поздний вечер, было уже достаточно прохладно, и в воздухе явственно чувствовались горькие запахи близкой осени.

— Вероника, я понимаю, всё, что случилось сегодня, — большая неожиданность для тебя, — проговорил Александр Владимирович, прислоняясь к вычурной мраморной колонне, изображавшей девушку с зеркалом. — Но когда-нибудь ты поймёшь, что я был прав, не предупредив тебя заранее об этой помолвке. Уверен, что поймёшь.

— Ещё бы, вы ведь считаете, что всегда правы, — ехидно ответила я, обхватывая себя за плечи, чтобы согреться. Нужно было выбрать в том магазине платье с рукавами. Нужно было бежать из магазина, куда глаза глядят.

— Напрасно иронизируешь, — всё так же спокойно произнёс маг. — Между прочим, твоя мать с уважением относилась к моему мнению. Твоя мать...

— Не приплетайте сюда мою мать! — выпалила я, чувствуя, как начинаю закипать от сдерживаемого весь вечер гнева. — Она делала так, как сама хотела! Она вас не послушалась!

— И чем это для неё закончилось? — заметил Воронич. — Если бы она не свернула со своего пути, сейчас всё было бы совсем по-другому. Даже тогда, когда этот человек, твой отец, отказался от неё и не вернулся к ней, она могла бы обратиться к своей семье, попросить прощения, не прибегать, в конце концов, к запрещённой магии!

Он говорил о том, о чём я и сама не так давно думала. Ведь она, в самом деле, могла бы не отказываться от меня и не искать способов попасть к инквизиторам в качестве обвинённой ведьмы. Что ею двигало тогда — любовь, отчаяние, желание отомстить? В результате, я оказалась между двумя мирами — обычным и магическим. А, если вспомнить о том, кто мой отец, то положение становилось и вовсе незавидным, поскольку до меня ещё не появлялось на свет ведьм, в которых бы сочетались магия и антимагия инквизиторов.

— Постарайся думать умом, а не сердцем, Вероника, — произнёс старший Воронич. — Не бери с неё пример. К тому же, вы с Тео и так уже были помолвлены, ещё в детстве.

— Что?! — уставившись на него, выдохнула я и вспомнила, что именно это предположение высказала в нашем недавнем разговоре Регина. — Как это может быть?

— Я был почему-то уверен, что сила твоей матери не передастся тебе по наследству, и ты будешь... бездарностью. Но всё же следил за твоей судьбой и сделал то же, что и для своей внучки, а именно заранее подыскал тебе мужа. Вы с Тео даже встречались однажды.

— Нет... Я не помню, — пробормотала я, слишком ошарашенная, чтобы подбирать какие-то логические доводы. — Когда, где?

— В летнем лагере в детстве, — ответил Воронич, и я подняла глаза на застывшего рядом британца, лихорадочно перебирая собственные воспоминания, которые путались и не желали складываться в единую картину.

Летний лагерь для детей... Я вспомнила прекрасное сочетание синего и зелёного — реки и леса. Шумных детей, почти всех из них не были мне знакомы. Серьёзного синеглазого мальчика, над которым смеялись, потому что он выглядел младше собственного возраста и плохо знал русский. Мои отношения с ровесниками тоже складывались не лучшим образом, а с этим мальчишкой мы постепенно нашли общий язык и подружились так, что уезжать не хотелось. Нам было интересно разговаривать, соревнуясь, бросать камни

в воду, смеяться вместе. Я даже не злилась, что нас начали дразнить женихом и невестой.

— Так это был ты? — спросила я, глядя на Тео и пытаюсь рассмотреть в его лице черты того мальчика, о котором я до сих пор иногда с теплотой вспоминала, хотя и не могла припомнить его имени.

— Вот видишь, ты даже не совсем его забыла, — хмыкнул Воронич. — Вместе с Тео ты поедешь в Лондон. Будешь там учиться, а, когда закончишь, вы поженитесь и, если захотите, переедете сюда.

Я резко обернулась к нему.

— Вы — просто тиран! — заявила я, направляя на него палец. — Вы любите решать за других, чтобы вам было удобнее манипулировать людьми! Но не всем, не всем хочется быть вашими пешками!

— Вероника... — вступил в разговор Тео, и я посмотрела на него.

— А ты-то почему на это согласился? — спросила я. — Почему?! Тебе в Англии девушек не хватило?

Обнаружив, что незаметно для самой себя положила руку на своё кольцо-амулет, я отдернула пальцы, подхватила подол платья и бросилась бежать, оттолкнув стоявшего передо мной Воронича. Выложенная камнем дорожка вела куда-то вглубь сада, и я остановилась лишь тогда, когда почувствовала, что от бега перехватило дыхание. Оглядевшись, увидела небольшой пруд, вода под тусклым светом фонарей казалась чёрной. Должно быть, тот самый, в лягушек в котором мог бы превратить нас Александр Владимирович, как грозила Регина. Пожалуй, после того, что я ему наговорила, я была наиболее вероятной кандидаткой в квакающие обитательницы пруда.

Лёгкий шорох за спиной заставил меня насторожиться, и, обернувшись, я не удержалась от вскрика.

— Ты настолько рада меня видеть? — саркастично произнёс Мартин Шталь, чья долговязая фигура оказалась прямо передо мной. — А я как раз тебя искал. Собирался поздравить с помолвкой.

— Знаешь, куда ты можешь засунуть свои поздравления? — устало ответила я. После недавнего срыва сил на какие-то эмоции в его адрес у меня не было. Даже на то, чтобы бояться.

— А как же Княжевич? Ты его уже забыла? — парировал он. — Кстати, на вечере был Аркадий Фогль, но на ужин он не остался. Зато церемонию обмена кольцами видел. Будь уверена, он всё передаст Дарию.

— Что тебе нужно? — спросила я, и Мартин бросился на меня, схватив за плечи и оттеснив ближе к воде.

— Где ключ? — наклонившись к моему лицу, прошепел он. — Отдай мне его, и тогда я, пожалуй, не буду сдавать тебя Розенбергу. Ты знаешь, как он поступает с теми, кто стоит у него на пути, а свидетели долго не живут.

— Ты забываешь, что я не единственный свидетель, — пытаюсь вырваться, произнесла я.

— Ты могла и выдумать это письмо, — недоверчиво заявил он, и, когда я покачала головой, его пальцы оказались на моей шее и надавили на горло. — Если б там был кто-то ещё, я бы обнаружил его. Так ты отдашь мне ключ?

— Нет... — выдохнула я и, покачнувшись, едва удержалась на ногах, когда Мартин разжал руки. — Я спрятала его в надёжном месте. Если кому и отдам, то уж точно не тебе.

— Глупая ведьма!

Размахнувшись, Шталь ударил меня по лицу. Кожу мгновенно обожгло болью. Прикоснувшись языком к разбитой губе, я почувствовала вкус крови.

— Ты об этом ещё пожалеешь! — прорычал Мартин, толкая меня к самому краю пруда. Под ногами уже не было дорожки, и каблуки туфель утонули в земле. Ткань платья громко затрещала, когда при моей попытке убежать мужчина потянул меня за одежду. — Думаешь, Дарий сможет тебя защитить, находясь в темнице? А со старым Вороничем я смогу договориться, и за некоторые одолжения с нашей стороны он отдаст мне тебя без всякого сожаления. Тем более, если разорвёшь помолвку. Ты ведь именно это собираешься сделать, правда?

Когда он притянул меня к себе, ухватив за шею и больно прижав волосы, я собралась с силами и оттолкнула его руки, а затем бросилась бежать. Оказавшись рядом с домом, я попыталась вспомнить, где находится дверь чёрного хода, когда из полумрака выступила тёмная фигура. Я попятилась, но человек вышел на свет, и я узнала Тео.

— Господи, Вероника, что с тобой случилось? — проговорил он, рассматривая меня, и я будто увидела себя его глазами — разорванное платье, кровь на лице, от тщательно созданной в салоне причёски ничего не осталось. — На тебя напали? Кто это был?

— Всё в порядке, — отозвалась я. — Я просто... Я зацепилась за дерево и чуть не упала возле пруда.

Я не стала возражать, когда Тео снял с себя свою чёрную накидку и набросил её мне на плечи. Стало гораздо теплее. От мягкой ткани едва уловимо пахло кофе и свежестью — так же, как от её владельца.

— Вероника, я хочу предложить тебе вариант, — вытащив из кармана брюк платок и с осторожностью вытирая кровь с моего лица, сказал Тео. — Если ты не будешь разрывать помолвку прямо сейчас, позже я сделаю это сам. Но сначала мы уедем в Лондон и станем вести себя так, чтобы наши родственники думали, будто у нас всё хорошо, и мы вместе. Ты будешь учиться. Не только в университете, но и у лучших магов, с которыми я смогу тебя познакомить.

— Мы должны притворяться? — спросила я, бросив на него взгляд. Его синие глаза ярко блеснули в фонарном свете, и мне снова вспомнился тот мальчик, которого я когда-то считала своим единственным другом. — Но для чего?

— У меня есть свои причины, — ответил Тео. — Когда-нибудь я тебе о них расскажу. Так как, согласна?

Я посмотрела в ту сторону, где остался Мартин Шталь, и будто снова почувствовала его сильные холодные пальцы на своём горле.

— Если я захочу вернуться, ты не станешь возражать? — спросила я.

— Разумеется, не стану. Мне и самому придётся сюда приезжать. Есть ещё вопросы?

— Это всё будет... не по-настоящему? — уточнила я.

— Обещаю.

Ещё немного помедлив, я кивнула.

Глава 34

Несколько дней спустя

Вероника

— Если хотите, могу принести журналы, — проговорила красивая светловолосая девушка, с сочувствием глядя на меня.

— Нет, спасибо, у меня есть книга, — ответила я, в подтверждение своих слов вытаскивая из сумки пухлый том с заложённой в него открыткой.

— Тогда скажите, если что-нибудь будет нужно.

Я кивнула, и она отошла к другим пассажирам, оставив меня бояться дальше. Мне предстояло лететь впервые в жизни, и раньше я даже не предполагала, что начну впадать в панику при одной мысли о необходимости сесть в самолёт. Регина проявила заботу обо мне, на протяжении нескольких часов убеждая, что в полётах над землёй нет совершенно ничего страшного, а также купила специальные леденцы, но я всё равно чувствовала себя не лучшим образом. Живот скручивало от волнения, и я не могла даже представить себе, как это люди умудряются летать часто, спокойно спать и есть в самолётах. Кресла оказались удобными и мягкими, если облокотиться о спинку и закрыть глаза, можно было даже представить себе, будто находишься в автобусе... вот только за окном не деревья, а облака.

— Как ты? — поинтересовался Тео, занимая место рядом с моим. В голубых джинсах и чёрной майке с эмблемой какой-то рок-группы он выглядел совсем юным. — Впервые вижу, чтобы кто-то так боялся самолётов.

— Я тоже впервые так боюсь.

— Наверное, слишком много фильмов об авиакатастрофах смотрела, — заметил Тео и, покосившись на мою книгу, поинтересовался, что я читаю.

За прошедшие несколько дней я не так уж часто видела Тео, но каждый раз, когда взгляд падал на моё или его кольцо, вспоминала вечер нашей помолвки. После того разговора Тео проводил меня в мою комнату. Он даже притащил какой-то лечебный амулет, который нужно было приложить к лицу, и это средство, в самом деле, оказалось весьма действенным.

Все формальности с моим переводом в университет в Лондоне были улажены при непосредственном участии Александра Владимировича. Он же решил вопрос с документами, необходимыми для отъезда. Я вышла из дома только для того, чтобы сфотографироваться и расписаться на нужных бумагах, а также для встречи с приёмными родителями, которым вернула ключи от квартиры. Было довольно неловко — и я, и они не знали, о чём говорить. Я намеревалась расспросить их о том, как вышло так, что именно в их семье оказалась, но было заметно, что говорить им об этом не хочется, как и признавать, что они столько лет делали вид, как будто ничего о моём прошлом не знают. К тому же, при разговоре присутствовал Александр Владимирович. Должно быть, он решил, что ему удалось окончательно сломить меня и подчинить своей воле.

Но старший Воронич ошибался. Я по-прежнему не желала быть пешкой в его игре. Марионеткой, которую он может дёргать за ниточки.

У меня было время подумать обо всём, что произошло за последние дни, и пришлось признать, что предложение Тео отправиться вместе с ним в Англию и учиться там —

наиболее подходящий мне на данный момент путь. Здесь нельзя было доверять никому, даже Фоглю, ведь именно он, как выяснилось, по секрету рассказал Вороничу о том, что я оказалась далеко не бездарной ведьмой. Теперь Александр Владимирович был заинтересован во мне и не собирался разжимать когти, будто хищная птица, поймавшая в лапы кролика.

Я поставила себе цель — уехать в Лондон и учиться там так хорошо и старательно, как только могу, чтобы к тому моменту, как мне исполнится двадцать один год, суметь не только применять базовые магические навыки, но и знать куда больше среднестатистической ведьмы после университета. Чтобы не просто управлять своими способностями, но и научиться находить им наилучшее применение. Чтобы получить возможность противостоять своим врагам, а не просто убегать от них, как я сбежала в тот вечер от Мартина, поймавшего меня в саду.

Шталь не стал применять магию. Видимо, просто не хотел привлекать к себе излишнего внимания. Если бы он использовал какое-нибудь из боевых заклинаний, то мог бы перекинуть меня через пруд, даже не прикасаясь ко мне. Мартин мог убить меня и обставить всё так, словно это самоубийство или несчастный случай. Но сначала он хотел заполучить ключ, и, пока тот был у меня, это служило слабой, но всё же гарантией.

Мне до сих пор не было известно, по какой причине Мартин Шталь так горел желанием забрать у меня этот изящный ключик, который выглядел искусно сделанным украшением и даже не был магическим предметом, как сказал Дарий. Но, учитывая, что ключ был найден в доме, где когда-то жила моя мать, я считала его своего рода наследством. Я больше не рисковала надевать ключик на шею, но каждый день перепрятывала его в новое место и надеялась, что у меня будет шанс разгадать его тайну и узнать, почему он представляет такую ценность для молодого мага, этого высокомерного мерзавца, жениха моей бывшей соседки по комнате Инны.

Сейчас, когда я сидела в самолёте и пыталась читать книгу, ключ лежал в моей сумке. Опустив в неё руку, я нащупала кончиками пальцев гладкие камни, украшавшие ключик, и на душе стало спокойнее. Как бы то ни было, а Мартин до него не добрался, и теперь ему оставалось только злиться и кусать локти.

— Мне очень нравится, когда у тебя на лице появляется эта загадочная улыбка, — по-английски проговорил Тео, и я смущённо посмотрела на него — не заметила, что он за мной наблюдал.

— Ты обещал познакомить меня с магами, которые дают дополнительные к университету уроки, — напомнила я, и Тео, посерьёзнев, кивнул в ответ.

— Мне досталась невеста со склонностью к учёбе, — переходя на русский язык, произнёс он, и я нахмурилась, шутливо толкнув его в бок.

— Сейчас рядом никого из родственников нет, и ты можешь не притворяться!

— Я всего лишь помогаю тебе отвлечься, — с притворной обидой заявил Тео. — Кстати, если будешь держать меня за руку, может быть, тебе будет легче и не так уж страшно. Попробуй.

Я недоверчиво посмотрела на него, но послушно вложила пальцы в его ладонь. В самом деле, постепенно становилось чуть менее страшно. Я покосилась на сумку, где лежали купленные Региной леденцы, и, дотянувшись до неё другой рукой, вытащила один из них.

— Вероника, ты давно знаешь о том, что ведьма? — неожиданно поинтересовался Тео, меняя тему беседы.

— С двенадцати лет, — ответила я. Вспомнилась соседка, которая рассказала мне о том, что я не такая же, как мои приёмные родители. — А ты?

— Мне кажется, я всегда это знал, — после крохотной паузы проговорил он. — Меня постоянно окружали представители магического сообщества. Но в том лагере, где мы познакомились, были не только дети магов.

— Почему ты там вообще оказался? — спросила я. — Да ещё и так далеко от Англии... Это Воронич постарался?

— Наверное. Меня, как ты понимаешь, в известность о причинах не поставили — просто отправили в лагерь, и всё. К тому же, мои родители тогда разводились и не хотели, чтобы я путался под ногами.

Я помолчала. Тео впервые заговорил о своей семье. Раньше у нас просто не было возможности обсудить такие вещи.

— Значит, они уже давно не живут вместе? — уточнила я. — Но ты всё равно... собираешься меня с ними знакомить? Или только с одним из них?

— Познакомлю с обоими, — ответил он, пожимая плечами. — Они сохранили между собой довольно цивилизованные отношения. Правда, отец уже давно женился во второй раз, и у меня есть единокровная сестра, с которой ты тоже обязательно познакомишься.

— Но ты живёшь с мамой? — поинтересовалась я.

— Нет, я живу один. У меня небольшой дом. Ты будешь жить там вместе со мной.

Я растерянno уставилась на него, удивляясь тому факту, что раньше не задавалась вопросом, где мне придётся поселиться в Лондоне. Должно быть, я рассчитывала, что там тоже будет общежитие. Это был бы весьма удобный вариант, да и шанс ещё лучше подтянуть разговорный английский язык тоже неплохой. Хотя, разумеется, в этом мне мог бы помочь и Тео. Но жить с ним в одном доме я совершенно не планировала.

— Не волнуйся, — заметив моё замешательство, произнёс он. — Там несколько комнат. Если тебе и придётся спать со мной в одной комнате, то только в тех случаях, когда нам понадобится разыграть для кого-нибудь спектакль.

Не ответив на его улыбку, я отвернулась и закусил губу. Воспоминание о том, что однажды мне уже пришлось разыгрывать подобную сцену, заставило глухую тянущую боль внутри снова стать острой. Я подумала, что Фогль, должно быть, уже сообщил Дарию о моей помолвке.

Глава 35

Дарий

Тюрьма для магов или темница, как её испокон веков предпочитали называть сами инквизиторы, слыла довольно мрачным и тихим местом, где заключённым надлежало размышлять о том, как они докатились до жизни такой. На самом же деле, шум там не затихал ни на минуту. Постоянно кто-то или декламировал стихи, или пел песни, или беседовал с другими заключёнными, или пытался качать права и вызывал на разговор меланхолических охранников, которые сначала не реагировали, а затем выходили из себя и начали выражать недовольство — тоже на редкость громко.

В металл, из которого были сделаны решётки на окнах и дверях темницы, было добавлено серебро. Считалось, что оно блокирует магию, хотя сложно было найти того, кто попытался бы поколдовать, находясь в темнице, и этим прибавить себе ещё несколько месяцев либо лет заключения. Во всяком случае, таких отчаянных магов уже много лет не попадалось, разве что кто-то выходил из себя, и всплеск магии получался произвольным, но без амулетов не слишком сильным.

Лучше бы и на Веронике в тот день не было амулета. Дарию успели в подробностях рассказать, что именно случилось в Университете Магии. Разумеется, инквизиторы поверили ему, потому что не ожидали, будто такое смогла устроить недоучившаяся ведьма, столь хрупкая на вид. «Пальцем переломить можно!», — сказал инквизитор, который говорил с ней. Должно быть, ему ещё не приходилось иметь дело с магами и ведьмами, внутренняя сила которых имела мало общего с их внешним обликом.

Обращались с Княжевичем в темнице несколько хуже, нежели с другими заключёнными. Несмотря на то, что Магический Надзор вынужден был постоянно сотрудничать с Инквизицией, специалистов МН инквизиторы недолюбливали. Впрочем, так уж открыто они своих эмоций не показывали, но всё же это чувствовалось.

— Эй, к тебе пришли! — крикнул охранник. Дарий сделал вид, что не слышит его. — Эй, я к тебе обращаюсь!

Видеть постную рожу Аркадия Фогля, который подозрительно к нему зачастил, совершенно не хотелось. Вспомнился их предыдущий разговор. Фогль тогда пришёл и рассказал, что ему выпала честь присутствовать на одном весьма любопытном мероприятии, а именно на помолвке в знаменитом магическом семействе.

— И что тут интересного? — спросил тогда Княжевич.

— Да вот невестой эту девушку я никак не ожидал увидеть, — с усмешкой ответил ему Фогль. — Ты бы на моём месте тоже весьма удивился. Хочешь узнать, кто она?

— Ну и?

— Небезызвестная Вероника Солнцева, по милости которой ты очутился в этом местечке, — произнёс начальник, обводя пухлой рукой комнатку для встреч с визитёрами. — Как видишь, она даром времени не теряет. Жених — какой-то английский маг.

— Её заставили родственники? — стараясь ничем не выдать своих чувств, поинтересовался Дарий.

— Откуда же я знаю? — пожимая плечами, отозвался Фогль. — Старший Воронич со мной своими планами не делится. Если и заставили, то колечко надеть она всё же согласилась. Да и кто бы отказался? В Британии магическое сообщество отлично развито, как я слышал.

Фогль рассказал ему об этом несколько дней назад — явился буквально на следующий день после помолвки. Дарию даже показалось, что в этом для Аркадия было своего рода странное удовольствие — рассказать ему новость и проследить за реакцией. Впрочем, испытать его Фоглю не пришлось, поскольку, учитывая род занятий, Княжевич успел научиться контролировать собственные эмоции и их внешнее проявление.

Но сейчас начальник явился снова и, судя по всему, не собирался уходить, пока не встретится и не поговорит с ним.

В сопровождении охранника Дарий вошёл в помещение для встреч и сел напротив Фогля, который листал какую-то газету. Начальник благоухал дорогим мужским парфюмом и пребывал в прекрасном настроении. Это ещё раз подтверждало тот факт, что Аркадия ничуть не огорчало временное отстранение Княжевича от работы в МН.

Над этим следовало бы подумать, и да, чёрт возьми, времени на то, чтобы размышлять, у него имелось предостаточно. Впереди полгода. Из темницы крайне редко выпускали кого-то раньше срока — амнистии здесь были не приняты.

— Вероника уехала в Лондон, — проговорил Фогль, с присущей ему педантичностью сворачивая и откладывая в сторону газету. — Вернее, улетела. Как птица — фьють, и нету!

— Очень остроумно, — пробормотал Дарий, садясь на жёсткий стул напротив, отвернулся и пробежал взглядом по выкрашенной в унылый серо-жёлтый цвет стене. — И это всё? Или ещё какие-нибудь новости есть?

— Карл Розенберг передал часть своих дел будущему зятю, — произнёс разочарованный почти полным отсутствием его реакции Фогль и сложил перед собой руки. — Правда, особо довольным таким раскладом Шталь не выглядит. Дорого бы я дал, чтобы прочитать его мысли.

— До этого магия ещё не дошла. Даже псионика, — поморщившись, отозвался Княжевич. — Насколько я знаю, и наука тоже.

— Ты прав, друг мой, но почему бы не помечтать? — с философскими нотками в голосе проговорил начальник.

— Наша работа не располагает к мечтам, — заметил в ответ Дарий.

— Кстати, о работе, — о чём-то вспомнив, сказал Фогль. — Мы взяли секретарём ведьму, увы, по протекции, но кто сейчас устраивается иначе? Её имя — Велимира Вишневская. Очень хочет с тобой познакомиться и задать ряд вопросов о твоих отчётах. Я устрою ей посещение.

— Я не думаю, что...

— А это уж предоставь мне решать, — не дослушав конец его фразы, произнёс Фогль и встал с места. — В конце концов, я пока ещё твой начальник, даже сейчас, когда ты протираешь штаны за решёткой. Кстати, жениха Солнцевой зовут Марк Теодор Тревельян.

С этими словами Аркадий покинул комнату. Охранник подошёл к столу, напоминая о том, что заключённому магу пора возвращаться в камеру. Дарий встал, выпрямился и пошёл вперёд, не обращая ни на кого и ни на что внимания.

Последнюю фразу Фогль произнёс, чтобы сильнее достать его, побольнее задеть, напомнить о том, что начальник располагает информацией, которая самому Княжевичу пока

не известна. Вот только на кой пень ему сдалось знать о том, как именно зовут человека, с которым у Вероники состоялась помолвка? Что ему это даст? Был бы хоть местный маг, а то англичанин. Да и имечко ему досталось, надо сказать, чересчур сложное.

Дарий злился. Как бы он ни старался скрывать собственные чувства и от Фогля, и от самого себя, те не желали его покидать. Предательская фантазия заставляла представлять в красках описанную Аркадием помолвку и злиться.

Он не хотел к ней привязываться. Не хотел чувствовать что-то большее, чем покровительственно-дружеское расположение. Хотел, чтобы ему стало безразлично, что с ней будет. Но всё происходило совсем иначе, и в ту ночь перед первым днём занятий в Университете Магии он не смог её оттолкнуть. А теперь — не мог этого забыть.

Неловкая и неопытная, трогательная и смешная ведьмочка, перепуганная всеми происходящими с нею событиями, неожиданно начала значить для него куда больше, чем кто-либо другой. То, что тогда произошло между ними, казалось естественным, как дыхание, и по-настоящему нужным им обоим в ту ночь. Вот только это ещё больше запутало отношения между ними, и на следующее утро у него не хватило духа сказать ей, что она не должна придавать случившемуся большого значения, потому что он ничего не может ей обещать — во всяком случае, пока.

Дарий вспоминал, как щекотали ему лицо её мягкие волосы, как приоткрывались нежные губы от его поцелуев. Не мог забыть, как вздрагивали длинные ресницы, какими тёплыми были руки девушки. Всё это осталось в памяти и сейчас мучило и дразнило.

Несколько дней, которые они провели вместе, из вынужденной необходимости каким-то образом превратились в напряжённое, но на удивление счастливое время. Дарий помнил вечера, когда они обсуждали прочитанные ею книги, и вопросы, которые Вероника ему задавала. С улыбкой оживлял в памяти то, как они вместе готовили ужины и смеялись. Вспоминал, как злился и переживал за неё, когда она без предупреждения ушла из квартиры. И как она пыталась вывернуться из его рук, когда ему вдруг вздумалось её за это наказать...

Неужели она могла так просто всё это забыть, оставить в прошлом и, не оглядываясь, пойти дальше? Что заставило её сделать этот шаг? Что мог предложить ей этот парень с трёхэтажным именем?

Княжевич всё-таки не удержался и с размаху саданул кулаком по стене, мимо которой они проходили.

Глава 36

Вероника

Я впервые в жизни летела на самолёте и впервые отправлялась в другую страну, где должна была не просто провести несколько дней, а поселиться надолго. Всё это, а также то, что случилось в городе перед моим отъездом, включая арест Дария, заставляло нервничать. Я старалась настроить себя на решение первоочередных задач, необходимых для достижения намеченных мною целей, пыталась быть более хладнокровной, но это удавалось не слишком хорошо — руки дрожали, а внутри всё замирало от волнения и страха.

Сидя в самолёте, уносящем меня в другую страну, я была очень благодарна Тео за то, что он находился рядом. Заснуть так и не получилось, и всю дорогу мой так называемый жених отвлекал меня от страха перед полётом, рассказывая различные истории из своей жизни, а также анекдоты, правда, из-за своеобразия британского юмора смешными я находила далеко не все. Кроме того, он продолжал держать меня за руку и, как я ни старалась убедить его, что справлюсь и сама, не соглашался разжать пальцы и отпустить мою ладонь.

Тео рассказал, что его бабушка была русской. Когда-то она вышла замуж за английского мага и так оказалась в Лондоне. Несмотря на договорную помолвку, им удалось полюбить друг друга, счастливо прожить вместе всю жизнь и воспитать единственного сына. Увы, его собственной семье не удалось повторить родительский опыт. Впрочем, второй брак отца Тео, судя по всему, оказался несколько удачнее первого.

Я поведала ему о том, как росла в самой обычной семье, постоянно чувствуя себя чужой в ней, хотя нельзя сказать, что приёмные родители меня обижали. Рассказала, как не желала быть ведьмой, поскольку это означало, что я ещё больше отличаюсь от других, а ведь мои отношения с ровесниками в школе и так складывались не очень хорошо. Призналась даже, что постоянно старалась сдерживать себя, чтобы не выпустить наружу собственную магию с целью, к примеру, отомстить какому-нибудь однокласснику за грубое выражение в мой адрес.

Тео ответил, что ему это знакомо. Тоже нередко хотелось быть просто самым обычным человеком, жить без возложенных на него семьёй ожиданий и страха однажды их не оправдать. К тому же, на нём не лучшим образом отразился развод родителей — им стало не до него, и они отправили сына к родственникам в Россию, а те, в свою очередь, отвезли Тео в детский лагерь. Там мы с ним и познакомились. Родители Тео даже не стали возражать против того, что Воронич по собственной инициативе устроил помолвку их сына со мной.

— То есть, ты уже давно об этом знал? — спросила я, чувствуя некоторую неловкость.

— Мне рассказали, когда я вернулся домой из лагеря. Состоялся торжественный ужин, который устроил дедушка, но присутствовали там только члены семьи. По правде говоря, узнав об этом, я очень обрадовался, — произнёс Тео, и на его губах появилась улыбка, напомнившая мне мальчика из детского лагеря. Мне всё ещё сложно было поверить в то, что тот мальчишка и Тео — один и тот же человек. Но, должно быть, именно нашей детской дружбой, этими смутными тёплыми воспоминаниями можно было объяснить то, что я с первой встречи начала чувствовать по отношению к нему какое-то неосознанное доверие.

— Почему? — ещё сильнее смущаясь, поинтересовалась я.

— Мне сказали, что это ты, — просто ответил он. — Но они тут же огорчили меня, сообщив, что мы ещё очень долго с тобой не увидимся. В детстве каждый год воспринимается вечностью.

Зато меня никто даже в известность об этом поставить не удосужился. С моими настоящими родителями Александр Владимирович поговорить не мог. Это означало, что он попросту со свойственной ему непреклонностью решил всё за нас — и за Тео, отец и мать которого были заняты тогда исключительно собственными дразгами из-за развода, и за меня.

Как бы то ни было, пришлось признать, что всё могло бы сложиться куда хуже. Вместо Тео Александр Владимирович мог бы выбрать мне в женихи кого-нибудь другого, кто не предложил бы вариант, при котором я продолжала оставаться его невестой, но только фиктивной. Я даже мысленно поблагодарила Воронича за возможность уехать в Лондон и оказаться подальше от Карла Розенберга, Мартина Шталя, а также от него самого.

Когда самолёт приземлился, наступило раннее утро, но к тому моменту, как мы на такси выехали из аэропорта и добрались до города, улицы Лондона уже переполнились автомобилями и спешащими людьми. Я жадно смотрела в окно, знакомясь с городом, впитывая в себя новые впечатления и стараясь привыкнуть к мысли, что с этого дня придётся здесь жить, учиться, ходить по этим улицам. Тео с улыбкой наблюдал за мной — понимал, что мне всё здесь пока в новинку, и не мешал рассматривать каждую деталь широко открытыми глазами, оставив на потом свои рассказы, а также экскурсию по городу, которую он пообещал провести для меня на правах местного жителя.

Мои знания о Лондоне ограничивались фильмами, книгами и тем, что я успела узнать, пока училась в школе. Мне было известно, что в этом городе двухэтажные автобусы, красные телефонные будки, Биг-Бен, Тауэрский мост над рекой Темзой и не самая приятная погода. Впрочем, когда мы прилетели, не было ни дождя, ни тумана.

Тео сказал, что его дом находится не то, чтобы близко к центру города, но и не на самой окраине. Названия района я не запомнила, потому что после перелёта мне неожиданно сильно захотелось спать. К тому времени, как машина подъехала к воротам, за которыми находился небольшой двухэтажный дом, глаза у меня уже закрывались, и Тео заявил, что разобрать свои немногочисленные вещи я могу и после того, как немного посплю. Я с ним полностью согласилась, но, когда мы вошли в дом, снова почувствовала неловкость и задалась вопросом, не поговорить ли с ним про общежитие при университете.

— Твою комнату уже должны были приготовить, — сообщил Тео, пока я снимала лёгкую куртку и осматривала довольно просто и лаконично обставленную гостиную, в которую он меня проводил.

— Кто? — любопытствовала я.

— Миссис Лукас, она приходит готовить и убираться. Кроме меня, ключи от дома есть только у неё. Теперь будут и у тебя.

— Ты уверен, что... — начала я, но он меня перебил.

— Мы ведь уже всё обсудили. Если будем жить отдельно, едва ли кто-то поверит в то, что мы по-настоящему вместе. К тому же, так мне будет проще приглашать к тебе преподавателей.

Я кивнула, соглашаясь с его аргументами.

— Я могу называть тебя Ники? — спросил Тео. — Имя Вероника звучит слишком

длинно, на мой взгляд. Или тебе так не нравится?

— Мне всё равно, — отозвалась я. — Называй, как хочешь. А твоё полное имя...

— Скоро узнаешь, — ответил он и ухмыльнулся. — Только не смей меня им называть. Я от этого становлюсь агрессивным и могу кого-нибудь покусать.

— Ладно, не буду, — не удержавшись от улыбки, проговорила я, и мы начали подниматься на второй этаж, где оказались в коридоре с рядом дверей, за одной из которых находилась моя комната.

Как следует рассмотреть эту комнату, а следом и весь дом я смогла только через несколько часов, когда проснулась и почувствовала себя куда более энергичной и готовой к новым открытиям, которые мне предстояли. Я пообещала себе как можно реже говорить по-русски, пока тренирую разговорный английский. Кроме того, предстояло изучить, как звучат на этом языке некоторые магические термины. Впрочем, насколько я знала, во многих сложных заклинаниях использовалась латынь. Латинский язык тоже следовало подучить, поскольку мне он давался непросто.

Я старалась убедить себя в том, что намерена справиться с любыми трудностями. «Тяжело в учении, легко в бою» — именно этой фразой мне надлежало руководствоваться в ближайшие месяцы. Если Александр Владимирович Воронич рассчитывает получить в моём лице ведьму с высокими магическими способностями, он её получит. Вот только плясать под его дудку я вовсе не собиралась. Сейчас, когда мне удалось ускользнуть от его влияния, я планировала потратить время на то, чтобы научиться противостоять ему, а также Мартину и Розенбергу.

Глава 37

Дарий

Лето заканчивалось, и почти никаких новостей магического мира до заключённых не доходило, а это означало, что всё пока поддерживается в нужном равновесии.

Княжевич думал про Веронику, его мысли меняли своё направление от неожиданно жгучей обиды до горького сожаления, от решения больше никогда с ней не видеться до надежды на следующую встречу. Дарий верил, что с течением времени, осваивая новые для неё грани жизни и магии, эта девушка не растеряет главного в себе. Не утратит непосредственности, любознательности, умения смущаться и сопереживать.

Когда охранник появился, чтобы сообщить о посетителе, Княжевич решил, что это Фогль, но следующие слова тут же это опровергли.

— Молодая красивая блондинка.

Вспомнив последний визит начальника, Дарий пришёл к выводу, что это наверняка Велимира — новенькая секретарша, устроившаяся в Магический Надзор по чьей-то протекции.

— Ты не рад? Может, я вместо тебя с ней встречусь? — под громкий одобрительный смех остальных поинтересовался другой заключённый. — Почти год не видел молодых красивых блондинок!

— Да с удовольствием! — отозвался Княжевич, направляясь вслед за охранником.

Велимира Вишневская выглядела совершенно неуместно в окружении тусклых стен комнатки для встреч с посетителями. Она, в самом деле, оказалась молодой и на редкость привлекательной женщиной. Княжевичу подумалось, что так могла бы выглядеть Снежная Королева, если бы та существовала не в сказке, а жила в наше время и носила элегантные светлые блузки со строгими чёрными брюками.

От Велимиры ненавязчиво пахло изысканными духами, и вся она казалась такой свежей и привлекательной, как будто только что вышла из салона красоты. Дарий едва не устыдился собственного внешнего вида. Находясь в темнице, он далеко не каждый день брился, да и в зеркало смотрелся нечасто.

— Добрый день, — проговорила она, протягивая ему руку, когда Дарий сел напротив.

— Для кого как, — отозвался он. Рукопожатие у неё оказалось неожиданно крепким, но кожа была нежной и тёплой. — Чем обязан визиту?

— Как мне к вам обращаться? — поинтересовалась она.

— Можно просто Дарий, — ответил Княжевич, стараясь не смотреть на расстёгнутые сверху крохотные пуговицы её блузки. — Мы ведь с вами, выходит, коллеги? С недавнего времени.

— Ах, Дарий, не заставляйте меня краснеть, — хмыкнула Велимира Вишневская. — Вы прекрасно знаете, что я — всего лишь секретарь. На то, чтобы стать специалистом Магического Надзора, я и не претендую.

— Может быть, у вас всё ещё впереди, — заметил он.

— Аркадий тоже так сказал, — произнесла она, и улыбка на её губах стала чуть более кокетливой. Дарий усмехнулся. О том, что Фогль равнодушен к красивым женщинам, в

МН знали все.

— Но вы ведь пришли сюда совсем не для того, чтобы говорить об этом, — напомнил ей Княжевич. — Так для чего? Я вас слушаю.

— Аркадий дал мне задание разобрать и рассортировать написанные вами отчёты, — деловито проговорила Велимира. — У меня есть несколько вопросов. Посмотрите?

— Почему бы и нет? Насколько я знаю, правилами это не запрещено, — ответил Дарий, но всё же бросил взгляд в сторону охранника, который посматривал на молодую женщину с заметным интересом. — Показывайте.

Велимира вытащила из сумки небольшой ноутбук в чёрном чехле, включила его и, пока тот загружался, пристально посмотрела собеседнику прямо в глаза.

— Мне бы хотелось пригласить вас на ужин, когда вы отсюда выйдете, — произнесла Велимира. — Даже и не вздумайте возражать, Дарий. Ваш любимый ресторан?

— Для чего это вам нужно? — поинтересовался он.

— Хочу отметить ваше освобождение и пообщаться с вами в неформальной обстановке, — просто ответила она. — А с чего такая недоверчивость? Вас редко приглашают на ужин?

— Я думал, что такие приглашения обычно делают мужчины.

— Изжившие себя стереотипы, — поморщившись, бросила Велимира, и её длинные пальцы запорхали по клавишам ноутбука.

При взгляде на файлы с написанными им самим отчётами у Дария возникло странное ощущение. Пришла неприятная в своей очевидности мысль о том, что он не сможет заниматься своей работой ещё целых полгода — вплоть до освобождения из темницы. Это означало, что кто-то другой возьмёт на себя все незаконченные дела, отправится за него в командировки, займёт его место. Кроме того, Княжевич был несколько удивлён тем фактом, что Фогль позволил Вишневской просматривать даже засекреченные отчёты. Обычно они попадали к начальству сразу, минуя секретарей.

Совсем не так проста молодая женщина, какой хочет показаться, и любопытно, по чьей же протекции ведьма оказалась на этой работе...

— Так я могу считать, что вы дали обещание со мной поужинать? — спросила Велимира, поймав его взгляд.

— Вы готовы ждать полгода? — с иронией отозвался Княжевич.

— Возможно, это случится раньше, — лукаво заметила она.

В ответ Дарий только пожал плечами и наклонился к экрану ноутбука, который она предусмотрительно к нему развернула. Когда он потянулся к тачпаду, их ладони соприкоснулись. Велимира медленно убрала руку и заправила за ухо светлую прядь волос.

Через некоторое время, когда посетительница ушла, и Княжевич вернулся в свою камеру, он сидел, прислонившись к стене, и вспоминал эту встречу. Никаких особенно сложных вопросов по поводу его рабочих отчётов она не задавала, и ему всё больше казалось, что это было всего лишь предлогом для встречи с ним. Словно Велимира прощупывала почву, но с какой целью? На что он может повлиять, находясь за решёткой? Или это Фогль в очередной раз что-то задумал за его спиной?

Когда охранник снова заглянул к нему, Дарий почти задремал, не обращая внимания на раздававшиеся вокруг разговоры, к которым успел привыкнуть настолько, что начал воспринимать их как фоновый шум.

— Что, опять кто-то пришёл? — осведомился у охранника Княжевич.

— Вызывает к себе Верховный Инквизитор, — понизив голос, сообщил тот.

Разговоры вокруг разом стихли. Такое в темнице случалось крайне редко. Если кого-то вызывал сам Верховный Инквизитор, то все знали, что происходит нечто особенное — по ерундовым делам глава Инквизиции ни с кем из магов-заключённых не встречался.

Дарий недоверчиво посмотрел на охранника, который и сам казался удивлённым возложенной на него миссией. Через несколько секунд Княжевич вышел из камеры. Его дальнейший путь оказался чуть более долгим, чем привычный маршрут до помещения для посещений. Извилистые коридоры, мрачные стены, решётки с серебром. Кабинет, куда его привели, не так уж сильно отличался от привычных интерьеров темницы, но, судя по всему, это было не то место, где Верховный Инквизитор проводил большую часть своего времени, а, следовательно, тот присутствовал здесь только для встречи с ним, Дарием Княжевичем.

Ощущение, испытываемое им в тот момент, когда Дарий перешагивал порог среднего размеров кабинета, было странным, в нём смешались любопытство, настороженность и смутно осознаваемая надежда, хотя разумом он и понимал, что лучше не ждать от предстоящей беседы ничего хорошего.

Княжевичу ещё ни разу не приходилось встречаться с нынешним Верховным Инквизитором. Тот предпочитал не снисходить до простых смертных. Поговаривали, будто Глава Инквизиции — человек крайне замкнутый и слишком занятый для того, чтобы находить время на встречи с магами из МН даже по рабочим вопросам. Эту функцию выполняли обычные инквизиторы. Среди них встречались весьма разумные и адекватные люди, но всё же пересекаться с ними Дарий не любил — слишком ещё жива была в нём память о том времени, которое он провёл в приюте, организованном их предшественниками.

Сейчас перед ним предстал высокий мужчина с идеальной осанкой и седеющими на висках густыми тёмными волосами. Он производил впечатление полной бесстрастности и холодной отстранённости. Одет Верховный Инквизитор был не в форму, а в строгий чёрный костюм, подчёркивающий его худобу и аристократичный вид.

— Не ожидал, что вы захотите увидеться со мной, — проговорил Дарий после приветствия. Рукопожатием они не обменялись. Княжевич остановился у двери, словно в любую минуту был готов развернуться и выйти из кабинета.

— Почему же? — произнёс в ответ глава Инквизиции. Жестом он предложил ему сесть и сам занял место за пустым столом у окна. — Не так часто в нашу темницу попадают специалисты Магического Надзора.

— Надеюсь, это не заставляет вас усомниться в целесообразности самого существования нашей скромной организации? — сядя на стул, спросил Дарий.

— А следовало бы? — парировал Верховный Инквизитор. — Давайте начистоту и без предисловий, Дарий Андреевич. Я знаю, почему вы устроились на работу в МН. Знаю, что вы хотите найти. Знаю, по какой причине вы нас ненавидите.

— Можно подумать, другие маги вас обожают, — хмыкнул Княжевич, но тут же посмотрел на собеседника серьёзно. — К чему вы мне всё это говорите?

— Буду откровенен — мне требуется ваша помощь. Нужно, чтобы вы поработали на меня. Взамен я могу предложить выпустить вас из темницы раньше установленного срока — через три месяца. А также помогу вам узнать, что произошло с вашей семьёй, пока вы находились в приюте.

Глава 38

Три месяца спустя

Вероника

Сидя в библиотеке университета в окружении сложенных в несколько стопок книг, я старалась сосредоточиться на аудио-приложении к учебнику латинского языка.

Раздались быстрые шаги, и чьи-то ловкие пальцы стащили с меня ободок наушников. Вздвогнув, я подняла взгляд и увидела рыжие волосы и лукавые зелёные глаза. Девушка-лисичка села напротив меня, отодвинув в сторону одну из стопок и едва не свалив её на пол.

Это была Шейла Розмари Макмиллан — студентка Лондонского Университета Магии и моя подруга, рыжая девушка с кучей татуировок и привычкой сместить преподавателей даже на экзаменах. Мы учились на одном курсе и проживали не слишком далеко друг от друга, поэтому могли ездить в университет вместе на электричке или на автобусе — я категорически отказалась от того, чтобы Тео возил меня на учёбу или оплачивал такси. Шейла приехала в Лондон из Инвернесса в Шотландии и снимала комнату.

Обычно я с трудом находила общий язык с людьми. Но Шейла подружилась со мной сама. Произошло это в один из моих первых дней в университете. Она просто подошла ко мне на лекции и села рядом, а позже спросила, не хочу ли я сходить с ней в кафетерий. С тех пор мы начали общаться всё чаще.

Шотландская ведьма оказалась весьма энергичной, любопытной и настойчивой. Вот и сейчас глаза Шейлы так и горели от предвкушения рассказать мне какую-то очередную новость. Увы, её ничуть не беспокоил тот факт, что для этого ей пришлось отвлечь меня от изучения латыни. Я опустила глаза на лежащий передо мной листок бумаги и смущённо поняла, что во время прослушивания аудио-урока машинально успела написать на нём имя Дария, причём не один раз. Обнаружив это, тут же свернула и спрятала листок, стараясь сделать это незаметно.

Несмотря на то, что уже больше трёх месяцев я не видела Княжевича и не слышала ничего о нём, он продолжал незримо присутствовать в моей жизни и, казалось, укрепился в ней даже сильнее, чем тогда, когда мы виделись каждый день. Стоило больших усилий ни с кем о нём не разговаривать. Мне было неловко обсуждать подобные вещи с Тео, а рассказать Шейле я тоже не могла — хоть шотландская ведьма и стала моей подругой, она не должна была знать о фиктивной помолвке.

— Тебе не кажется, что ты слишком много учишься? — поинтересовалась Шейла, постучав ярко-оранжевыми ногтями по обложке одной из книг. — Так, слушай... — начала она, но, скользнув внимательным взглядом по залу, поднялась с места. — Лучше позже поговорим, не буду тебе мешать. До встречи!

Я растерянно посмотрела ей вслед. Подобное поведение для Шейлы было странным и нелогичным. Решив обязательно узнать, что же такое она хотела мне поведать, я снова потянулась к наушникам, но задела одну из стопок, и книги полетели на пол, прямо под ноги студенту, который проходил мимо.

— Извините, — проговорила я, наклоняясь, чтобы подобрать рассыпавшиеся учебники. Он сделал то же самое, и мы столкнулись головами. — Извините меня, — повторила я, и

молодой человек рассмеялся.

Когда он выпрямился, я получила возможность его рассмотреть. Темноволосый, симпатичный, среднего роста. Одет, как почти все здесь, в тёмно-синие джинсы, футболку и кеды.

— Вы уверены, что сможете поставить все эти книги обратно на полки? — поинтересовался он, смерив меня взглядом. — И прочитать их. Мне столько и за месяц не осилить, если честно.

— Я не собираюсь читать все сразу от корки до корки, — ответила я.

— Кстати, меня зовут Дин, — протягивая мне руку, проговорил парень.

— Вероника, — пожимая его ладонь, представилась я. — Можно Ники. Здесь меня почти все так называют.

— Красивое имя, — заметил новый знакомый и, выпуская мою руку, посмотрел на кольцо. То самое, что надел мне Тео. — В этом университете осталась хотя бы одна не помолвленная ведьма?

— Одна точно осталась, — произнесла я и вспомнила про Шейлу. Пожалуй, Дин бы ей понравился.

— Обещаете познакомить?

— Почему бы и нет? — отозвалась я и, вырвав из блокнота чистый лист бумаги, написала на нём свой номер телефона. — Можем куда-нибудь сходить, так и познакомлю. Только свободного времени у меня не слишком много.

— Вижу, — покосившись на грудку книг, ответил он. — Обязательно позвоню. Желаю удачи в учёбе, мисс Вероника.

— Просто Ники, — сказала я и, улыбнувшись, снова нацепила наушники.

Пальцы словно сами собой потянулись к листку, где моей рукой было написано «Дарий», как будто только одно его имя давало ощущение того, что он где-то рядом, что воспоминания о нём заставляли и его помнить меня — там, в другой стране. Возможно, всего лишь иллюзия. Но у меня оставалось только это.

Тео так и не объяснил, для чего ему потребовалось заключать со мной договор о фиктивной помолвке.

С некоторыми из членов его семьи я уже успела познакомиться. В тот день, на который был запланирован ужин с ними, я сильно волновалась. Предстояло произвести на родственников Тео хорошее впечатление и не выдать себя, ничем не показать того, что это всего лишь спланированный нами спектакль.

Ужин прошёл не так уж плохо. Я несколько сомневалась в том, что родители Тео сумели по-настоящему принять меня, учитывая, что могли бы подыскать для него девушку из британской семьи. Но тут уж совершенно не было ни моей, ни его вины — они сами когда-то позволили Александру Владимировичу решить судьбу их сына. Впрочем, со мной они были весьма вежливы и ничем не дали понять, что я не подхожу их семье. Вернее, семьям, поскольку они уже много лет не жили вместе, и на тот ужин мистер Тревельян пришёл со второй женой и дочерью.

Сестру Тео все называли Холли, но я почему-то сомневалась, что это её полное имя. Она мне понравилась, к тому же, как выяснилось, девушка тоже ещё не окончила университет и не имела права пользоваться магией, как и я. С братом у неё сложились довольно тёплые отношения, несмотря на то, что они с Тео постоянно поддразнивали друг друга.

Что же касается моих отношений с Тео, то они тоже не стояли на месте. Поначалу я чувствовала себя довольно неловко из-за того, что нам пришлось жить в одном доме, хотя и в разных комнатах. Я помнила его слова о том, что в каких-то случаях нам придётся перебраться в одну комнату, сделав вид, что мы настоящая пара, но пока поводов для этого не находилось. Обычно я почти весь день проводила в университете, а встречались мы только за ужином, который готовила миссис Лукас — невысокая добродушная женщина лет сорока пяти. По выходным, если у меня не было дополнительных занятий, мы с ним или с Шейлой ходили куда-нибудь или ездили за город.

Несмотря на то, что мы постепенно сближались и будто снова обретали прежнюю детскую дружбу, Тео во многом оставался для меня загадкой. Я знала, что он специализировался на магии пространства и времени. В выборе собственной специализации я пока ещё колебалась, хотя времени до её окончательного выбора оставалось не так уж много.

Помимо программы университета, я изучала латинский язык, создание иллюзий, руны, основы боевой магии и даже магию крови, хотя, когда впервые пришлось порезать себе палец, мне едва не стало плохо. Во всём этом я искала не только знания и надёжную опору на будущее, но и возможности для того, чтобы не дать своим врагам одержать надо мной верх. Я знала, что когда-нибудь должна с ними снова встретиться, и мне хотелось быть готовой к этой встрече.

Глава 39

Инна

Расчёска выпала из пальцев и прогремела по полу. Выругавшись про себя, а затем и вслух, Инна рассерженно отшвырнула в сторону стоящую перед ней шкатулку с украшениями. В этот вечер у неё всё в буквальном смысле валилось из рук. Если обычно она считала, что любит подобные мероприятия и подготовку к ним, то сейчас хотелось попросту остаться дома. Отец бы этого не одобрил, но он сообщил, что отправится прямо из офиса, а за ней пообещал заехать Мартин.

Небольшие осенние каникулы студентов Университета Магии подходили к концу. Инна жила в загородном доме Розенбергов, а по окончании каникул намеревалась вернуться в общежитие. Мартин предлагал ей поселиться вместе, но она пока не дала ему окончательного согласия, пообещав подумать.

Нельзя сказать, что помолвка застигла её врасплох, поскольку однажды это всё равно должно было случиться. И всё же ощущение, когда Шталь надевал ей на палец кольцо, казалось странным. С одной стороны, Инна чувствовала гордость, но она впервые задумалась о том, что приобретал её отец от будущего брака, и что теряла она сама.

Карл Розенберг хотел иметь сына и наследника. Это ни для кого не являлось секретом. Но мать Инны, с которой он уже довольно давно находился в разводе, больше не могла иметь детей. Если же говорить о других женщинах, что появлялись в его жизни, то ни одна из них так и не стала второй женой, поэтому все надежды оказались возложены на единственную дочь и будущего зятя, которого он сам выбрал.

Не так давно Инна случайно услышала разговор о том, что сам Карл Розенберг женился вовсе не на той ведьме, с которой был помолвлен. Что-то помешало договорённости, и брак так и не состоялся. Его женитьба на матери Инны стала довольно поспешным решением, и, как известно, долго их семейная жизнь не продлилась. Возможно, для дочери он рассчитывал на более счастливое развитие событий. Или же отца просто полностью устраивал тот факт, что Мартин Шталь на правах члена семьи взял на себя значительную часть его дел и вложил в них собственные средства.

Родителей у Мартина не было, поэтому знакомства с ними Инна избежала. Это, пожалуй, стало основным плюсом помолвки, потому что ещё одного комплекта готовых воспитывать её взрослых магов она бы не потерпела. Хватало и собственных родителей.

На сегодняшний вечер назначили торжественный приём у давних знакомых отца. Кажется, эта семья отмечала годовщину свадьбы. Инна задалась вопросом, сами ли они выбрали друг друга или же решение родственников оказалось удачным. А, возможно, все вокруг просто притворялись ради собственной выгоды и для того, чтобы сохранить лицо. Чтобы никто не догадался, что они ненавидят друг друга, сохраняя видимость счастливой семьи.

Эти мысли ей не понравились. Инна с раздражением отвернулась от зеркала и всё же подобрала с пола расчёску. В коридоре раздались шаги, и в дверях её комнаты появился Мартин.

— Ты хорошо выглядишь, — проговорил он, скользнув взглядом по её новому чёрному

платью с красной отделкой. Возможно, такое сочетание цветов казалось слишком смелым, и её мать, которая в очередной раз уехала куда-то со своим общественно-полезным проектом, именно так бы и посчитала. Но Инне эти оттенки подходили.

— Ты тоже, — ответила она. Мартина, пожалуй, нельзя назвать красавцем, но в классическом чёрном костюме и чёрной же рубашке выглядел он довольно загадочно и дьявольски притягательно. Особенно, когда улыбался.

— Поторопись, мы опаздываем.

— Я уже готова.

Ещё один взгляд в зеркало, и, накинув на себя недавно купленный плащ, Инна направилась к выходу. Через некоторое время они уже ехали в машине — из одного загородного посёлка в другой. Мартин предпочитал не пользоваться услугами шофёров и водил свой дорогой автомобиль сам.

Очередной торжественный приём, ещё один вечер, на котором нужно выглядеть красиво и быть вежливой. Инна поймала себя на мысли, что это скучно. Если б ей предложили пойти в самый обычный ночной клуб, она бы, пожалуй, с радостью согласилась, но представить в ночном клубе Мартина Шталя невозможно. Теперь и это её развлечение осталось в прошлом. Вместе с экстремально короткими юбками и донельзя ярким макияжем.

— Чёрт, а она-то что тут делает? — пробормотала Инна, глядя на светловолосую молодую женщину в длинном красном платье.

Велимира Вишневская — та самая любовница её отца, которая успела так достать Инну за летние каникулы, что начало занятий в университете показалось праздником. В настоящее время эта особа не жила в их загородном доме, перебравшись в город, — Инна надеялась, что навсегда. Но, судя по всему, Велимира была вовсе не так проста и не настолько озабочена лишь собственным внешним видом, как поначалу казалось.

Инна, оставаясь пока незамеченной, наблюдала за тем, как в поле зрения Велимиры появился мужчина в чёрном костюме и белой рубашке, и та направилась к нему, прихватив по дороге второй бокал какого-то сложносочинённого коктейля. Когда мужчина повернулся, Инна едва не ахнула. Кавалером блондинки оказался Дарий Княжевич, тот самый маг, с которым она не раз видела свою уже бывшую однокурсницу Веронику Солнцеву.

— Этой гадине мало моего отца? — обращаясь к Мартину, произнесла Инна, но тут увидела Карла Розенберга, который совершенно спокойно прошёл в нескольких метрах от любовницы, ничем не показав, что его задевает её поведение. Да что там поведение! Он сделал вид, будто вообще её не знает, и точно так же поступила сама Вишневская.

— Не обращай внимания и не подходи к ней, — негромко произнёс Шталь в ответ на её слова.

— Даже не собиралась, — фыркнула Инна, глядя, как Велимира напропалую флиртует и веселится, то и дело будто бы случайно прижимаясь к собеседнику наиболее выдающимися частями тела.

— Кстати, теперь она работает секретарём в МН, так что вполне может поболтать с коллегой по работе, — добавил Мартин.

— Это теперь так называется? — саркастично отозвалась Инна. Ничего, кроме возмущения, новость у неё не вызвала. Выходит, теперь в Магическом Надзоре такая нехватка кадров, что они Велимиру на работу взяли?

— Не стой здесь, пойдём, — проговорил жених и потянул её в ту сторону, где скрылся

несколькими минутами ранее отец. — Надо поздравить хозяев дома. Подарок я купил.

Бросив ещё один взгляд в сторону беседующей парочки, Инна направилась за Мартином. Ей стало любопытно, известно ли Веронике о том, чем и, что немаловажно, с кем занят в настоящее время Княжевич. Или ей теперь нет до этого дела, учитывая, что Солнцева уехала в Лондон с британским магом?

Глава 40

Вероника

— Нет! Не так! Ты должна как следует рассердиться! Представь того, на кого ты зла! Почувствуй в себе эту ярость, давай же! — кричал преподаватель боевой магии мистер Фелпс, чтобы меня подбодрить.

Я стояла посреди заднего двора дома, где жили мы с Тео, и старалась вообразить светящийся шар между ладонями, а затем и создать его. Пока получалось не слишком хорошо. Мистер Фелпс считал, что мне сложно захотеть причинить кому-то вред.

— Злись, Ники! Сконцентрируйся! — добавил он, начиная ходить туда-сюда вдоль изгороди. — И не смотри так часто на свой амулет — это ты должна наполнять его силой, а не он тебя!

Я зажмурилась и попыталась снова. Перед глазами возникло лицо Мартина Шталя в тот день, когда я вернулась домой из квартиры Дария, а затем — вечером после объявления о помолвке. Вспомнила, как он ударил меня по лицу, и будто почувствовала ожившую снова жгучую боль и пережитое унижение.

Кожу на ладонях закололо от просыпающейся энергии, которая нарастала по мере того, как усиливалась моя злость на Мартина, Карла Розенберга, Александра Владимировича, который изображал из себя заботливого дедушку, распоряжаясь чужими жизнями, словно фигурами на шахматной доске. Возникший моими усилиями шар оказался размером с теннисный мяч, горящий ярко-оранжевым светом. Размахнувшись, я запустила им в стену и пронаблюдала за тем, как он ударился в неё и через несколько секунд погас.

— А вот это было неплохо! — воскликнул мистер Фелпс, и, услышав в его голосе долгожданное одобрение, я улыбнулась.

— Спасибо.

Я отряхнула руки, ощущая лёгкую усталость и небольшой звон в ушах. Если бы в Инквизиции узнали об этих занятиях, то и у мистера Фелпса, и у меня появились бы неприятности. Поэтому Тео и выбрал это место для тренировок.

Погода была промозглой и туманной, но я почти не чувствовала холода. Отголоски энергии, что потребовалась для создания шара, всё ещё ощущались во всём теле. Такой яркий шар и настолько сильный удар получились у меня впервые.

Звонок моего мобильного телефона послышался от крыльца, на котором я его оставила. Это оказалась Шейла. Я почти забыла о наших планах.

— Жду тебя в салоне красоты через полчаса! — прокричала подруга. — Поторопись! Ты ведь помнишь, что у нас сегодня двойное свидание? Не хочу, чтобы ты пошла без макияжа и в какой-нибудь растянутой майке.

Я только вздохнула. Мне не нравилось обманывать Шейлу и остальных, но другого выбора не было. Она думала, что мы с Тео — счастливая помолвленная пара, и приходилось делать вид, что так оно и есть.

Не так давно я приняла решение познакомить Шейлу с Дином — довольно симпатичным молодым человеком, который встретился мне в библиотеке университета. Учитывая, что они оба ещё не были помолвлены, мне показалось, что это интересная идея,

хотя чувствовать себя сводницей было на редкость странно. В ответ на предложение сходить куда-нибудь вместе Шейла поставила условие — она пойдёт, если я приглашу также и Тео, чтобы, как она выразилась, не быть третьей лишней и не перетягивать внимание Дина на себя. Я сомневалась, что у меня получилось бы отвлечь чьё бы то ни было внимание от болтливой рыжей ведьмочки с ярко-зелёными глазами, но на двойное свидание согласилась. Шейла заявила, что предварительно отведёт меня в салон красоты и принесёт туда же собственноручно сшитое платье.

— Мне пора, — попрощался мистер Фелпс. — Всего доброго, Ники. Ещё раз хотел бы отметить твой сегодняшний успех.

— Надеюсь, не последний, — ответила я, глядя, как озаряется открытой улыбкой лицо этого высокого загорелого мужчины лет пятидесяти. Тео сдержал своё слово — нашёл отличных учителей и не задавал лишних вопросов о том, для чего мне нужны все эти дополнительные занятия. Я тоже не могла подвести его и пыталась не быть чересчур любопытной.

Когда мистер Фелпс ушёл, я выкроила несколько минут на то, чтобы принять душ, а затем помчалась на автобусную остановку. Шейла не любила ждать, хотя сама частенько опаздывала. Но сегодня она явно собиралась быть пунктуальной и сама назначила нам время в салоне.

Я помнила своё посещение салона красоты перед вечером помолвки. Результат мне тогда, помнится, даже понравился. В повседневной жизни я по-прежнему предпочитала простую одежду, почти полное отсутствие косметических ухищрений и обувь без каблуков.

Образ самой Шейлы постоянно менялся, но всегда оставался эффектным. Она сама шила одежду и очень любила экспериментировать с внешним видом. Я даже подозревала, что порой подруга прибегала к специальным магическим амулетам.

Вот и сегодня Шейла выглядела весьма интересно. Я обнаружила её нетерпеливо прогуливающейся перед салоном красоты со скромной, но явно дорогой вывеской. Она надела длинное платье с корсетом под старину, и, если не знать шотландскую ведьму достаточно хорошо, можно было даже посчитать её нежным и романтичным созданием, словно сотканным из стихов, баллад и лондонских туманов.

Когда же я увидела платье, приготовленное Шейлой для моей скромной персоны, у меня в буквальном смысле глаза на лоб полезли.

— У тебя материала не хватило? — пощупав бархатистую тёмно-зелёную ткань, поинтересовалась я.

— Ничего ты не понимаешь, — фыркнула Шейла. — Посмотри на себя!

— Я каждый день гляжусь в зеркало.

— Значит, ничего не замечаешь. Тебе надо демонстрировать фигуру, особенно, ноги. В этом платье ты их покажешь.

Я нахмурилась. Если Шейла вбила себе что-нибудь в рыжую голову, переубедить её было на редкость сложно. Сейчас она решила нарядить меня в короткое платье, оставляющее открытыми плечи. К нему также полагалась накидка. Я задалась вопросом, сколько времени понадобилось подруге, чтобы сшить это платье, и почувствовала себя неблагодарной.

— Мне очень нравится, — произнесла я, и Шейла, лукаво подмигнув, потащила меня за собой прямо в руки поджидающих нас стилистов.

Через некоторое время я снова не сразу узнала себя в зеркальном отражении. В платье, с полноценным, но не слишком ярким макияжем и тщательно уложенными волосами,

которые, впрочем, выглядели вполне естественно. Шейла, стоя рядом со мной, лучилась от гордости.

— Ты — красавица! — восторженно воскликнула она и махнула рукой, чтобы нам принесли ещё мятного чая. — Тео ведь не забудет? Он обычно не опаздывает.

Я кивнула. Тео на удивление спокойно отнёсся к тому, чтобы пойти на это странное мероприятие под названием «двойное свидание». Он даже заказал столик в ресторане, куда довольно сложно попасть. Если раньше я думала, что постараюсь уйти и вытащить оттуда Тео как можно раньше, то сейчас, глядя в зеркало, поймала себя на желании хорошо провести вечер. Я слишком много занималась учёбой, поэтому отказывала себе практически во всех развлечениях в Лондоне, но всё же имела право на ужин в хорошей компании на крыше высокого здания, где находился выбранный Тео ресторан.

Жаль только, что Дария не было сейчас здесь и со мной... Хотелось рассказать ему о том, чему я успела научиться, а, возможно, и продемонстрировать кое-что. Я скучала и старалась постоянно находить себе какие-нибудь занятия, чтобы не мучиться от невозможности увидеть его, услышать знакомый голос, прикоснуться к нему.

— О чём ты думаешь? — полюбопытствовала Шейла, заметив, что я отстранённо смотрю куда-то поверх чашки с чаем.

Я пожалала плечами и встала, увидев через окно, что возле салона красоты остановилась машина Тео. Он заехал за нами, как и обещал. С Дином мы договорились встретиться уже в ресторане.

— Вы обе прекрасно выглядите, — проговорил Тео, когда мы, набросив свои накидки, вышли из здания.

— Погоди, ты ещё платье Ники как следует не рассмотрел, — гордо отозвалась Шейла, осторожно, чтобы не измять свой длинный наряд, забираясь в машину. — Но у тебя будет на это время. Вся ночь впереди!

— Шейла! — прошипела я ей, сядя рядом и бросая на Тео извиняющийся взгляд.

— А что я такого сказала? — парировала она. — Вы ведь помолвлены и живёте вместе! Кстати, Тео, ты сегодня просто великолепен, все девушки в ресторане шеи свернут, когда будут тебя рассматривать!

Я, не выдержав, захихикала. Compliments у Шейлы своеобразные, как, собственно, и манера общения, но к этому требовалось просто привыкнуть. Посмотрев на Тео, я мысленно согласилась с оценкой, которую ему дала подруга, — в чёрном костюме с галстуком он, в самом деле, выглядел замечательно.

Путь до ресторана занял примерно двадцать минут, и всё это время Шейла, не переставая, болтала о самых разных вещах, перескакивая с одной темы на другую, как сломанный радиоприёмник. Тео только улыбался, а я думала о том, как отреагирует на эту девушку Дин. Может быть, зря я заварила эту кашу? Но отменять намеченное было уже поздно. Машина остановилась перед высотным зданием, и на мой мобильный телефон пришло сообщение, что четвёртый участник сегодняшнего мероприятия нас уже ждёт.

Мы поднялись на скоростном лифте и оказались на крыше здания, в ресторане. Нас провели к столику, возле которого уже стоял Дин. Шейла неожиданно перестала стрекотать и, вежливо поздоровавшись, протянула ему руку, которую молодой человек сначала растерянно пожал, а затем поцеловал. Мы с Тео переглянулись. Возможно, это знакомство всё же оказалось не такой уж плохой идеей.

Постепенно неловкость прошла, вскоре мы уже сделали заказ и приступили к вину,

которое нам порекомендовали. Интерьер ресторана напоминал сказочный дворец. Красиво и роскошно, но в то же время довольно уютно, а от мысли о том, на какой высоте мы находились, возникало ощущение лёгкого страха, перемешанного с восторгом.

Шейла, очевидно, решила пока сильно не забалтывать собеседника и больше слушала, чем говорила. Вино оказалось вкусным, принесённые нам блюда, каждая порция которых выглядела произведением искусства, — ещё лучше. Мне нравилось находиться здесь, и я, в самом деле, надеялась на то, что новый знакомый и подруга найдут общий язык.

Когда Тео слегка потянул меня за локоть и шепнул, что мы могли бы немного пройтись, пока не подали десерт, я не стала возражать. К тому же, к этому времени Шейла и Дин были так поглощены беседой друг с другом, что нашего ухода даже не заметили. Пожалуй, я могла бы поздравить себя с успешным дебютом в роли брачного агента.

Мы вышли на огибающий ресторан балкон. Дыхание перехватило при виде расцвеченного огнями города, который мне впервые выдалось увидеть с такой высоты. Тео с улыбкой наблюдал за мной.

— Это прекрасно. Спасибо, что привёл нас сюда, — проговорила я. — А знаешь, мистер Фелпс меня сегодня впервые похвалил!

— Ничуть не сомневаюсь, — отозвался Тео. — Я рад, что ты захотела сюда пойти. Тебе нужно не только учиться, но и отдыхать тоже.

— Да, Шейла умеет уговаривать, — заметила я.

Тео молчал, и мне вдруг захотелось угадать, о чём он задумался. Я ещё очень многого не знала о нём. А ему было известно, что мой отец инквизитор, но, кажется, его это совсем не пугало и даже не удивляло. Он принимал меня такой, какая я есть, — не как феномен в магическом мире и не как ту, от которой неизвестно, чего можно было ожидать. Мне такое отношение очень нравилось.

Накидку я оставила в гардеробе, так что Тео снял и накинул мне на плечи свой пиджак. От него приятно пахло, и я, наклонив голову, на мгновение прижалась щекой к тёплой ткани. Тео, облокотившись на перила балкона, смотрел на меня с каким-то странным выражением.

— А мы вас потеряли, — произнесла Шейла, стук каблуков которой я слышала за несколько секунд до её появления. Шотландская ведьма улыбалась и слегка покачивалась в такт доносившейся из зала инструментальной музыке. — Там десерт принесли.

Глава 41

Дарий

Нельзя сказать, что три месяца за решёткой пролетели незаметно. Впрочем, у Княжевича оказалось достаточно времени, чтобы как следует обдумать предложение Верховного Инквизитора. Тот, в самом деле, знал о нём слишком много. О годах, проведённых о приюте, о личных счетах, о том, что ему хотелось выяснить. Возникало ощущение, будто этот человек, которому так много о нём известно, сам предпочитал оставаться абсолютной загадкой.

Взяв некоторое время на размышления, Дарий всё же ответил согласием на предложение поработать на Верховного Инквизитора. Отсиживать в темнице положенные шесть месяцев, лишившись прав на использование магии и выполнение работы, не хотелось. Три месяца представлялись куда более коротким и, соответственно, приемлемым сроком. К тому же, обещанная за работу информация, в самом деле, оказалась нужна. Этот человек знал, чем его можно заинтересовать.

Дарий Княжевич попал в приют Инквизиции, потому что ребёнком не мог сдерживать свои способности. Тогда он попросту не понимал, для чего это нужно делать и как. Магия наполняла его, казалась неотъемлемой частью, и, хотя родители с гордостью отмечали проявления таланта сына, они постоянно боялись за него и, как выяснилось, не зря. Однажды за ним пришли инквизиторы. Родители пытались спасти его от приюта, обещая, что будут строже следить за ним, и неконтролируемых выбросов магии больше не повторится, но те не пожелали ничего слушать.

Сны об этом продолжали сниться Княжевичу до сих пор. Они приходили в его ночи дома, в командировках и даже в темнице, где он и так почти не спал. Каждый из этих снов напоминал о том, что случилось в прошлом и разделило его жизнь на два периода — с семьёй и без неё.

Может быть, поэтому он с самого начала так сочувствовал Веронике и восхищался её способностью сдерживать собственную магию, которую он заметил, когда наблюдал за ней в школе. Она с самого детства умела делать то, чему он научился гораздо позже. Всего лишь один раз девушка не сумела удержаться, и произошло это в университете, когда перед ней появился Карл Розенберг, и она узнала его голос.

Доказательств не имелось. Влиятельный маг, знаменитый бизнесмен и меценат — кто бы согласился пойти против него? Розенберг и его бывшая жена активно участвовали в воспитании новых поколений магов, и вот теперь Карл Карлович занял место декана в Университете Магии, получив ещё большую власть.

С детства Дария учили тому, что главное — равновесие.

Равновесие между магами и обычными людьми, вынужденными сосуществовать вместе в течение многих веков. Между магическим сообществом и Инквизицией — теми, кто родился с антимагией, этой особенной способностью противостоять магии. Каждый раз, когда равновесие нарушалось, это заканчивалось плохо.

Возникновение Магического Надзора оказалось способно решить многие проблемы, что накопились к тому времени. Благодаря специалистам МН, наконец-то закрылись созданные

Инквизицией приюты. Теперь не только инквизиторы, но и сами маги занимались решением возникающих по вине других магов проблем. Появилась своего рода магическая полиция. Именно МН Дарий представлял своим будущим местом работы с того момента, как был закрыт приют, где он жил.

Когда Княжевич окончил университет, в Магический Надзор старались принимать магов постарше и совсем не брали ведьм. Позже было разрешено набирать в штат и женщин, правда, мало кто из них становился специалистом, почти все оставались на должностях секретарей. Как, например, Велимира Вишневская.

Велимира навещала Дария в темнице едва ли не чаще, чем Аркадий Фогль. Неизвестно каким образом начальнику удалось добиться для неё постоянного разрешения на посещения, но Княжевич постепенно успел привыкнуть к тому, что к нему приходит эта молодая женщина. Остальные заключённые посматривали на него с завистью, невзирая на тот факт, что ни разу за всё время их встреч в комнате для посетителей он не позволил себе заговорить с ней во флиртованном ключе или же прикоснуться.

Дарий не нуждался в служебных романах, о которых сплетничали бы все работники Магического Надзора — от специалистов до курьеров. Собственно, ему вообще не требовались никакие романы. Особенно сейчас, когда он получил от Верховного Инквизитора задание столь же необычное, сколь и непростое.

К тому же, не оставляла память о Веронике. Эта синеглазая ведьмочка не желала уходить из его мыслей. Дарий знал, что Фогль не соврал о помолвке, но ничего не мог поделать с желанием снова её увидеть.

Он и сам не смог бы однозначно ответить на вопрос, что именно чувствовал, когда думал о ней. Ревность? Если так называется смесь злости, досады и горького отчаяния, то, пожалуй, ревность. Радовало Дария только то, что девушка оказалась вне досягаемости Розенберга, занятого на своей новой должности, и Мартина Шталя, которому будущий тесть доверил немалую часть своих дел. Но надолго ли? Княжевич не сомневался, что однажды Веронике придётся вернуться в город. Новоявленный родственник Александр Владимирович просто так бы её не отпустил — если уж он за неё взялся, это означало, что Вероника нужна ему.

Велимира не передумала пригласить его на ужин после выхода из темницы. Но сначала они встретились на торжественном приёме в честь годовщины свадьбы. Туда должен был идти Фогль, но он предпочёл устроить себе выходной и отправил вместо себя Дария, заявив, что ему после темницы нужно развеяться. Все уже были осведомлены, что его выпустили раньше, но никто не знал о том, каким образом это было устроено. Начальство вполне удовлетворилось объяснением, что заключённого отпустили по причине того, что рабочее место в МН оставалось свободным, а дел меньше не становилось.

После темницы, где приходилось общаться с весьма ограниченным кругом людей, приём показался Княжевичу чересчур многолюдным, помпезным и непривычным. Велимира надела красное платье, и практически все находящиеся в зале мужчины оглядывались на неё с явным или же замаскированным интересом. Она реагировала на эти взгляды с холодным равнодушием, но на Дария смотрела совсем иначе, нежели на остальных.

— Так как насчёт ужина? — поинтересовалась Велимира, допивая свой коктейль. — Ты выбрал ресторан? Или доверяешь это мне?

— Я думаю, что...

— Ничего не говори, — положив ладонь на его руку, заявила она. — Я обещала тебе

ужин и намерена выполнить своё обещание. Кстати, а зачем нам ресторан? Приглашаю тебя к себе. Я умею готовить не хуже шеф-поваров.

— Ладно, — ответил Дарий, осознавая, что иначе этот вопрос не закрыть, и надеясь, что хотя бы на работе Велимира не будет об этом заговаривать.

— Ты не пожалеешь, — проговорила она в ответ, маняще и загадочно улыбаясь.

Он, в самом деле, не пожалел. Ни о том, что согласился прийти к ней на ужин, который, в самом деле, оказался вкусным, ни о том, что почти случилось позже. «Почти» — потому что неожиданные телефонные звонки иногда оказываются по-настоящему вовремя. Дарий уже целовал Велимиру, вернее, отвечал на её поцелуи, потому что она буквально набросилась на него, когда позвонил Фогль. Начальник негодовал и гневно вопрошал, не собирается ли Княжевич снова сесть в темницу, если всё равно пропадает где-то вместо того, чтобы работать.

Глава 42

Вероника

Я стояла у окна в своей комнате, приоткрыв его достаточно, чтобы чувствовать на волосах ветер. С вечерней улицы пахло свежестью. Закончилась осень, начинался декабрь, и Шейла уже прожужжала мне все уши о том, как красив вскоре будет город, наряженный к Рождеству и Новому году. Она обещала, что мы будем веселиться на полную катушку — пить горячий шоколад, кататься на коньках, гулять по городу, наряжать ёлку и загадывать желания. Я строго отвечала, что у меня на первом месте учёба, а подруга, делая умильное выражение лица, напоминала о каникулах.

Тео в этот вечер дома не было — он уехал и не знал, когда вернётся. Чтобы не скучать, он предложил пригласить пожить вместе со мной Шейлу или его сестру Холли, но я отказалась. Мне было вполне комфортно наедине с собой, к тому же, не хотелось, чтобы у моих дополнительных занятий по магическим искусствам были свидетели.

Жизнь в этом городе оказалась значительно лучше, чем я представляла, когда сидела в самолёте, сжимая ладонь Тео. Мне понравилось тренировать свой разговорный английский, пришёлся по душе городской транспорт, особенно, красные двухэтажные автобусы, да и университет тоже. Кроме того, мне самым неожиданным образом удалось сыграть роль доброй феи для Шейлы и Дина, которых я познакомила, даже не ожидая, что они сумеют настолько проникнуться друг к другу симпатией.

Я немного завидовала этим двоим, видя, как они обмениваются сияющими взглядами и нежными улыбками. Такие счастливые, открывающие для себя мир юной, неуверенной, но уже такой яркой любви. Мир, что закрыт для меня. Нельзя было выдавать себя и показывать, что мы с Тео вовсе не являемся влюблённой помолвленной парой, поэтому я старалась быть весёлой, как и положено девушке, которую ждёт долгая совместная жизнь с любимым человеком. Но, оставаясь наедине с собой, я тосковала по Дарию так сильно, что к глазам подступали слёзы, а душу захлёстывало горчайшее отчаяние от невозможности взглянуть ему в глаза, поговорить, обнять.

Вдруг вспомнилось, как мы с Тео сбежали на балкон ресторана, оставив Шейлу и Дина вдвоём. Тогда мы стояли рядом, и перед нами расстился вечерний Лондон, наполненный мерцанием огней и едва уловимой магии, сетью охватывающей город. В то мгновение неожиданно показалось, будто между мной и Тео что-то произошло. Словно стала крепче тонкая нить, протянувшаяся между нами в вечер помолвки, когда я доверилась ему, а затем узнала, что он — мой лучший друг из детства. Но на балконе появилась Шейла, после чего странное и слегка неловкое это ощущение ослабело, хотя и сохранилось в памяти.

Я ничего не знала о личной жизни Тео. Очевидно, что до встречи со мной в доме Вороничей в его жизни были девушки, но сейчас, как мне казалось, он предпочитал одиночество. Во всяком случае, я ни разу не заставляла его за телефонным разговором с какой-нибудь молодой особой. Да, он давно знал, что помолвлен со мной, но я не думала, что этот факт оказался способен помешать ему встречаться с другими до того, как официальная помолвка состоялась. А, учитывая фиктивность наших отношений, его и вовсе ничего не держало.

Как бы то ни было, я старалась не быть излишне любопытной, поэтому и не задавала ему вопросов. Я была чрезвычайно благодарна Тео за то, что он позволил мне жить в его доме, учиться в университете, а также получать дополнительные уроки. Моё намерение завершить образование в Британии, означало невозможность скорого возвращения в свой город, но я убеждала себя, что это к лучшему. Будучи вдалеке от Мартина Шталя и Карла Розенберга, я могла не опасаться угрозы с их стороны и без страха выходить из дома. Но основным недостатком этого положения стало то, что я находилась далеко и от Княжевича тоже...

Несмотря на расстояние между нами, я ни на мгновение не позволяла себе забыть о нём. Видела его во сне. Называла себя глупой девчонкой, по уши влюблённой во взрослого мужчину, но ничего не могла с этим поделать. К тому же, Дарий ради меня пожертвовал немалым. Пока я ничем не могла его за это отблагодарить, но ждал ли он от меня благодарности?

Если б я могла поговорить об этом с кем-нибудь, то, пожалуй, рассказала бы и попросила совета. Но, как бы ни была симпатична мне Шейла Макмиллан, я не могла поведать ей о том, что люблю человека, оставшегося в другой стране, а вовсе не своего жениха. Требовалось разыграть спектакль до конца, пока Тео это для чего-то было нужно.

Когда мелодичная трель дверного звонка послышалась с первого этажа, я вздрогнула и, бросив взгляд на часы, вышла в коридор. Спустилась на первый этаж и потянулась к «глазку» входной двери. Ощущение прохладного страха напомнило тот вечер, когда я пришла в квартиру приёмных родителей и обнаружила там Мартина.

— Это ты! — воскликнула я, открыв дверь.

— А ты кого ждала? — поинтересовалась Шейла, приподнимая брови. — Я помню, что ты не боишься ночевать одна, но сегодня Дин пошёл на матч по крикету, а затем на какое-то семейное торжество, и мне скучно. Я принесла пончики.

— Кажется, уже боюсь, — пробормотала я и направилась в сторону кухни. — Пончики — это хорошо. Какие у тебя планы на завтра?

— Поедем с Дином по магазинам. Хочешь с нами? Завтра ведь выходной. Только не говори, что собираешься в библиотеку!

— Завтра не могу, — ответила я, вспомнив, что назначено занятие у преподавателя, который отказывался приезжать сюда, поэтому мне самой приходилось ездить к нему.

— Вот ведь зануда, — беззлобно проворчала Шейла. — И как только Тео тебя терпит? Когда он вернётся, кстати?

— Пока не знаю.

— Ты по нему скучаешь? — любопытствовала она.

Я растерянно уставилась на неё, затем перевела взгляд в сторону и вдруг поняла, что, в самом деле, успела соскучиться по Тео. Мы не так много времени проводили вместе, но мне нравилось знать, что он где-то рядом, чувствовать его поддержку. Сейчас этого не хватало.

— Да, — ответила я и потянулась к кофеварке. — Давай свои пончики. Бутерброд хочешь?

Шейла кивнула, тряхнув рыжей гривой, и её лицо приняло мечтательное выражение — должно быть, подумала про Дина. А мне стало не по себе. Я не хотела, чтобы Тео занял столь важное место в моей жизни, но, похоже, такие вещи происходят без нашего на то согласия. Можно подумать, мало мне было той щемящей пустоты, которая пришла за последней встречей с Дарием. Не хотелось, чтобы такое же случилось, когда придётся

расстаться с Тео.

Позже мы с Шейлой ели бутерброды и пончики, запивая их кофе, смотрели комедию, и постепенно проходил осадок от недавно испытанного мною страха. Я приготовила ей одну из комнат для гостей. В эту ночь я заснула не сразу, но спала крепко и без всяких сновидений.

Утром, позавтракав и проводив Шейлу на автобус, я отправилась на станцию, где села на электричку. Чувствовала себя довольно странно. Откуда-то снова пришёл страх. Повлажневшие ладони, нехватка воздуха, неприятное холодное ощущение, будто в спину упирается чей-то враждебный взгляд. Всё практически точно так же, как тогда, когда я боялась неизвестной угрозы.

Разозлившись на себя, я направилась вдоль вагонов, ища место, где было бы поменьше людей. Я напомнила себе о том, что мои недоброжелатели далеко, и им не добраться до меня. Вспомнила ощущение накапливающейся между ладоней энергии, способной создать огненный шар достаточно сильный, чтобы зашвырнуть его в того, кто захотел бы причинить мне вред. Но это не помогало. Люди не обращали на меня внимания, и я вдруг почувствовала себя невидимкой, тенью, неслышно пробирающейся среди застывших восковых фигур.

Незаметно я оказалась в самом конце электрички — дальше идти было некуда. Прижавшись к стеклу, посмотрела на убегающие и теряющиеся вдаль рельсы, стараясь перевести дыхание и как-то усмирить настигшую меня панику. Услышав вторгшийся в стук колёс шум, я опустила голову и с ужасом увидела неизвестно, откуда взявшуюся воду, которая прибывала, постепенно поднимаясь всё выше. Вода оказалась холодной. Она уже почти достигла колен, когда я услышала женский крик и поняла, что происходящее заметил кто-то ещё.

Вода исчезла так же стремительно, как и появилась. Только несколько мокрых пятен на полу напоминали о произошедшем. Да ещё мои промокшие джинсы и ботинки, стоять в которых было неприятно. Люди смотрели на меня с неодобрением. Может быть, считали, что я сама это устроила?

Трясущимися пальцами я вытащила из кармана мобильный телефон и набрала номер учителя, к которому ехала. В таком состоянии не получилось бы сосредоточиться на занятиях. На следующей остановке вышла из электрички и пересела на ту, что отправлялась в обратную сторону. Здесь на меня тоже посматривали подозрительно — выглядела я так, словно только что вылезла из глубокой лужи. Не глядя ни на кого, я забилась на сиденье в углу и, обхватив руками плечи, закрыла глаза.

В эту минуту казалось, что моя безопасность — всего лишь иллюзия. Возможно, это была магическая ловушка, а, может быть, просто способ меня напугать, что им вполне удалось. Предчувствие не обмануло — я нигде не могла полностью быть уверенной в том, что враги меня не достанут.

Услышав звонок своего мобильного, я нахмурилась, но, увидев номер Тео, попыталась успокоиться.

— Ники, с тобой всё в порядке? — спросил он. В его голосе угадывалось беспокойство. — Где ты? Что-то случилось?

— Откуда ты... — начала я, но замолчала. — С чего ты так решил? Всё нормально.

— Мы помолвлены, Ники, — проговорил Тео. — Хотим мы того или нет, мы связаны. Я чувствую твоё состояние.

Я ошарашено молчала, глядя в окно. О таком мне даже слышать не приходилось. Чего

ещё я не знала о магических помолвках?

— Сейчас тебе плохо, — добавил он.

— Я в порядке, правда, — ответила я. Не хотелось ещё и его напугать или расстроить. — Просто, кажется, заболеваю, поэтому отменила занятия.

Покосившись на свои мокрые ноги, ставшие слишком чувствительными к холоду, я подумала, что недалеко от истины.

— Надеюсь, ты не разболеешься сильно, — произнёс он.

— Это всего лишь простуда, — быстро сказала я. — А это... действует и в обратную сторону? Я тоже могу чувствовать тебя?

— Можешь, — не сразу отозвался Тео. — Прости. Я думал, ты знаешь.

— Ничего, — ответила я. — Это даже интересно. Возвращайся скорее.

Глава 43

Дарий

Ночная улица с её звуками и запахами, кажущееся бесконечным шоссе и скорость — именно так ему когда-то нравилось проводить свободное от работы время. Когда асфальт дороги ложился под колёса машины, а ветер свистел, сливаясь с музыкой, Дарий чувствовал, как душевная боль, что стала почти привычной за прошедшие годы, притуплялась. Она смешивалась с чувством вины. Почему-то казалось, что, если б он оставался дома, а не находился в приюте, с его родителями бы ничего не случилось. Но, скорее всего, будь он дома, тоже стал бы жертвой, разделив с ними их участь, и так же считал человек, которому он многим обязан в своей жизни.

В частности, спасением этой самой жизни... Человек по имени Ярослав Чарныш был его наставником, старшим другом и первым руководителем МН. Для Дария на месте, которое тот занимал, осталась зияющая обугленная дыра. Увы, уйти с такой должности можно только после смерти. Должно быть, с местом Верховного Инквизитора дело обстояло точно так же.

Вспомнив Верховного Инквизитора, Княжевич задумался, слегка убавив скорость автомобиля. Он уже несколько дней размышлял о пришедшей к нему догадке, но ещё не решил, что ему с этим делать. Слишком многое здесь перемешалось — МН, Инквизиция, магическое сообщество. Всё то, на фоне чего проходила его жизнь. И жизнь этого почти отчаявшегося человека, уже много лет ищущего ответы на свои вопросы.

Почему он доверил это задание именно ему, одному из заключённых? Может быть, почуял в нём родственную душу, кого-то, кто точно так же пытался найти истину и наконец-то отомстить. Дарий планировал месть с самого детства, но сначала требовалось узнать правду о том, что случилось.

Его родители тоже были магами, но далеко не такими влиятельными, как, например, семья Розенбергов или Вороничей. Они никогда не гнались за властью или богатством. А ещё предпочитали не следовать многим устоявшимся традициям магического мира, в частности, не стали искать ему невесту ещё в детстве, решив, что со временем он сделает этот выбор сам.

Дарий подумал про Веронику. Синие глаза, тонкие пальцы в его ладони, трогательные ямочки на коленках, которые она обычно прикрывала джинсами. Почему именно она заставила его пожалеть о принятом решении не связывать себя ничем серьёзным до тех пор, пока не выполнит то, что задумал? Почему эта девочка — одновременно мудрая и наивная, смелая и перепуганная, не желающая принять свою ведьминскую природу, но стремящаяся овладеть магическими навыками и знаниями? Она вызывала в нём непривычные эмоции: беспокойство, щемящую нежность, желание позаботиться о ней и сделать её жизнь лучше. Княжевич тревожился и чувствовал ответственность за Веронику, ведь он присматривал за ней ещё в школе, старался появляться тогда, когда девушка нуждалась в помощи, приносил ей книги, разозлился, когда она, послушавшись его, вышла из квартиры. А ещё он был её первым мужчиной, и это, чёрт побери, тоже что-то значило.

Насколько всё стало бы проще, если б это был, например, кто-нибудь вроде Велимиры.

Взрослая молодая женщина, достаточно искушённая и знающая, чего она хочет. Кто-нибудь, кто не заставлял бы его терзаться догадками, почему Вероника согласилась на помолвку с каким-то иностранцем, которого даже не знала. Мог ли Александр Владимирович угрожать ей? Надавить на неё, принудить покориться его воле, как это сделали остальные родственники?

Почти все. Одно исключение всё же было. Мать Вероники.

Дарий вспомнил об украшенном рубинами браслете, что так естественно и гармонично смотрелся на руке Вероники, будто был создан специально для неё. Никто другой не имел прав на этот амулет, но Фогль решил иначе. Его несколько раздражало, что дочь ведьмы и инквизитора унаследовала от матери силу и не демонстрировала пока никаких признаков антимагии, блокирующей магические воздействия со стороны либо ослабляющей её собственные способности и возможности.

У самого Княжевича были на этот счёт свои догадки, но он предпочитал не делиться ими с начальником. К тому же, поведение Аркадия Фогля день ото дня становилось всё более странным и раздражающим. Судя по всему, ему нравилась Велимира, но та настолько явно отдавала предпочтению Дарию, что Фоглю оставалось только бессильно злиться и подыскивать для Княжевича такие задания, которые позволяли бы держать его как можно дальше от секретаря.

Фогль и не догадывался, что Дария это вполне устраивало. После того ужина у Велимиры они почти не оставались наедине. Ему не хотелось быть с ней грубым, и, разумеется, её привлекательное лицо и стройная фигура не могли не вызывать у него определённого рода желаний, как, впрочем, у всех мужчин в ближайшем радиусе. Но не получалось отделаться от мысли, что всё это весьма подозрительно — назначение нового секретаря, несколько подобострастное отношение к ней начальника, то, что в её руки с самого начала попадали даже засекреченные документы.

Дарий вспомнил квартиру Велимиры, похожую на обитую шёлком шкатулку. Её горячий шёпот, жаркие губы, прижимающееся к нему гибкое женственное тело. Если б не внезапный звонок Фогля, он бы, пожалуй, при всём желании не смог остановиться.

Бросив взгляд на часы, Дарий вспомнил, что до назначенной встречи осталось вполне достаточно времени, чтобы заехать ещё куда-нибудь. К тому же, путь как раз пролегал мимо небольшого бара, завсегдатаями которого были маги. Обычные люди чувствовали себя там не слишком комфортно, поскольку у владельца бара имелось разрешение на применение посетителями магии — безусловно, в разумных пределах. Впрочем, находились люди, которые, наоборот, тянулись к магам и ведьмам. Нередко такой интерес приводил к бракам, родившиеся в которых дети с большой долей вероятности могли унаследовать магические способности и передать их своим потомкам.

Учитывая, что время наступило уже вечернее, бар оказался наполовину заполнен. Погода — уже зимняя, но почти бесснежная и довольно унылая — вполне благоприятствовала тому, чтобы заглянуть в такое место, провести время за бокалом чего-нибудь горячительного и ненавязчивым общением. Не успел Дарий подойти к барной стойке, как его тут же окликнули, и, оборачиваясь, он уже знал, кто это.

Мартин Шталь. Тут как тут, будто почуял, что Княжевич сейчас один. Всё такой же гад, каким он его помнил.

— Тебя можно поздравить? — приподнимая бокал, с усмешкой осведомился Мартин. — Темницы рухнут — и свобода вас примет радостно у входа... Рановато, я-то надеялся, что ты

там задержишься.

— Как видишь, вынужден тебя разочаровать, — ответил Дарий. Цитирующим Пушкина он Мартина ещё не видел. — Говорят, ты поторопился со свадьбой и уже назначил дату, решил не ждать, пока девушка закончит университет.

— А чего ждать? — хмыкнул Шталь, пожимая плечами. — Карл Розенберг и так считает меня своим наследником. К тому же, мне не нравится, что Инна всё ещё живёт в общегитии.

— Неужели тебя пугает конкуренция с молодыми магами? — приподняв брови, заметил Княжевич.

— Очень смешно! Кстати, о конкуренции. Мне нужна твоя девочка.

«Мне тоже нужна моя девочка», — подумал Дарий, но, когда дошло, что сказал Мартин, очень захотелось схватить собеседника за плечи и хорошенько его потрясти.

— Что тебе нужно от Вероники?

— Это моё дело. Вернее, наше с ней. А она-то не скучает — убежала в Лондон с другим парнем. Я был на помолвке. Такое событие нельзя пропустить! — наклонившись почти к самому его лицу, со злорадством в голосе провозгласил Шталь. — Кстати, в ближайшем времени у тебя будет шанс с ней повидаться. У старшего Воронича скоро юбилей, и он, разумеется, пригласит на него всех своих родственников.

Дарий подумал, что Вероника, должно быть, ещё не знает о том, что его уже выпустили из темницы раньше срока. Может быть, ему, в самом деле, следует появиться в доме Воронича на торжественном вечере в честь юбилея? Если она там будет...

— Ты ведь знаешь, где она нашла тот ключ? — отвлекая от размышлений, спросил его Мартин.

— Ключ? — переспросил Дарий.

— Да, тот, который она носила на шее! — с нетерпением уточнил собеседник.

Перед мысленным взором промелькнули воспоминания — праздник, встреча с Инной Розенберг и её новоявленным женихом, внезапный интерес Мартина к висящему на шее девушки ключу, который Дарий сам на неё надел. А затем — магическая ловушка, закончившаяся тем, что Вероника упала прямо под ноги веселящейся толпы и потеряла сознание. Догадка вспышкой молнии пронзила его, мысли о случившемся сложились, как элементы головоломки, и в следующее мгновение Княжевич уже знал о том, что сделал Шталь в тот день.

— Ключ, значит. Чтобы заполучить его, ты готов на всё? Ты едва её не убил!

— Я не планировал её убивать, — разводя руками, произнёс Мартин — ничуть не смущённый его словами. — Всё обошлось. Считай это несчастным случаем.

— Я тебе прямо здесь сейчас устрою несчастный случай, — почти прорывал Дарий, готовясь использовать одно из привычных боевых заклинаний, но Мартин оказался быстрее и, не утруждая себя применением магии, сбил его с ног и прижал к полу.

— Мне нужен этот ключ и, если она без возражений его отдаст, ей же будет лучше, — заявил Шталь, не обращая внимания на раздавшиеся в помещении бара крики. — Кого ей, в самом деле, следовало бы опасаться, так это Розенберга. Учти, я тебе этого не говорил.

Княжевич оттолкнулся от пола и встал на ноги, готовясь наброситься на Мартина, но в этот момент к ним направился владелец бара, задирая рукава и обнажая вздувшиеся мускулы. Он не имел магических способностей, но его жена была ведьмой. В своё время ему пришлось отбивать её у мага, и кулаки в этом, должно быть, весьмагодились.

— Эй, я тут драк не потерплю! — прокричал он. — Выходите на улицу и выясняйте свои отношения там! Поняли?

— Я из Магического Надзора, — проговорил Дарий, поворачиваясь к нему.

— Тогда арестуй его или бей где-нибудь в другом месте, — чуть более миролюбиво заметил хозяин заведения. — А то, если вы тут подерётесь, то кто-нибудь ещё захочет. У меня вышибал нет, я сам вышибу, кого хочешь, а законы и свои права знаю.

— Не сомневаюсь, — ответил Княжевич, успев краем глаза заметить, как Мартин вышел из бара. Посмотрев на украшавшие одну из стен старинные часы, он обнаружил, что ему тоже уже пора. — Приношу свои извинения.

Глава 44

Вероника

Я вырезала фигурное имбирное печенье, периодически бросая взгляды в окно, где лежал выпавший недавно снег. Шейла рыжим вихрем носилась по кухне, помогая мне и пытаясь украсить каждый квадратный метр комнаты. Время от времени она отходила в сторону, гордо оглядывая результаты своей деятельности, и приглашала меня тоже полюбоваться.

До Рождества, которое в Британии, как известно, отмечалось двадцать пятого декабря, оставались считанные дни. Тео уже вернулся, но большую часть времени пропадал где-то и почти ничего не рассказывал. В университете нас отпустили на небольшие каникулы, и даже мои преподаватели-репетиторы заявили, что мне и заодно им нужно некоторое время отдохнуть от наших занятий. Поэтому я неожиданно оказалась почти свободной, если не считать того, что умудрилась взять в библиотеке учебники не только за свой, но и за другие курсы, а также несколько упитанных томов для дополнительного чтения. Шейла считала, что учиться в каникулы — это умопомешательство, поэтому всеми силами старалась оторвать меня от книг и завлечь предпраздничными хлопотами.

Слизнув с пальца глазурь для печенья, я перевела взгляд на подругу, которая, судя по всему, закончила возню с украшением кухни и смотрела на меня так, будто хотела о чём-то поговорить.

— Какие у тебя планы на Рождество? — любопытствовала Шейла, усаживаясь на широкий подоконник.

— Тео сказал, что мы будем праздновать в доме его отца, — ответила я. Особого энтузиазма эта перспектива не вызывала, но деваться было некуда. Похоже, мистер Тревельян, отец Тео являлся человеком той же породы, что и Александр Владимирович Воронич.

— Вот как? — несколько разочарованно протянула шотландская ведьма. — А я почему-то считала, что вы придумаете что-нибудь поинтересней. Например, поедете в романтическое путешествие по Европе.

— А сама-то ты что планируешь? — спросила я, пока Шейла не начала перечислять, что именно, по её мнению, мы с Тео должны были делать в этом путешествии.

— Дин хочет познакомить меня со своими родителями, — сообщила подруга и почему-то покраснела.

— О, знакомство с родителями! — одобрительно воскликнула я. — Быстро вы! То есть... я хотела сказать...

— Вообще-то, дело даже не в этом. Понимаешь, они не маги.

Я не удивилась. В университете было не так уж много студентов из обычных, не магических, семей, но всё же они попадались не совсем редко. Некоторые, впрочем, скрывали тот факт, что не являлись потомственными магами или ведьмами, особенно, если по своим способностям ничуть не отставали от других студентов.

— Тебя это смущает? — поинтересовалась я.

— Я боюсь, что это может смущать их, — призналась Шейла.

— Мне кажется, ты напрасно нервничаешь, — заметила я, вытаскивая противень из

духовки, чтобы отправить туда следующую партию печенья. Кухню наполнял аппетитный аромат свежей выпечки. — Если их сын маг, они должны быть готовы к тому, что он может влюбиться и привести в дом ведьму.

— Может быть, — со вздохом ответила подруга, но мне показалось, что я её вовсе не убедила. — Понимаешь, я... даже не знаю, как сказать... Это мой первый удачный опыт отношений, и мне постоянно кажется, будто что-то вот-вот пойдёт не так.

— Правда? — с удивлением переспросила я. Глядя на Шейлу с её вечно вздёрнутым носом, способностью заговорить любого и привлекательной яркой внешностью настоящей ведьмочки, сложно было поверить в эти её слова. К тому же, вокруг неё постоянно увивались какие-то парни, не только маги.

— Знаешь, иногда так сильно хочется влюбиться, что не можешь разобраться, любишь какого-то человека или нравится испытывать само чувство, — став вдруг непривычно серьёзной, проговорила Шейла. — Желание быть с кем-то, любить, всё отдавать, переживать ощущения острее, чем обычно, быть переполненной этим чувством. Такое сильное желание, что порой кажется, будто готова подарить своё сердце кому-нибудь так же легко, как передать ему ниточку с привязанным к ней воздушным шариком. Тебе это знакомо?

Я опустила глаза. Хотелось по-настоящему разделить с подругой то, о чём она рассказывала. Но что я могла поделать с собой, если никогда в жизни не чувствовала ничего подобного? Я не влюблялась и не хотела этого, к тому же, до последнего сопротивлялась своему чувству к Дарию. Человеку сложно понять то, чего он сам не испытывал. В словах Шейлы звучали искренность и боль, которую она до сих пор умело скрывала за жизнерадостной улыбкой и болтовнёй. Я покачала головой.

Шейла поняла мой ответ по-своему.

— Конечно, разве можно это пережить, если с детства помолвлена с таким парнем, как Тео? Я говорю о том, что желание полюбить иногда может оказывать дурную службу. Некоторые этим пользуются, — с горькой усмешкой добавила она. — А кто я такая, чтобы относиться ко мне с уважением? Всего лишь ведьма из простой семьи, приехавшая учиться из небольшого города.

— Не говори так, — поморщившись, ответила я. Всё, чего не сказала Шейла, явственно читалось за её взглядом, ставшим неожиданно тяжёлым и жёстким. — К тому же, всё это уже в прошлом.

— Пожалуй, ты права, — произнесла она и медленно, с заметным усилием улыбнулась. — Знаешь, я даже хотела отомстить им, этим парням, которые меня... поиграли со мной и бросили. Искала книги со смертельными заклинаниями.

— Не вздумай! — воскликнула я и даже ногой притопнула в подтверждение своих слов. — Это плохая идея! Не хватало ещё к инквизиторам попасть из-за каких-то...

Пока я подбирала меткое, но цензурное слово для определения, зазвонил мобильный телефон Шейлы, и, судя по мелодии, это был Дин. Сорвавшись с места, она побежала на поиски своей сумки. Я посмотрела ей вслед и, вспомнив про печенье, начала украшать его разноцветной глазурью, мармеладом и шоколадной крошкой.

Через несколько минут Шейла вернулась и сообщила, что Дин позвал покупать подарки для его семьи, а заодно и для её родственников, которым она собиралась отправить посылку. Прощаясь, я с лёгкой завистью взглянула на её лицо, ставшее таким радостным, словно подруга уже забыла о теме нашего недавнего разговора. Как бы мне хотелось вот так же ходить по магазинам и гулять по принарядившимся к празднику городским улицам с

Дарием, смеяться, покупать подарки, целоваться на светофорах, не расставаться и ничего не бояться, кроме того, что рождественские распродажи закончатся, а я ещё не всё успела купить...

Напрасные мечты, слишком яркие и живые, чтобы раствориться в лондонском тумане и перестать меня преследовать. За последние дни не было никаких странных событий, не повторялись панические страхи, и я даже перестала бояться оставаться в одиночестве. Но я никак не могла понять, кто же устроил то, что случилось тогда в электричке, — Розенберг, Мартин, кто-то ещё?

Взглянув на кольцо, надетое в день помолвки, я подумала о том, будет ли действовать связь между мной и Тео, если снять это ритуальное украшение. Пока мы больше не говорили об этом. Я даже думала выпросить подробности у какой-нибудь помолвленной ведьмы из университета, но не решилась.

Оставшиеся до Рождества дни прошли немного суетливо и довольно быстро, но весьма интересно. Шейла была готова ходить по магазинам и рождественским ярмаркам бесконечно. Лондон, сверкающий разноцветными огнями, уставленный пушистыми ёлками и наряженный прочими всевозможными украшениям, магическими и не только, приобрёл неповторимое очарование, и прогулки по нему мне очень нравились. Неугомонная рыжая ведьма затаскивала меня то на каток, то на выставки, а, замёрзнув, мы пили горячий шоколад и глинтвейн. Нередко к нам присоединялся Дин, а иногда и Тео, если у него не было никаких других дел или планов.

Когда мы приехали к дому его отца, я, хотя и оказалась здесь не впервые, с изумлением и восторгом уставилась на внушительных размеров особняк, построенный несколько веков назад предками Тео. Настоящий замок! Возле него росла огромная ёлка, украшенная светящимися лампочками. Ещё одна поджидала нас в гостиной, где ярко горел камин. Под ёлкой лежали подарки, и мы присоединили свои упакованные в разноцветную бумагу свёртки к остальным.

Я начала волноваться ещё за несколько дней до праздника. Притворяться перед Шейлой, Дином и другими было куда проще, чем играть спектакль для родственников Тео. Ещё больше я занервничала, когда оказалось, что мы должны остаться в доме до утра, и для нас уже приготовлена комната — разумеется, одна на двоих.

Постаравшись сделать вид, что всё в порядке, я выразила своё восхищение тем, как украшен дом, и пригласила отца Тео и его вторую жену навестить нас. Через некоторое время пришла Холли — радостная, смеющаяся, с покрасневшими щеками. Позже появились и остальные гости, но матери Тео среди них не оказалось.

Для британцев празднование Рождества означало куда больше, чем встреча Нового года. Раньше я могла видеть подобное только в фильмах. Но, как выяснилось, кое-чего не предусмотрела.

Поначалу я не поняла, почему все уставились на нас с Тео, когда мы оказались почти посреди комнаты, но скоро мне объяснили, в чём дело.

— Вы стоите под омелой! — весело закричала Холли. — Целуйтесь немедленно! Это старинная традиция — вы должны поцеловаться!

— Не знала, — пробормотала я, задирая голову, чтобы рассмотреть пучок висящего над нами растения. — Или забыла, — добавила чуть тише, вспоминая фильмы, в которых фигурировал подобный обычай. — Может, это не обязательно?

— Нет, обязательно! — воскликнула Холли, и мистер Тревелиян, оказавшийся тут же,

кивнул. — Вот и папа подтверждает! Целуйтесь уже, ну!

— Прости, но это, правда, традиция, — шепнул Тео, наклоняясь ко мне. Я успела зажмуриться за несколько секунд до того, как его губы коснулись моих. Холли захлопала в ладоши.

Глава 45

Вероника

Ужинать сели за огромный стол. Всё было красиво, вкусно, празднично. Я пришла в восторг, когда в столовую внесли традиционный плам-пудинг, пропитанный бренди и подожженный прямо перед подачей. Об этом рождественском десерте мне приходилось читать, но знать из книг и видеть собственными глазами — разные вещи. Вкус у пудинга был необычный, впрочем, я уже начинала привыкать к исконно английским блюдам, которые готовила миссис Лукас и даже пыталась научить меня.

Я сидела рядом с Тео, с другой стороны разместились Холли, настроение которой слегка испортилось, когда в последнюю минуту выяснилось, что её жених не сможет к нам присоединиться. Время от времени задевая локтем Тео, я смущённо вспоминала поцелуй под омелой. Холли и другим удалось настоять на своём и заставить нас исполнить эту традицию. Мне никогда не приходилось целовать кого-то напоказ, и чувствовала я себя довольно странно. Будто на собственной свадьбе, до которой, к счастью, ещё не дошло.

Пришлось напомнить себе о том, что это всего лишь фикция, спектакль, который когда-нибудь закончится. Но я не ожидала, что даже через некоторое время буду вспоминать ощущения от прикосновений его тёплых губ и рук, от поцелуя — слишком нежного и долгого для представления. Хотя, возможно, Тео просто оказался лучшим актёром, чем я сама.

Больше никаких неловких моментов во время ужина не возникло. Мне задали несколько вопросов об учёбе, а затем инициативу взяли на себя гости мистера Тревелияна, занимавшие его беседой. Тем не менее, я почувствовала облегчение, когда вечер закончился, и мы отправились в отведённую нам спальню. Там я обнаружила, что в этой просторной светлой комнате, обставленной с безупречным вкусом, всего одна кровать. Оставшись наедине с Тео, я растерянно посмотрела на него.

— Ложись спать, Ники, — проговорил он, кивая на кровать. — Ты устала. Ванная за соседней дверью.

— А... — начала я, но опустила глаза, вдруг вспомнив разговор в самолёте и предупреждение, что, возможно, нам всё же придётся иногда делить одну кровать.

— Я лягу на полу, — с улыбкой произнёс Тео. — Для начала, — добавил он и вышел из комнаты. Хлопнула дверь ванной.

Порадовавшись тому, что не забыла взять запасную одежду, я расстелила кровать, размер которой вполне подходил для двоих. Но, раз уж Тео собрался спать на полу, я не стала ему возражать. К тому же, подушек всевозможных размеров вполне хватало, а в доме было достаточно тепло.

Чуть позже, глядя на своё зеркальное отражение в ванной комнате, я задумалась над нынешней ситуацией. Ещё некоторое время назад я никак не могла бы даже предположить, что окажусь в Британии, буду там учиться и проведу рождественские праздники в Лондоне. Но всё же это случилось, я здесь и неплохо овладела разговорным английским, и все зовут меня Ники...

«Перемена участи», — вспомнила я. Эти прочитанные где-то слова будто сами собой

всплыли в мыслях, заставив применить их к себе. Появление Тео изменило мою жизнь, повернуло судьбу, ведь, если бы не эта помолвка и последующий за ней договор, я бы не приехала в этот город. Я бы осталась и ждала возвращения Дария из темницы, чтобы увидеть его, обнять и наконец-то рассказать о своих чувствах к нему... Но мне каждый день пришлось бы опасаться очередных ходов со стороны Мартина Шталя и Карла Розенберга.

Теперь, после случая в электричке, выяснилось, что я и здесь не могла полностью чувствовать себя в безопасности. Но в Лондоне у меня появился шанс научиться многому из того, что не преподавали в Университете Магии, стать сильнее, получить возможность быть достойным противником, а не маленькой потерявшей девочкой, которую нужно защищать и опекать. Хотя, следовало признать, что рядом с Княжевичем мне почему-то нравилось себя ею ощущать.

Когда я вернулась в комнату, Тео уже успел с комфортом устроиться на полу и смотрел какой-то музыкальный канал по телевизору.

— Хочешь спать? — поинтересовался он. — Или слишком много впечатлений? — задал Тео второй вопрос. Я кивнула и села на край кровати.

— Ты угадал, — призналась я. — Мне, конечно, приходилось слышать, читать и видеть фильмы о Рождестве в Европе. Но в жизни всё оказалось куда грандиознее.

— Извини за этот обычай с омельой, — проговорил он. — Я должен был тебя предупредить. У нас эти традиции соблюдаются — хотя бы потому, что они забавные.

— Ты уже извинялся, — отозвалась я и, не желая продолжать эту тему, решила всё же спросить у него о том, что меня тревожило. — Эта связь... Она есть у всех помолвленных магов?

— Да, — ответил Тео. — Тебя это пугает? Если ты вообразила себе, будто это что-то вроде чтения мыслей, то ошибаешься. Это, скорее, эмпатия, только на расстоянии. Когда тебе стало плохо, я это почувствовал. Так, словно отголосок твоих эмоций перешёл ко мне.

— То есть, ты почувствовал то же самое? — уточнила я, нахмурившись.

— Можно и так сказать, — заметил он. — Только это не всегда действует. Нужно, чтобы эмоции были достаточно сильными.

— А когда мы рядом? — спросила я.

— Хочешь проверить? — поинтересовался Тео, садясь и облокачиваясь на кровать. Он оказался так близко, что я чувствовала на волосах его дыхание. — Ударь меня.

— Что?

— Ударь меня так, чтобы мне стало больно, и тогда проверим, почувствуешь ли ты боль вместе со мной, — пояснил он.

— Конечно, почувствую! — воскликнула я. — Когда отобью об тебя руку. Плохая идея.

— А если попробовать приятные ощущения? — с хитрым прищуром синих глаз поинтересовался Тео.

— Например, ты увидишь хороший сон и пришлешь его мне? — предположила я.

— Этого не умею, — ответил он, и я пожалела о том, что такому не учат в университете, — ведь тогда я бы могла попытаться посылать сны Дарию. — Но есть и другие приятные вещи, которыми можно наслаждаться опосредованно. То есть, мне будет хорошо потому, что хорошо тебе.

— Ты сказал, что эти эмоции должны быть сильными, — заметила я. — Не думаю, что, если я сейчас проберусь на кухню и съем остатки пудинга, ты это почувствуешь. Хотя, если меня там застигнут, то мне станет стыдно, и это, пожалуй, может оказаться сильным

ощущением.

Тео засмеялся. Я подумала, что он тоже наверняка помнит, как мы с Региной и Артуром воровали еду из кухни в особняке Воронича. Тогда нас не поймали.

— Ты ведь не жалеешь, что согласилась сюда приехать? — посерьёзнев, спросил Тео. Его ладонь потянулась к моей руке, и он начал медленно перебирать мои пальцы, пока не остановился на том, на котором было надето его кольцо. — Правда?

— Не жалею, — ответила я. — Мне здесь нравится, я нашла Шейлу, мне очень интересно учиться и... А почему ты спрашиваешь?

— Доброй ночи, Ники, — не отвечая на мой вопрос, проговорил Тео и, отпустив мою руку, нажал на маленьком пульте несколько кнопок, после чего телевизор выключился, а свет в комнате погас.

Заснуть я смогла далеко не сразу. Тео оказался прав — слишком много впечатлений от прошедших дней и месяцев, а также от сегодняшнего праздника. Все они навалились на меня, мелькая, словно кусочки стекла в калейдоскопе. Но целая картина пока никак не желала складываться. Я до сих пор не знала, для чего здесь нахожусь, по какой причине ему понадобилось заключать со мной этот договор и разыгрывать странный спектакль для всех окружающих.

Проснувшись, я обнаружила, что ещё не рассвело. Вставать было рано. Но, когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что Тео в комнате нет.

Я обнаружила его в гостиной, где всё ещё не погас камин. Может быть, в этом тоже наличествовала какая-то магия, потому что огонь горел слишком ровно, хотя камин был вовсе не электрическим. Тео сидел на ковре, задумчиво глядя перед собой, будто видел что-то, чего не замечали другие. Он ничуть не удивился моему появлению, словно ждал его. Я села недалеко от него и почувствовала исходящий от ёлки свежий и сильный хвойный запах, что напоминал о детстве и о том, как приходилось забираться на табуретку, чтобы дотянуться до самых верхних веток, вешая на ёлку игрушки и конфеты.

— Так и не удалось мне прислать тебе сон, — проговорил Тео.

— Кажется, я выпалась, — ответила я. — Но мне ничего не снилось. Совсем.

— Лучше так, чем плохие сны, — заметил он.

— Согласна.

— Если хочешь, можешь открыть свои подарки, — небрежно махнув рукой в сторону ёлки, сказал Тео.

— Лучше утром, вместе со всеми, — подумав, отозвалась я. — А что ты здесь делаешь? Тебе плохо спалось на полу?

— В этом доме мне всегда плохо спится, — безучастно произнёс он. — Это не твоя вина. Тут, кстати, есть призраки.

— Где?! — испуганно воскликнула я, оглядываясь по сторонам, будто бы готовясь в любое мгновение увидеть побрякивающее цепями привидение, словно сошедшее со страниц книги Оскара Уайльда. Английская страшилка воочию. — Скажи, что ты пошутил.

— Нет, — невозмутимо хмыкнул Тео.

— А почему не предупредил раньше?

— Ты бы тогда вообще не уснула.

Молчаливо соглашаясь с ним, я устроилась поудобнее и повернулась так, чтобы любоваться огнём в камине.

— Ники, ты можешь мне кое-что пообещать? — нарушил молчание Тео.

— Да, конечно, — ответила я, переводя взгляд на его лицо.

— Ты ещё не дослушала меня, а уже готова дать обещание? — с мягкой усмешкой спросил он. — Лучше такого не делать. Это может быть опасно.

— Надеюсь, ты попросишь пообещать то, что я могу сделать, — заметила я.

— Ты можешь никому не рассказывать о нашем договоре? Ни Шейле, ни другим знакомым, ни своим родным. Никому.

Я закусила губу. Тео просил, чтобы наши истинные отношения оставались тайной для всех, пока он не разорвёт помолвку. Он не знал, что я собиралась найти способ рассказать правду Дарию...

— Но я ведь и так... — начала я, но он покачал головой.

— Я хотел тебе об этом напомнить, потому что ты вскоре поедешь на юбилей к Александру Владимировичу, — произнёс Тео. — Там ты встретишь немало людей. Пообещай мне, что никому не расскажешь.

Я заставила себя сделать глубокий вдох. Юбилей Воронича... Об этом я не знала. Но ведь Княжевича там не будет. Он всё ещё в инквизиторской темнице. А это означает, что и шанса с ним поговорить мне не представится. Как же не хочется ехать туда, если у меня нет возможности увидеть его...

— Я тебе обещаю.

Глава 46

Дарий

Здание, где работали инквизиторы, выглядело таким же мрачным, как и в его последний визит. Несмотря на то, что Княжевич уже не был заключённым или допрашиваемым, он по-прежнему чувствовал себя здесь некомфортно и странно. Как будто постоянно боролся с собственным желанием развернуться, выйти и больше никогда сюда не возвращаться. Почему-то эта безрадостная атмосфера тянувшей душу пустоты пронизывала воздух каждого здания из тех, которые находились в ведомстве Инквизиции. В Магическом Надзоре было не так, хотя, возможно, маги-арестанты могли бы с этим утверждением поспорить.

Охранник, находящийся на посту, уже знал его, но всё же посмотрел с подозрением, когда Дарий прошёл мимо, не сняв магического амулета. Должно быть, инквизиторы не могли понять, с какой целью их глава уже не в первый раз встречается со специалистом МН, да ещё и бывшим заключённым. Что это за таинственная совместная работа, о которой они не знали и лишь могли строить предположения?

Верховный Инквизитор сидел за дубовым столом, заваленным бумагами и пузатыми папками. На освобождённом от них островке стола стояли две чашки кофе. Одну из них Княжевич взял перед тем, как сесть в кресло напротив хозяина кабинета. Тот, как почти всегда, выглядел полностью погружённым в свои мысли. Серьёзный, собранный и... бесконечно одинокий в этом неуютном холодном кабинете.

На какое-то мгновение Дарию показалось, что он видит собственное будущее.

— У вас есть какие-нибудь новости? — спросил Верховный Инквизитор, пошевелившись и переводя взгляд на дверь, словно в неё кто-то мог войти без стука.

— Как сказать, — отозвался Княжевич, пробуя кофе. Напиток оказался вкусным — достаточно крепким, хорошо сваренным, с оттенками горького шоколада в послевкусии. — Вы знаете, что для того, чтобы искать интересующие вас данные, мне приходится нарушать закон?

— Уверен, не в первый раз, — произнёс собеседник всё так же бесстрастно. Сложно было догадаться, насколько сильно его волновало это дело. — К тому же, я ведь тоже нарушил закон, когда отпустил вас раньше срока. Вас осудили на полгода, и вы всё ещё должны находиться в темнице. Насколько я знаю, камеру пока даже никто не занял.

Дарий приподнял брови. Ему показалось или в словах Верховного Инквизитора, в самом деле, прозвучала угроза? Намёк на то, что, если он не выполнит просьбу, то вернётся в ту же камеру и проведёт там остаток назначенного судом срока?

Мелькнуло воспоминание о встрече с Марином в баре. Тот перед тем, как уйти оттуда, успел сообщить о юбилее старшего Воронича. Торжественный приём, множество гостей, водопады лстивых слов, направленных на то, чтобы всячески восхвалить юбиляра и заслужить расположение. Получить его было куда сложнее, чем потерять, поэтому желающие попасть в любимцы старого мага проявляли немалую изобретательность. Но ради того, чтобы увидеть Веронику, Княжевич был готов потерпеть и такую компанию.

Непросто же когда-то пришлось матери Вероники. С одной стороны — влиятельная магическая семья во главе с Александром Владимировичем, её родственником и законным

опекуном, а с другой — чувства к тому, кого не должна была полюбить ни одна ведьма в здравом уме. Но разве любовь спрашивает перед тем, как прийти, уместна ли она в данном случае и для этих людей? Разве спросили у него, нужны ли ему эти бесконечные воспоминания о том, как он слышит звонкий смех, укрывает одеялом спящую ведьмочку, видит её отчаянный взгляд в тот вечер под дождём? Равновесие поколебалось не только в магическом мире, но и в его жизни, и качнуть обратно маятник уже невозможно.

— Так как? — поторопил его Верховный Инквизитор. Он позволил себе нарушить собственную невозмутимость, и теперь в его интонации послышалось нетерпение, которое ему до этого удалось сдерживать. — У вас есть, что мне рассказать?

— Я встречался с одним... нашим информатором, — ответил Дарий. — Обычно ему известны такие вещи, о которых не знают другие. Или же у него есть возможности их узнать.

— Иными словами, он общается с демонами? — спросил Верховный Инквизитор. Прозвучало это вполне буднично. Можно подумать, когда-то магов и ведьм по всему миру вовсе не сжигали за это.

— Даже если и так, я его за этим занятием не заставлял. Если бы застал, пришлось бы арестовать.

— Демоны действуют по разным схемам. Но чаще всего они обещают то, что человек хотел бы получить. Например, информацию или смерть его врага. В обмен они всегда что-то для себя просят. Поначалу это могут быть вполне безобидные просьбы, чтобы усыпить бдительность человека, который вызывает демона, а затем... это может оказаться его душа.

— Вам не кажется, что именно так вы со мной и поступили? — произнёс Дарий. — Пообещали свободу и нужную информацию в обмен на работу для вас. Демонские методы действуют не только у них, не находите?

— Вы меня подловили, — хмыкнул собеседник, допивая кофе. — Но я уверен, что вам и самому неоднократно приходилось действовать точно так же. Скажете, нет?

— Не скажу.

— Так что вам сообщил информатор?

— Он был весьма удивлён, потому что давно не слышал о таких чарах.

— Так это случилось и не вчера.

— Он обещал выяснить и позвонить мне сразу, как что-нибудь узнает. Ещё я посмотрел кое-какие книги. Там говорится, что надежда есть.

— Надежда всё вспомнить? — уточнил Верховный Инквизитор.

— Именно, — подтвердил Княжевич. — Но, может быть, в некоторых случаях проще не помнить? И предпочтительнее, — добавил он.

— Мне это говорили, но вариант продолжать прятать голову в песок меня больше не устраивает, — ответил мужчина, вставая с места, подошёл к окну и отвернулся к серебряным решёткам на нём. — Вы можете идти, Дарий Андреевич. Увидимся в новом году.

Когда Дарий вышел на улицу и с наслаждением вдохнул показавшийся особенно свежим после пыльного кабинета воздух, пошёл снег. Крупные хлопья, похожие на маленьких пушистых птиц, кружились в воздухе, оседая на волосах и воротнике чёрного пальто. Он вспомнил, что, когда Вероника отсюда уехала, заканчивалось лето, а сейчас подходил к концу первый месяц зимы. Как и год. У него не было никаких планов на отмечание этого праздника и ни малейшего желания поддаться на уговоры Велимиры, Фогля и других знакомых присоединиться к ним. К тому моменту, когда Княжевич подошёл к машине, он принял решение работать в новогоднюю ночь. Учитывая, что для многих чёрных магов это

время всплеска энергии казалось весьма подходящим для проведения их ритуалов, работы в такое время обычно бывало с избытком.

Юбилей Александра Владимировича Воронича приходился на самое начало января. В это время ещё продолжались каникулы у студентов Университета Магии. Насколько слышал Дарий, все были довольны новым деканом, который, впрочем, проводил на рабочем месте не так уж много времени. Если бы только у него имелись какие-нибудь доказательства против Карла Розенберга! Но смерть прежнего декана признали естественной, и, чтобы поймать хитрого мага, требовалось хорошенько расставить сети.

Спустя несколько дней Дарий вышел из дома, чтобы отправиться на юбилей старшего Воронича. Ему не было известно, приехала ли Вероника, но, зная Александра Владимировича, не приходилось сомневаться, что глава семейного клана решил собрать всех родственников. Даже тех, кто едва ли стремился его увидеть.

Новогодняя ночь прошла довольно суматошно, но, впрочем, без особых сюрпризов. Два раза Княжевичу пришлось выехать на вызовы вместе с другими дежурными специалистами. Арестовал недавно закончившего университет молодого мага, который, переодевшись Дедом Морозом, дурачил людей на городской площади. Одному подозреваемому в чёрной магии удалось сбежать. В перерывах между вызовами специалисты МН пили шампанское и смотрели по телевизору сначала специальный канал для магов, а затем — трансляцию рок-концерта.

Дарий выехал на широкое шоссе и прибавил скорость. Приглашение лежало в кармане. Его помог раздобыть Фогль, который тоже собирался пойти, но пары у него, как обычно, не было, поэтому второе приглашение оказалось ничейным. Аркадий пытался позвать Велимиру, и Княжевич слышал, как она отказалась. Разумеется, если бы ей захотелось отправиться на это мероприятие, то без проблем нашлись бы и другие желающие составить компанию.

Велимира продолжала оставаться для него загадкой. Дарий сомневался, что ей по душе работа в МН, но, несмотря на все прогнозы и ставки коллег о её скором увольнении, она продолжала появляться в офисе. Фогль смотрел на неё масляными глазками, а сама Вишневская, продолжая поддерживать с Княжевичем приятельские отношения, уже не раз давала ему понять, что ничего не имеет против более интимного сближения.

Парковки перед особняком едва хватало на то количество машин, которое на ней оказалось. Дарий едва нашёл подходящее место, чтобы, если что, выехать можно было без проблем. Машина Фогля уже стояла там, и, бросив взгляд на часы, Княжевич понял, что практически опоздал.

Он не предполагал, что увидит Веронику сразу же и заранее думал, как непросто будет отыскать её в разряженной толпе гостей. Слуги, должно быть, просто сбивались с ног, чтобы всех рассадить, напоить и накормить. Дарий вспомнил, что нужно будет поздравлять юбиляра, и понадеялся, что Аркадий самолично сделает это от имени всего Магического Надзора.

Стараясь не слишком активно расталкивать гостей, Княжевич продвигался по коридору. Со всех сторон его окружали шелест тканей, ароматы дорогих духов, что смешивались в один густой запах, и звучание множества голосов. Реально ли отыскать в этом столпотворении одну хрупкую девушку, которая, к тому же, не слишком-то стремилась к тому, чтобы находиться в обществе? Но не зря розыск людей входит в его служебные обязанности. Если Вероника здесь, он её найдёт, даже если придётся задержаться на празднике до утра.

Когда Дарий заметил знакомый силуэт, вдруг показалось, что в доме нет никого, кроме них двоих. По сравнению с большинством гостей она выглядела скромно, будто преследовала цель затеряться в толпе. Их взгляды встретились, и он увидел, что на её лице отразилась растерянность.

Глава 47

Вероника

Мне же всё просто мерещится? Этого ведь не может быть на самом деле? Но почему тогда...

Почти застыв на месте, не обращая внимания на толпу гостей, я смотрела только на одного человека. На того, кого не должно было здесь быть сегодня. На Дария.

Когда Тео заявил, что скоро придётся отправиться на юбилей к Александру Владимировичу, меня это совершенно не обрадовало. Я не испытывала ни малейшего желания снова увидеть старшего Воронича и под его взглядом ощутить себя бабочкой, за которой наблюдает натуралист, размышляющий, приколоть ли её на булавку или пусть ещё полетает. Кроме того, я не сомневалась, что на этом торжественном мероприятии непременно будут присутствовать Карл Карлович Розенберг и Мартин Шталь, даже вспоминать о котором совершенно не хотелось. Не говоря уж о том, что снова придётся сесть в самолёт.

Увы, я не могла объяснить своё нежелание ехать учёбой, учитывая каникулы. Тео сообщил, что Александр Владимирович собирает почти всю свою семью и в обязательном порядке требует моего появления на юбилее. Услышав это, я только усмехнулась — где, спрашивается, так называемая семья во главе с ним была все эти годы? Хотя, возможно, это к лучшему, потому что, находясь под надзором Воронича с самого детства, я могла бы вырасти совсем другой. Особенно, если учесть, что едва ли он баловал бы меня так же, как Регину, ведь я слишком напоминала ему о моей матери и о том, как она с ним поступила, отказавшись от predetermined ей участи и выбрав свой собственный путь.

Тео сказал, что он не может поехать вместе со мной, но, разумеется, купит подарок. Я не стала ему говорить, что чувствовала при одной мысли о том, что мне снова придётся оказаться в особняке Воронича. К тому же, выбора всё равно не было — если только притвориться заболевшей, но я подозревала, что мой обман тут же раскусили бы, достаточно визита врача или мага-целителя.

Новый год мы провели в компании Шейлы и Дина, а также Холли и её жениха, отправившись за город. Погода порадовала снегом, и праздник прошёл в уютной и тёплой обстановке, особенно заметной при отсутствии старшего поколения семейства Тревельян. Наблюдая за Дином и Шейлой, я с радостью думала, что из них, в самом деле, получилась отличная пара. Спокойный и вдумчивый характер Дина уравновешивал взрывной темперамент Шейлы, и в результате получалась та самая гармония. Тео даже начал подтрунивать надо мной, говоря, что мне следовало бы заняться любовной магией, раз уж первый опыт в этой области так хорошо удался.

После праздника мы с Тео вернулись домой, и я с неохотой начала готовиться к отъезду. Шейла не понимала, почему у меня нет настроения, и пришлось ей сказать, что отношения с родственниками не самые лучшие. Хотя, пожалуй, следовало бы поблагодарить Александра Владимировича за то, что не выбрал мне в женихи немолодого мага с тем же характером, что и у самого Воронича.

Огорчал также тот факт, что у меня, как я тогда была абсолютно уверена, не имелось ни

единого шанса на то, чтобы снова увидеть Дария. Фогль прямо сказал, что мне не разрешат посещений. Оставалась только надежда передать ему что-нибудь, но что я могла рассказать о своей теперешней жизни, если меня сдерживало обещание, данное Тео?

Ещё некоторое время назад я думала, что моя жизнь совершенно утратила всякую упорядоченность, став весьма непредсказуемой, но и предположить себе не могла, что дальше всё настолько закрутится и перепутается. Я стала помолвленной ведьмой. Фиктивной, но всё же официальной невестой человека, которого не так давно вообще не знала, если не считать детских воспоминаний.

Я то и дело вспоминала об этой странной связи, зарождающейся между помолвленными магами и ведьмами. Являлись ли её причиной кольца, которые мы носили? Глядя на Тео, я гадала, встречается ли он с какой-нибудь девушкой втайне от меня и почувствую ли я что-то, если они... Мне не хотелось об этом думать. Я не имела никаких прав ревновать его, но всё же временами становилось неловко при мысли, что кто-нибудь из общих знакомых может увидеть его с другой девушкой и сделать неправильные выводы.

В перерывах между сбором вещей и походами с Тео по магазинам в поисках подарка для Александра Владимировича я выкраивала время на чтение книг из библиотеки университета. Очень хотелось открыть для себя магию — не как стихию, непонятную и пугающую, а как науку, как что-то понятное, что можно подтвердить законами и логикой. Но, чем больше я к этому стремилась, тем сильнее понимала, что это невозможно. Магия была той же породы, что и чувства, — можно попытаться изучить, разделить на составные части, а всё же постигнуть до конца невозможно, несмотря на немалое количество умных книг об этом. Возможно, так думала не только я.

В день отъезда я села в самолёт, где попыталась полностью отключиться от волнений и страхов, надев наушники и открыв книгу. Подарок лежал в чемодане — его приобрёл Тео, когда мне уже надоели магазины, и я даже не знала, что там. Должно быть, подарков Воронич на свой юбилей получит такое количество, что только на то, чтобы все их открыть, ему понадобится целый месяц.

Встречать меня в аэропорт приехал водитель — тот же самый. Успев заметить, что погода больше напоминает мартовскую, чем январскую, я села на заднее сиденье машины и закрыла глаза. Поспать в самолёте снова не получилось.

Тот же водитель, тот же особняк, та же комната. Будто никуда и не уезжала. Остальные гости из других городов ещё не прибыли. Уединившись в спальне, я понадеялась, что в ближайшее время меня никто не станет беспокоить, и погрузилась в долгий, но тревожный сон. Снился старший Воронич, который строго меня за что-то отчитывал.

Этот сон оказался почти вещим, поскольку чуть позже выяснилось, что перед тем, как заваливаться дрыхнуть, по выражению самого Александра Владимировича, я должна была показаться перед ним и выразить своё уважение. Стараясь не задумываться над очевидным вопросом, как можно выразить то, чего нет, я извинилась. Он спросил, как прошла дорога, и напомнил о том, что вечером в доме будут гости, словно я могла об этом забыть.

Платье было куплено в одном из лондонских магазинов под бдительным руководством Шейлы, которая очень жалела, что у неё не оказалось времени сшить мне наряд собственноручно. Мы выбрали платье достаточно простое, потому что мне не хотелось выглядеть слишком ярко, но всё же вечернее. К счастью, на этот раз Воронич не стал настаивать на салоне красоты, поэтому я просто уложила волосы сама и слегка тронула лицо косметикой, порекомендованной британской подругой, которая и сама могла бы работать

стилистом, если б захотела.

Когда в доме начали собираться приглашённые, я заранее выискивала возможность побыстрому поздравить юбиляра, поужинать и сбежать в свою комнату, оставшись незамеченной. Впрочем, я была очень рада повидать Регину, но поговорить нам почти не удалось, потому что её то и дело подзывали к себе другие родственники. Многие из гостей оказались мне не знакомы, а во взглядах некоторых из них мелькал немой вопрос о том, кто я такая и что здесь делаю. Мне и самой это было весьма любопытно. Можно подумать, Александр Владимирович не мог обойтись без моего общества!

Увидев в толпе гостей лицо, преследующее меня во снах последние месяцы, я поняла, что означают слова «не поверить своим глазам». Я знала, что Дарий должен провести в темнице шесть месяцев, а прошло лишь чуть больше трёх. Но это оказался Княжевич, и он тоже смотрел на меня, не сводя глаз, вот только находящиеся вокруг нас люди готовы были вот-вот оттеснить нас и снова развести по разные стороны особняка.

Дарий направился ко мне.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я. Глупый вопрос, но от волнения не знала, что говорить. Слишком запутанными казались чувства в это мгновение — радость от встречи, растерянность и смятение.

— У меня есть приглашение, — ответил Княжевич. — Или ты спрашиваешь о том, почему я не в темнице? Отпустили раньше.

— Почему? То есть, поздравляю! Ох... извини, — выпалила я разом, и на его губах появилась улыбка.

— Я знал, что ты здесь будешь, — произнёс Дарий. — Думаю, тебе есть, что мне рассказать. Мы ведь довольно давно не виделись.

Рассказать? Я увидела, как он смотрит на моё кольцо. Вспомнилось обещание Тео, данное в уверенности, что соблазна поведать кому-либо правду о помолвке у меня не возникнет.

Как же я ошибалась!

Спрятав руку за спину, я осмотрелась по сторонам и поморщилась, услышав громкий голос, призывающий всех присоединиться к поздравлению виновника торжества. Мне нужно было отдать Вороничу подарок, а также передать ему поздравительные слова от Тео и его семьи. После этого, как я надеялась, мои обязанности на этот вечер будут выполнены.

— Поговорим позже, — сказал Дарий и, вытащив из кармана мобильный телефон, отошёл в сторону.

Я проводила его взглядом. Княжевич в отлично сидящем на нём чёрном костюме выглядел на редкость хорошо и ничем не напоминал кого-то, кто не так давно отсидел три месяца за решёткой. Но в синих глазах, когда он смотрел на меня, можно было прочесть... упрёк? Неужели Дарий мысленно обвинял меня в том, что, пока он по моей вине был в темнице, я согласилась на помолвку с Тео? Если бы только я могла рассказать ему правду сегодня же...

Но я не могла.

Глава 48

Вероника

За подарком для Воронича потребовалось вернуться в комнату. Там было тихо. За окном кружился падающий снег. Эта картина выглядела гармоничной и безмятежной. Совсем не подходящей к моему состоянию.

Я чувствовала себя зверьком, загнанным в ловушку. Дарий здесь, совсем рядом. А мне нельзя рассказать ему правду о своём нынешнем положении, потому что я по рукам и ногам связана обещанием, которое дала Тео.

Если подумать, Княжевич ни разу не говорил о том, что ко мне чувствует. Я с самого начала была для него головной болью. Здравствуйте, меня зовут Вероника, и я приношу неприятности. Но разве не говорили за него его поступки? Разве не отправился он в темницу вместо меня?

Насколько же проще было бы по-прежнему ни в кого не влюбляться. Оставаться самой обычной ведьмой-студенткой, не быть дочерью инквизитора. Холодок пробежал по коже при одной мысли о том, что в этом городе есть человек, на которого я, возможно, похожа, и мы с ним находимся по разные стороны баррикад.

Моё уединение было нарушено стуком в дверь. Я вздрогнула, встала и схватилась за подарок, вспомнив о том, что их вручение уже началось. В комнату заглянула Регина.

— Что ты здесь делаешь в темноте? — поинтересовалась она, и её длинное тёмно-зелёное, как листья фиалок, платье, зашуршало, когда она подошла ко мне. — Вручение подарков уже в самом разгаре. Тебе надо поторопиться.

— Зашла за подарком, — ответила я. — Весь этот шум... Мне это не очень нравится.

— Привыкай, — с усмешкой проговорила Регина, взяв меня за руку и потянув за собой. — Вы вместе с Тео покупали подарок? Или ты сама?

— По правде говоря, это Тео его купил, — призналась я.

— Как он? — полюбопытствовала она. — Знаешь, все девушки, которые были в тот вечер здесь, позавидовали тебе. Уверена, ни одна не отказалась бы от того, чтобы быть на твоём месте.

— Сомневаюсь, — так тихо, чтобы она не расслышала, произнесла я. Затем меня осенило. — Ты можешь рассказать мне о связи между помолвленными?

— О, так ты уже ощутила этот эффект на себе?

— Ещё нет, — отозвалась я. — Но я хочу знать, к чему мне нужно готовиться. Как это происходит?

— У меня это было только однажды, — задумчиво ответила Регина. — Артур тогда заболел. Маги-целители не смогли ему помочь, и он оказался в больнице, куда меня не пускали. Я знала, что ему больно. Чувствовала это.

Я поёжилась. Странная и пугающая связь — как между близнецами. Мне бы не хотелось такого испытать.

— Это не так уж страшно, — заметив моё состояние, произнесла Регина. — Я почувствовала что-то удивительное. Как будто мы с ним по-настоящему стали частью друг друга. Как эхо. Как самые близкие люди — даже ближе, чем родственники по крови.

Её слова меня ничуть не утешили. Я не хотела становиться самым близким человеком для Тео, потому что рано или поздно следовало разорвать помолвку. Это был всего лишь вопрос времени.

— Если снять кольцо, связь пропадёт? — поинтересовалась я, затаив дыхание.

— Только если оба снимут кольца, — ответила Регина с улыбкой. — Но это нежелательно. Я едва дождалась официальной помолвки, чтобы надеть кольцо и никогда больше его не снимать.

Мы спустились по лестнице, снова очутившись в толпе гостей. Я поудобнее перехватила тяжёлую коробку с подарком, надеясь вручить его побыстрее. Люди вокруг были незнакомыми, но я знала, что где-то здесь находится Дарий, и при мысли о нём у меня что-то сжималось внутри.

Регина потащила меня напрямик к своему дедушке. По дороге к нам присоединился Артур. Вид у него оказался такой, словно молодому человеку тоже было не по себе.

Александр Владимирович, несомненно, чувствовал себя героем этого вечера. Он с поистине королевским величием принимал поздравления и подарки, окидывая собравшихся благодушными, но внимательными и цепкими взглядами. Создавалось впечатление, будто он видел всех этих людей насквозь.

Когда очередь поздравлять дошла до меня, я едва не забыла все слова, которые должна была сказать.

— Ты хорошо выглядишь, Вероника, — проговорил старший Воронич, и под его взглядом мне захотелось провалиться сквозь землю. — Жизнь в Англии явно пошла тебе на пользу. Скоро станешь настоящей леди.

Я поморщилась и сделала реверанс. Единственное, чему я научилась при попытке заняться бальными танцами в школьные годы. Александр Владимирович усмехнулся, и я тут же поспешила скрыться, уступив место другим гостям. Подарок был доставлен по назначению. Мысленно поставив «галочку» в графе «Поздравить Воронича с юбилеем», я постаралась затеряться в толпе, но не успела сделать и нескольких шагов, как кто-то удержал меня за локоть.

Обернувшись, я увидела Аркадия Фогля. Начальник Княжевича был одет в наверняка недешёвый тёмно-серый костюм с белой рубашкой, но привлекательнее это его не делало. Во всяком случае, для меня.

— Ты замечательно выглядишь! — воскликнул он, почти повторив слова Воронича, и я пожалела о том, что надела вечернее платье. Надо было явиться в рваных джинсах и всех шокировать. — Как тебе жизнь в Лондоне?

— Прекрасно, — буркнула я, пытаюсь вырвать свой локоть из его холодных пальцев.

— Видишь, как всё хорошо обернулось, — заметил Фогль. — Ты уже видела Дария? Его освободили раньше, ты не знала?

— Теперь знаю. Извините, я... Меня ждёт Регина.

— У меня к тебе разговор, — став серьёзным, произнёс он. — Тебе надо прийти в офис МН. Завтра с утра.

— Для чего? — насторожившись, спросила я. — Это как-то связано с амулетом моей матери? Или...

— Нет, это связано со смертью прежнего декана Университета Магии, — заставив меня вздрогнуть, ответил он. — Мы получили анонимное письмо с информацией, будто его смерть была не совсем естественной. В этом письме сказано, что тебе может быть что-то

известно.

Его слова заставили меня вспомнить о другом анонимном письме — том, что оставили под моей дверью. Его автором оказался не Мартин, и это означало, что кому-то ещё была известна правда о случившемся. Теперь у этого человека, очевидно, проснулась совесть, и он решил по-прежнему анонимно сообщить о том, что знал, в Магический Надзор.

Живот свело судорогой. Я молчала, пытаюсь придумать подходящий ответ. Фогль наконец-то отпустил мой локоть и смотрел на меня с подозрением.

В это время зазвучала музыка. Вручение подарков юбиляру закончилось. Начались танцы. За моей спиной послышались негромкие шаги. Я не успела обернуться, когда человек подошёл ближе, и это оказался Княжевич.

— Не хотелось бы прерывать ваш разговор, но Вероника обещала мне первый танец, — сказал он, взяв меня за руку и направляясь в сторону танцующих пар.

— Я пришлю машину! — прокричал мне вслед Фогль.

— Чего он от тебя хотел? — спросил Дарий.

— Чтобы я приехала в МН завтра утром. Кто-то прислал им анонимное письмо. Об убийстве декана, — шёпотом ответила я. — Там было сказано, будто я могу что-то рассказать. Теперь меня хотят допросить.

— Мне он об этом не сообщил, — со злостью отозвался Княжевич.

Почему автор письма молчал так долго? Возможно, он сознавал, что тоже в опасности? Если бы я могла узнать, кто это, и найти способ поговорить с ним...

Дарий молчал, размышляя над тем, что я ему рассказала. Я чувствовала, как его рука медленно движется вдоль позвоночника по шёлку и кружеву платья. Мы не танцевали с ним с того праздника, на котором я едва не погибла, и временами мне начинало казаться, что это никогда не повторится — его глаза очень близко, плавное кружение под музыку, моя рука в его ладони.

— Что мне ему завтра сказать? Правду? А если он спросит, почему я молчала раньше?

— Я ему не доверяю, — проговорил Княжевич. — Но я что-нибудь придумаю. Не бойся.

— Розенберг здесь?

— Нет, ему срочно пришлось куда-то уехать.

— Как вовремя, — заметила я.

— Скажешь Фоглю, что будешь отвечать на его вопросы только при мне.

— Я требую присутствия своего адвоката?

— Вроде того, — с усмешкой ответил он.

Когда мы оказались возле выхода из зала, Дарий остановился и, продолжая держать меня за руку, повёл за собой в холл, а затем — в один из коридоров особняка. Я не возражала. Оказаться подальше от толпы гостей — это было то, чего мне сейчас больше всего хотелось. Почти все гости в это время танцевали или наблюдали за танцующими парами, поэтому коридоры оставались пустыми. Здесь даже горели не все светильники, создавая диковинную атмосферу чего-то загадочного, словно мы находились в старом замке, и я невольно вспомнила слова Тео о призраках.

Мы остановились, и я посмотрела на Дария, лицо которого в полумраке казалось бледным. Мне так много хотелось ему сказать, но я молчала, не находя слов для того, чтобы объяснить, почему не могу обсуждать свою помолвку. Отчего же всё так перепуталось?

Он с силой притиснул меня к себе. Дыхание перехватило. Меня ещё никогда так крепко не обнимали.

Негромкий, но отчётливый кашель донёсся до моего слуха. Кто-то подошёл к нам, а я даже не расслышала этого. Вздвогнув, я неохотно разжала руки и попыталась отстраниться от Княжевича.

Глава 49

Вероника

На некотором расстоянии от нас стоял Александр Владимирович. Выражение лица у него было равнодушное, даже скучающее, но почему-то это напугало меня больше, чем, если бы он злился. Внутри всё похолодело.

— Вынужден признать, что ты ведёшь себя совсем не так, как положено молодой девушке после официальной помолвки, — произнёс он, не глядя на Дария. — Радуйся, что это я тебя здесь увидел, а не кто-то другой. Если тебе безразлична собственная репутация, то на свою мне не наплевать, и в моём доме я не намерен терпеть подобного поведения.

Он говорил так высокопарно, будто явился прямым из девятнадцатого века. В голосе старшего Воронича ощущались сарказм и холод. Я бросила взгляд на Княжевича и закусила губу.

— Должен сказать, что... — начал Дарий, но Александр Владимирович только отмахнулся от него.

— А вас я и вовсе не собираюсь слушать, молодой человек, — бросил он. — Не вы ли не так давно вышли из темницы по обвинению в том, что использовали в своих целях эту девушку? Пока Веронике не исполнилось двадцати одного года, я несу за неё ответственность, и больше вы не посмеете к ней прикасаться.

Ухватив твёрдыми пальцами чуть выше моего локтя, Воронич повёл меня за собой. Со стороны это выглядело, будто мы просто прогуливаемся, как соскучившиеся друг по другу родственники. Но его хватка была железной, и ни малейшей попытки вырваться он бы не позволил.

— Боюсь, что для тебя праздник уже закончился, — проговорил он, вталкивая меня в отведённую мне комнату.

— Не очень-то и хотелось, — пробурчала я, потирая руку, на которой наверняка остались синяки. — Какое вы имеете право мною распоряжаться? Кто вы такой?!

— Лучше тебе не знать, каким я могу быть, если меня по-настоящему разозлить, — холодно произнёс он. — Пока ты в моём доме и не закончила учёбу, будешь подчиняться моим правилам. Заруби себе это на носу.

Дверь закрылась, и я услышала звук поворачиваемого в замке ключа. Откуда он его взял? Я даже не знала, что эта комната запирается.

Задёрнув шторы, за которыми продолжали лететь невесомые снежинки, я начала неловко снимать платье, путаясь в застёжках. Праздник закончился, карета превратилась в тыкву, а Золушка теперь под домашним арестом. Плохое предчувствие не обмануло.

А завтра нужно ехать в офис МН и там отвечать на каверзные вопросы Фогля. Дарий обещал что-нибудь придумать. А если Карл Розенберг уже поставлен в известность о том, что я стала свидетельницей его преступления? Мог ли Мартин ему рассказать? Он ещё не получил от меня ключ, который я оставила в своей комнате в Лондоне, но долго ли это будет удерживать его?

В спальне было довольно тепло, но меня пробирав озноб. Я легла на кровать и укрылась мягким пледом, чувствуя себя совершенно разбитой и больной. Хорошо, если б всё это

оказалось лишь сном, и пробуждение наступило бы совсем в другом месте — в квартире Дария, например.

Не заметив, как заснула, я проспала всю ночь тяжёлым и беспокойным сном. Разбудил стук в дверь. Оказалось, Фогль позвонил Вороничу и предупредил его, что за мной скоро должна прибыть машина из Магического Надзора. Увы, мне это не приснилось. День выдался хмурым, после вчерашнего снегопада выросли огромные сугробы, и мне казалось, будто весь мир замело снегом, и нет больше ничего, кроме белого цвета и холодных кристаллов.

Я приняла душ, оделась, без всякого аппетита съела завтрак, который принесли прямо в комнату, и приготовилась ждать. Машина приехала ближе к обеду. В МН не хотелось, но я понимала, что это единственная возможность увидеть Княжевича до возвращения в Англию.

Александру Владимировичу не слишком нравилось то, что мне пришлось ехать в офис Магического Надзора на допрос, но он не стал против этого возражать. Я порадовалась, что хотя бы законам он подчиняется. Или делает вид.

До этого я ни разу не была на месте работы Дария, поэтому мне было любопытно, как же выглядит офис МН. Оказалось, что ничего особенного там нет. Стандартные коридоры, безликие двери кабинетов, атмосфера самого обычного городского офиса. Фогль сидел за столом в кабинете, провонявшем сигаретным дымом. Знаком он предложил мне сесть, и я заняла стул напротив него.

— Так что ты можешь рассказать о вечере, когда убили прежнего декана Университета Магии? — лениво спросил он.

— А... где Дарий? — вопросом на вопрос ответила я.

— Хочешь, чтобы он присутствовал при нашем разговоре? — осведомился собеседник. — Ладно. Он в кабинете номер пятнадцать, позови его сама.

Бросив на него недоверчивый взгляд, я встала и вышла в коридор. Пятнадцатый кабинет находился недалеко. Я заглянула в приоткрытую дверь, размышляя, нужно ли постучать, но тут же забыла об этом, застыв на месте.

— Ты непременно должен прийти ко мне ещё, — говорила стоящая посреди кабинета молодая светловолосая женщина в чёрной одежде. — В прошлый раз тебя побеспокоил Аркадий, но ведь можно выбрать и другой день. Ты даже не дошёл до десерта, — с усмешкой добавила она.

Дарий, который сидел за столом на некотором отдалении от неё, отвёл взгляд в сторону. Они оба меня не видели. Послышались шаги в коридоре, и я, тут же отскочив от двери, забежала за угол. Перевела дыхание, пытаясь осмыслить всё то, что только что слышала. Эти её намёки... заинтересованный взгляд, которым молодая женщина смотрела на Княжевича... неприкрытое кокетство в каждом движении...

Я направилась обратно и едва не столкнулась с Дарием.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. Я пожала плечами.

— Фогль попросил тебя позвать.

— Ты ему уже что-нибудь рассказала?

Я покачала головой. Достаточно ли у МН полномочий, чтобы арестовать Карла Розенберга? Хватило бы для этого моих свидетельских показаний, учитывая, что доказательств у меня не было?

— Я видел это письмо, — проговорил Княжевич. Он не знал, что я наблюдала за ним и той блондинкой несколько секунд назад, но сейчас я не могла и не желала об этом

говорить. — Похоже, это всё тот же аноним.

— Он назвал там имя Розенберга?

— Нет. Он всего лишь пишет, что смерть декана не была естественной. Может быть, он не узнал убийцу по голосу и не видел его, как и ты.

— Так что мне отвечать на его вопросы? Если я прямо обвиню Карла Карловича Розенберга в убийстве, что это даст? Нужен кто-то, кто подтвердил бы мои слова, а этот аноним скрывается.

Не говоря уж о том, что Фоглю я не слишком-то доверяла. То же можно было сказать и про отношение к нему самого Княжевича. Он ведь не сообщил ничего своему начальнику после того, как я рассказала ему правду в тот вечер.

— Вот что, — решительно произнёс он. — Скажешь, что ничего не слышала, кроме крика той женщины. Кто она, кстати?

— Библиотекарь, — пробормотала я.

— Ты появилась в том коридоре, увидела её и декана. То есть, его тело. Затем набежала толпа, и ты ушла. Дальше... Ты понятия не имеешь, кто автор этого анонимного письма, и не можешь сказать, по какой причине он считает, будто ты что-то знаешь.

— Я, в самом деле, понятия не имею, кто это, — согласилась я. — Но мне бы хотелось, чтобы Розенберг был наказан. Потому что он — самый настоящий преступник.

— Он будет наказан, Вероника, — серьёзно проговорил Княжевич. — Обязательно будет. Идём?

Мы вместе вернулись в кабинет Фогля, который выглядел недовольным, поскольку мы задержались, и я сообщила ему всё то, что мне велел сказать Дарий. Было заметно, что его начальник не очень-то поверил моим словам, но промолчал. К тому же, как он и сам заметил в завершение беседы, анонимные письма и звонки крайне редко бывают надёжными источниками информации.

Я вышла из здания и, не успев сесть в машину, которая должна была отвезти меня обратно, увидела, что Дарий выбежал следом за мной, даже не взяв верхнюю одежду. Снова пошёл снег. Я обернулась, и он взял меня за плечи.

— Воронич тебе вчера ничего не сделал? — спросил Княжевич.

— Всего лишь запер в комнате, — ответила я. — До утра. Прости, что так получилось.

— Вероника... — выдохнул он. Странно было слышать это обращение. Я уже успела привыкнуть к тому, что меня называют Ники. — Ты не должна себя винить. Этот старик — тот ещё... Если уж кто виноват, то это я. Меня не было рядом с тобой, когда Воронич решил взять тебя в оборот, а вчера...

— Ты был в темнице, — возразила я. — Из-за меня. Потому что я впервые не смогла себя сдержать. Но я научусь. Я справлюсь, — твёрдо добавила я, вспомнив своих лондонских педагогов, которые отмечали мои успехи в преподаваемых ими областях магии.

— Мы увидимся вечером? — спросил Дарий, наклонившись так близко, что его лоб касался моих волос. Я чувствовала исходящий от него приятный и знакомый запах, и мне ужасно хотелось ответить на его вопрос утвердительно. Но я заставила себя покачать головой.

— Я не могу. У меня... билет на самолёт. Сегодня мне нужно вернуться в Лондон, — ответила я, пытаюсь и не находя в себе сил отодвинуться от него, пока за спиной не послышался голос Фогля.

— Как трогательно! — иронично воскликнул он. — Но работы меньше не станет, пока

вы решаете свои личные дела. А Веронику уже несколько минут ожидает машина.

Мне показалось, или во взгляде Дария снова можно было прочитать упрёк? Он не хотел, чтобы я уезжала? Я и сама не слишком к этому стремилась, но, как бы то ни было, лучше продолжать учёбу в Англии, чем здесь, под присмотром Александра Владимировича и с Карлом Розенбергом в роли декана университета. Оставалось надеяться, что я найду возможность всё Княжевичу объяснить, рассказать ему правду о помолвке с Тео. Знать бы ещё, кто та незнакомка, одна мысль о которой заставляла меня злиться и ревновать.

Княжевич вернулся в здание, хлопнув тяжёлой дверью. Фогль последовал за ним. Я села в машину.

Глава 50

Инна

За окном уже второй день сыпал снег, а в комнате было тепло, и постепенно самочувствие приходило в норму. Вчера Инна слегка приболела, но отказалась от услуг мага-целителя, решив воспользоваться простым и привычным методом, а именно — выпить согревающий имбирный чай, который отлично умела готовить их повариха. Заедая острый напиток мёдом и пересматривая любимые фрагменты сериалов, Инна провела весь вчерашний день в спальне, а сегодня чувствовала, что ей просто необходимо куда-то выйти и желательно с кем-нибудь встретиться. Не успела она подойти к шкафу, чтобы выбрать одежду на сегодня, как дверь открылась, и в комнату вошёл Мартин. Вид у него был свежий и подтянутый, и Инна с недовольством вспомнила, что она всё ещё в халате.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мартин.

— Хорошо, — отозвалась Инна, вытаскивая из шкафа чёрные джинсы и подходящую к ним блузку-тунику. — Думаю, стоило бы куда-нибудь съездить. Там не слишком занесло дорогу?

— Я как раз собирался тебе кое-что предложить. Не хочешь навестить Веронику, свою бывшую соседку по комнате? Она пока ещё здесь.

— Точно! Мы ведь вчера не смогли поехать на юбилей Воронича! Вероника сейчас в его доме?

— Насколько мне известно, да, — подтвердил Мартин. — К тому же, мне нужно вручить Александру Владимировичу подарок. От нас и от твоего отца, — уточнил он.

— Надеюсь, папа скоро приедет, — заметила Инна. — Идея отличная! Я быстро, можешь пока готовить машину.

Она нырнула в приоткрытую дверь ванной и включила воду в душе. За стеной раздались шаги Мартина — он вышел из комнаты. Встав под тёплые водяные струи, Инна блаженно зажмурилась.

Ей, в самом деле, понравилась идея встретиться с Вероникой. Инна никак не ожидала того, что судьба её бывшей соседки по комнате в общежитии обернётся таким интересным образом. Сначала Солнцева свела знакомство со специалистом МН, затем это странное происшествие в университете, а дальше, будто в сказке, у неё обнаружили влиятельные родственники в магическом сообществе, которые по-быстрому организовали её помолвку с молодым британским магом. И каким красавцем! На том приёме в особняке Воронича девушки с интересом на него посматривали, а он проводил всё время с невестой. Подумать только! Любопытно, что Вероника может об этом рассказать.

Впрочем, жизнь самой Инны тоже не стояла на месте. Она старалась убедить себя в том, что отец сделал за неё выбор гораздо лучше того, который могла бы сделать она сама, но иногда начинала неудержимо скучать по своей прежней свободе. По тому времени, когда она не чувствовала себя так сильно привязанной к Мартину, зависимой от него.

Почти все знакомые завидовали ей. Инна чувствовала, когда они перешёпывались ей вслед. «Поглядите, это же Инна Розенберг, ей так везёт, будто она родилась с серебряной ложкой во рту, — богатая и высокопоставленная семья, жизнь без забот, жених, который с

неё пылинки сдувает!».

На самом деле, далеко не всё было так радужно. Инна нелегко пережила развод родителей, после которого ощутила себя почти брошенной, — у них обоих появились свои дела и заботы, и никого не волновали её чувства. Далеко не всегда она могла понять, общаются с ней окружающие люди ради неё самой или из-за положения её отца.

Высушив волосы и надев приготовленную заранее одежду, Инна спустилась на первый этаж, где её уже ждал Мартин. Выражение лица у него было странное. Предвкушающее, если можно так сказать. Рядом с ним на столике находился подарок для старшего Воронича. Внушительных размеров свёрток, перевязанный мерцающей красной лентой.

Дорога заняла больше времени, чем обычно. Всё вокруг, в самом деле, оказалось занесено снегом. Инна подумала, что в этом состоит минус жизни за городом. Всё же здесь не имелось ни метро, ни трамваев, и приходилось рассчитывать исключительно на машины. Хорошо, что автомобиль Мартина был весьма крупногабаритным и подходящим для езды по не самым лучшим дорогам.

Первым делом они вручили подарок и поздравили юбиляра. Александр Владимирович приказал принести кофе. Инна была здесь не впервые, но всё же с любопытством осматривала интерьеры особняка, который выглядел по-настоящему старинным.

— А где же Вероника? Вы, наверное, знаете, что в общежитии мы с ней жили в одной комнате.

— Знаю, — с лёгкой полуулыбкой ответил Александр Владимирович. — А тебе известно, что когда-то Карл Розенберг был помолвлен с матерью Вероники? Или он тебе никогда об этом не рассказывал?

— Как?! — с изумлением воскликнула она, переводя взгляд на лицо Мартина. — Ты знал? Когда это было?

— До женитьбы на твоей матери, разумеется. Не удивляюсь, что он держал это в секрете. Помолвка была разорвана, и наши семьи едва не стали врагами навсегда.

— Подождите... — растерянno пробормотала Инна. — Тот портрет в нашем доме... Молодая женщина на нём — мать Вероники?

— Именно так, — отозвался Воронич, и ей оставалось только покачать головой, не зная, что сказать. Похоже, отец был влюблён в эту женщину. Он хранил её портрет и держал его на видном месте немалый срок, несмотря на то, что они так и не поженились.

— Пожалуй, мы заглянем к Веронике, — проговорил Мартин, поднимаясь на ноги и помогая встать ей. — Вы ведь позволите? Где её комната?

— Да, конечно, — ответил Александр Владимирович. — Комната на втором этаже. Вас проводят.

— А она знает, что мой отец и её мать были помолвлены когда-то?

— Думаю, она не в курсе, что это был именно он.

— Хочешь рассказать ей? — поинтересовался Мартин.

— Не уверена, что отцу это понравится, — пробормотала Инна. — Он даже мне не говорил. Не знаю, почему.

Они поднялись на второй этаж. Мартин без стука толкнул дверь в комнату. Инна вошла вслед за ним, и её удивило выражение лица стоящей посреди комнаты Вероники, которая выглядела печальной, растерянной и напуганной.

— Привет! — Инна подошла ближе и обняла подругу. — Очень рада тебя видеть! Вчера мы не смогли прийти, я плохо себя чувствовала.

— Я тоже рада, — ответила Вероника. — Но у меня мало времени. Скоро уже нужно будет ехать в аэропорт.

— Как тебе нравится в Англии? — поинтересовалась Инна.

— Там замечательно. Университет немного другой, приходится немало всего учить, чтобы нагнать остальных. Но мне нравится.

— А как твой жених?

— У него всё хорошо, но он не смог приехать вместе со мной, — отводя взгляд в сторону, произнесла Вероника. — А как ты? Что нового в университете?

— Да что там может быть нового... Скукота, даже специализацию ещё не выбрали, — дёрнув плечами, отозвалась Инна. — По-прежнему куда больше теории, чем практики.

— Зато мне удалось узнать интересные заклинания, — неожиданно вклинился в разговор Мартин. — Например, о том, как заставить большой объём воды сконцентрироваться вокруг одного человека, если есть какой-то фокусирующий объект, к примеру, его волосы. Проводится в периоды, когда уровень влажности повышен — во время дождя, как правило...

Инна заметила, что Вероника побледнела, услышав эти слова, и странные, неясные пока подозрения заставили её задуматься. Однажды, когда был дождь, она видела, как Мартин делает что-то, показавшееся ей непонятным. То самое заклинание?

— Интересно, правда? Могу научить как-нибудь.

— Меня привлекают более полезные заклинания, — проговорила Вероника. — А теперь, простите, у меня, в самом деле, нет больше времени. Боюсь опоздать на самолёт. Думаю, мы ещё обязательно увидимся, — добавила она, обращаясь к Инне. — Я ещё приеду.

— Кстати, мою свадьбу перенесли, — сообщила ей Инна. — Так что, уже скоро я буду замужней дамой. Первой среди наших однокурсниц, — уточнила она.

— Значит, тебя можно поздравить, — заметила Вероника, но радостнее она от этого вовсе не казалась. — Спасибо, что навестили. До свидания!

— Хорошей дороги! — пожелала ей Инна, и они с Мартином вышли из комнаты.

Оказавшись в машине, Шталь сразу же прибавил скорость, и ей пришлось почти ухватиться за сиденье, пристёгивая ремень безопасности.

— Почему ты заговорил про это заклинание? — поинтересовалась Инна. — Ты его уже проводил? Кого ты хотел окружить водой и с какой целью?

— Слишком много вопросов, — процедил Мартин.

— Куда мы едем? — спохватившись, спросила она, обнаружив, что они проехали поворот, ведущий к посёлку, где находился дом Розенберга.

— Ко мне, — невозмутимо ответил он. — А что? Есть возражения?

Инна пожала плечами. Мартин не впервые вёл себя непредсказуемо. Он перестал настаивать на том, чтобы она переехала к нему, но это был лишь вопрос времени, оставшегося до свадьбы.

Шталь жил в квартире-студии не слишком далеко от центра города. Как казалось Инне, здесь всё отражало его самого: оттенки в интерьере, сочетание классики и модерна — оформляющий обстановку дизайнер наверняка был приверженцем эклектики. Ей здесь нравилось, и всё же мысль о том, что скоро придётся поселиться в этой квартире, была немного пугающей.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне про то заклинание, — произнесла Инна, когда они вошли в квартиру. — Почему ты вспомнил его при Веронике? Чего она испугалась?

— Думаю, твоей подруге нечего бояться...пока, — загадочно ответил Мартин и тут же сменил тему. — Хочешь чего-нибудь? Кофе, сока... меня? — приблизившись, добавил он.

— Расскажи мне, что всё это значит! — чуть более требовательно проговорила Инна.

— Можешь просто немного помолчать?

В следующую секунду он буквально заткнул ей рот жадным поцелуем, одним движением притянув к себе. Инна не смогла бы его оттолкнуть, даже если бы захотела. Дыхание перехватило, и она негромко застонала, когда Мартин укусил её за губу почти до крови. Затрепала, разрываясь, ткань блузки. Он не соблазнял — он просто брал то, что хотел взять. Решительно, грубовато и бесцеремонно. Так же, как он делал и всё остальное. Утверждая свою власть над ней и демонстрируя ту непонятную злость, которая овладела им после их встречи с Вероникой. Но это, чёрт возьми, того стоило.

Глава 51

Три недели спустя

Дарий

— Пять жалоб! Понимаешь ты, что это значит?! Целых пять жалоб, — повторил Фогль, возмущённо потрясая зажатými в пальцах печатными листами.

Начальник уже минут двадцать расхаживал вдоль и поперёк кабинета, повторяя одно и то же. На Дария Княжевича, специалиста Магического Надзора, было написано пять жалоб. Все они легли на стол Аркадия Фогля, и сейчас он выкроил время для того, чтобы отчитать своего непутёвого подчинённого. Такое, разумеется, случалось и раньше, но не слишком часто. К тому же, столько жалоб подряд даже для молодого специалиста МН — это уже слишком.

— Эти люди пишут, что ты нападал на них в процессе ареста! — выпалил Фогль и снова взмахнул листками, один из которых выпал из его толстых пальцев и, покружившись, лёг на пол. — Причём, даже не боевыми заклинаниями! Ты их просто-напросто избил! И сам, между прочим, остался с синяками! Этого даже амулеты не могли скрыть, к твоему сведению! Велимира — и та пришла в ужас! Ты ей почему-то нравишься, и она за тебя волнуется! — добавил начальник, и было непонятно, что из этого его больше злит — жалобы или явная симпатия секретаря к Княжевичу.

— Ну и что? — стараясь оставаться невозмутимым, проговорил Дарий и, дотянувшись, поднял с пола упавший листок. Прочитал несколько строчек и не смог удержаться от усмешки. Кое-какие сравнения ему могли бы даже польстить.

— Я не вижу здесь совершенно ничего смешного! — снова взорвался Фогль. — Нельзя же так буквально понимать выражение «добро с кулаками»! Вести себя надо корректно!

— Могу я кое-что уточнить? — прервал его Княжевич, бросая листок на стол и выпрямляясь на неудобном стуле. — Некоторые из тех, кто подал эти жалобы, решили принести в жертву демону тринадцатилетнюю девочку, и, если б я там не появился, они бы довели дело до конца. И с ними я должен был вести себя корректно? Вежливо предложить им проследовать в машину? Может, извиниться за то, что помешал, а?

— Зато ты буквально вышвырнул их на улицу и отлупил до потери пульса! Все журналисты сбежались! Мог бы просто передать их инквизиторам, чтобы не пачкать руки.

— Инквизиторская темница — слишком мягкое наказание для них, — отозвался Дарий.

— Ну, тебе лучше знать, — разводя руками, отозвался начальник. — Но мне надоели все эти жалобы. Может, тебе просто нужен отпуск? Хотя, разве те три месяца не были возможностью отдохнуть от работы? Ещё и Велимира тебя навещала.

— Может, просто нужно, чтобы мне не мешали работать, — проговорил Княжевич, поднимаясь с места и направляясь к выходу из кабинета.

— Или тебе следовало бы думать о чём-то, кроме личной жизни, — сказал ему в спину Фогль. — Я жду отчёт по твоему текущему делу. Сегодня же.

Ничего не ответив, Дарий вышел из кабинета, постаравшись не слишком сильно хлопнуть дверью. Последние слова начальника были полны сарказма. Княжевич до сих пор злился, вспоминая, что Фогль стал свидетелем его разговора с Вероникой.

Последнего разговора. Она сказала, что собирается вернуться в Лондон в этот же день, а затем просто уехала. Исчезла, ни слова не сказав о том, что связывает её с тем британским магом, которого не было на этом чёртовом юбилее.

За то недолгое время, что Вероника была в городе, у них так и не получилось никакого связного разговора. Им постоянно кто-то мешал, а тут ещё эта мутная история с анонимным письмом. Дарий видел это письмо и не сомневался, что автор у него тот же, что и у того письма, которое Веронике прислали в тот день. Но кто это мог быть? Один из студентов, которого занесло в университет в каникулы? Или кто-то из преподавателей? Почему он решил назвать имя второй свидетельницы?

Бросив взгляд на часы, Княжевич решил, что отчёт вполне может подождать до завтра. Фогль, конечно, будет готов лопнуть от гнева, но это его проблемы. Взяв свои вещи, Дарий направился к выходу и в коридоре столкнулся с Велимирой. Встреча была нежелательной. Вишневская в последнее время снова возобновила свои попытки пригласить его к себе. Кроме того, она вполне могла тут же направиться к начальнику и доложить тому, что отчёта ему сегодня не видать.

Но, судя по всему, Велимире сегодня было не до него. Проходя мимо, она лишь едва взглянула на Княжевича, полностью поглощённая разговором по мобильному телефону. Выражение её лица казалось взволнованным и несколько озадаченным. Ей явно не хотелось, чтобы он услышал обрывки её телефонного разговора. Дарий уже не впервые задумался, а что он вообще знает об этой молодой женщине — только то, что у неё привлекательная внешность, дорогая мебель в квартире и чья-то влиятельная протекция, позволившая не самой способной ведьме устроиться в МН?

Взяв себе на заметку хорошенько понаблюдать за Велимирой, Княжевич вышел из здания и поморщился от ударившего в лицо сильного ветра. В воздухе мельтешили колючие снежинки. Погода решила отомстить за позднее начало зимы, и с каждым днём становилось всё холоднее.

Дарий сел в машину, и его мысли вернулись к Веронике. Все эти дни, прошедшие с её отъезда, он упорно заставлял себя не думать о ней. Иногда это получалось, временами не очень, и, если для этого ему требовалось напиться или набить кому-нибудь морду, он не возражал. Жаль, что этим кем-то не оказывался Мартин. Пока не оказывался, поскольку после того случая в баре они не встречались.

Мысли о Веронике заставляли Княжевича злиться, ревновать и мучиться непониманием её молчания. Он до сих пор не знал, заставил ли её старший Воронич, получивший право опекуна до достижения ею двадцати одного года, уехать в Англию, или же это было самостоятельное решение? Может быть, она просто боялась оставаться в городе, пока Дария не было рядом? Учитывая, что девушка едва не погибла на празднике накануне первого дня в университете, который обернулся для Вероники тем, чего она больше всего боялась. На её долю за несколько летних недель выпало слишком много всего, даже более взрослому человеку сложно было бы с этим справиться, а ей всего девятнадцать.

Но почему Вероника не могла всё ему рассказать? Дарию казалось, что за то время, что они были вынуждены провести, почти не расставаясь, она начала ему полностью доверять. Более того — ей больше некому было доверять, кроме него. Её подруга и соседка по комнате оказалась дочерью убийцы, приёмные родители слишком далеки от магического мира, а, что касается обрётённых родственников, то Александр Владимирович не из тех, кто заслуживает доверия. Сломать людей, подчинить собственной воле, сделать действующими лицами в

изошрённой игре — вот его стиль, и за долгие годы жизни Воронича лишь одна из родственниц смогла бросить ему вызов.

А заодно и Розенбергу... Да, недавно Княжевичу удалось узнать то, что он не успел сообщить Веронике при встрече. Именно с Карлом Розенбергом когда-то была помолвлена её мать. Намечалось выгодное объединение двух семей. У старшего Воронича наверняка имелись грандиозные планы на их общее будущее. Но всё это пошло коту под хвост, когда невеста решила взять в руки свою жизнь и сделать собственный выбор. Она нашла в себе мужество, чтобы пойти против своей семьи, условностей и законов, но именно эта решимость действовать по-своему в конечном итоге стоила ей жизни.

А Вероника оказалась ещё одной жертвой в этой истории. Но куда хуже, если б она попала в руки инквизиторов, которые начали бы ставить над ней свои опыты. Именно для того, чтобы не допустить этого, Дарий и решился пойти в темницу вместо неё, и сейчас он не жалел об этом, несмотря на всю свою злость и неприятную растерянность, которую почувствовал в тот момент, когда она сказала, что уезжает.

Княжевич не хотел привязываться к ней. Не хотел привязываться ни к кому, потому что это помешало бы достижению цели — найти тех, кто лишил его семьи, и отомстить им, неважно, законным способом или нет. К тому же, он и так слишком часто терял тех, кого любил. Сначала родителей, затем человека, который заменил ему отца. Дарию совершенно не хотелось пережить это ещё раз. Как и то мгновение, когда ему казалось, что Вероники вот-вот не станет, и всё по вине Мартина с его проклятой охотой за тем ключом!

Княжевичу было неприятно вспоминать о том, что он сам приложил к этому руку. Вероника могла оставить ключ в квартире, но он надел его ей на шею. Хотел узнать, кто им заинтересуется. Мог бы и раньше догадаться, что Шталь не пройдёт мимо. Но кто знал, что он в городе, а эта девица, дочка Розенберга, захочет его познакомить с соседкой по комнате?

Таким образом, Мартин увидел ключ, а Вероника, не желаящая с ним расстаться, приобрела нового врага. Судя по расспросам в баре, ключом Шталь ещё не завладел. Пожалуй, Мартин её недооценивал, — несмотря на свой страх и окружающую со всех сторон неизвестность, Вероника не стала бы так просто расставаться с вещью, к которой ей потянуло в первую же минуту.

С Мартином, несомненно, требовалось поговорить, но пока Дарий решил отложить все дела, кроме насущных рабочих вопросов и задачи, поставленной перед ним Верховным Инквизитором. Не то, чтобы Княжевич боялся, что тот вернёт его в камеру, но в этом деле имелся также свой интерес. И не один.

Остановив машину возле дома, где они обычно встречались с информатором, Дарий вышел и, осмотревшись, направился к скрытой за старым грузовиком двери. Двор был завален сугробами, и лишь узкая цепочка следов, ведущая к входу, указывала на то, что недавно здесь кто-то прошёл. Неуютный нежилой дом. Но всё же, когда Княжевич постучал в дверь, и ему открыли, из прихожей повеяло теплом.

Через несколько минут Дарий вышел из дома и, сев в машину, ещё некоторое время задумчиво рассматривал зимний пейзаж. Подозрение подтвердилось, но он не мог сказать, что это его обрадовало. Следует ли Верховному Инквизитору узнать такую правду?

Ещё некоторое время поразмышляв, Княжевич решительно завёл мотор и поехал в один из пригородных посёлков.

Глава 52

Дарий

Отложив мобильный телефон, Дарий сверился с показаниями навигатора, которые подтверждали, что он движется в правильном направлении. Дорога была почти пустой, поэтому путь не занял много времени. Но возле старого заброшенного склада уже стояла другая машина, и это означало, что человек, с которым он собирался встретиться, приехал раньше. Княжевич ещё раз проверил, взял ли с собой зачарованные наручники, лишаящие того, на кого надеты, возможности пользоваться магией. Сегодня они должны ему пригодиться.

Ощущение, когда он шёл к зданию, было довольно странным и не слишком похожим на привычные эмоции при выполнении его работы. Сейчас в нём присутствовало куда больше адреналина и решимости довести дело до конца. Дарий уже давно искал возможности подобраться к этому человеку, и вот теперь ему выпала такая возможность.

Несколько выбитых окон пропускали свет, но полупустое помещение, где он оказался, выглядело мрачным, тёмным и мерзким. Здесь витал неприятный запах, но ещё хуже была сгустившаяся атмосфера беспроглядного мрака, затаившейся опасности, неотвратимого приближения чего-то плохого, застарелого страха и боли. Атмосфера самой смерти.

Княжевич успел сделать лишь несколько шагов, когда навстречу ему вышел тот, для разговора с кем он и приехал сюда. Карл Розенберг был одет в строгий чёрный костюм и, казалось, ещё не полностью успел выйти из образа успешного бизнесмена, уважаемого декана Университета Магии и любящего отца. Но эти маски постепенно слетали с него, и лицо мужчины приобретало довольное и хищное выражение.

— Неужели ты, в самом деле, приехал сюда один? — проговорил Розенберг, глядя на захлопнувшуюся за спиной Дария дверь. — Совсем один? Ты ещё глупее, чем я думал.

— С какой целью ты убил предыдущего декана университета? — спросил Княжевич.

— К чему начинать сразу с этого? — поморщившись, отозвался собеседник. — Ты ведь хотел напомнить мне о куда более далёком прошлом, не правда ли? Как много ты знаешь?

— Я знаю, что больше двадцати лет назад ты был помолвлен с девушкой по имени Мелина. Родственники обещали тебе её руку, и долгожданное объединение ваших семейств было на руку всем их представителям. Но она разрушила все ваши планы, влюбившись в другого и разорвав помолвку. И в кого? Не в мага, даже не в обычного человека, а в инквизитора! Какое это поражение для тебя, не правда ли? — произнёс Дарий, приподнимая брови. — Родственники пытались надавить на неё, но она оставила их и уехала с ним, даже не назвав никому его имени.

— Но я узнал правду, — процедил Розенберг, отворачиваясь.

— Именно. Ты не мог потерпеть такого оскорбления и разрушения построенных планов. Инквизитор тогда был молод, он хотел оставить своё предназначение и просто жить с любимой, не желая причинять ей новых неприятностей. Когда он отправился в город, чтобы уладить все вопросы, связанные с его увольнением, он собирался вернуться к ней. Но ты нашёл его.

— Я должен был сразу его убить, — с заметным сожалением в голосе добавил Карл

Карлович.

— Он выжил, но оказался в плену. Большинство наших заклинаний не действуют на инквизиторов, потому что эти люди обладают противостоящей силой — антимагией. Но тебе так хотелось навредить ему, что ты нашёл запрещённые чары и способы всё же воздействовать на инквизитора с помощью магии. Кроме того, ты мучил его и другими методами. Держал взаперти, морил голодом и жаждой, бил, пытал. Тебе хотелось заставить его страдать. Когда же нашлись нужные средства, ты сделал так, чтобы он забыл обо всём, кроме того, что он — инквизитор, для которого нет ничего, что было бы важнее долга. Он забыл девушку, которой обещал вернуться. Он забыл, что хотел прожить с ней всю свою жизнь. Он забыл и о том, что был у тебя в плену. Но со временем эти воспоминания постепенно начали к нему возвращаться. Он вернулся в Инквизицию, думая, что просто болел некоторое время, и с новыми усилиями взялся за свою работу. Его жизнь началась с чистого листа, и, если б не сны, которые начали приходить и мучить его, он никогда бы не осознал, что упустил нечто важное в своей жизни. Эти сны заставили его понять: в прошлом осталось тёмное пятно, куда ему пока нет полного доступа. С тех пор он больше всего хотел просто вспомнить всё.

— Ты очень интересно рассказываешь, — хмыкнул Розенберг. — Книги писать не пробовал? Какие у тебя есть доказательства?

— Страница из блокнота, куда человек, у которого ты купил чары, записывал имена тех, кому они были нужны. Сначала я подозревал старшего Воронича, которого тоже не обрадовало поведение племянницы, но, когда узнал, что именно с тобой она была помолвлена, всё встало на свои места. Теперь я знаю правду.

— Чего же ты хочешь? Отдать меня Инквизиции? Знаешь, сколько раз я избегал темницы? А тебе, как я слышал, этого сделать не удалось. Бедный маленький маг, — издевательским тоном произнёс он. — Что же касается декана университета, то кто будет волноваться о судьбе этого труса, смерть которого, к тому же, признали вполне естественной? Почти всех свидетелей я уже уничтожил.

— Почти? — похолодев, одними губами спросил Дарий.

— Да, осталась только эта твоя девчонка, которая убежала в Англию, но это лишь вопрос времени. Надеюсь, ты успел попрощаться? Я бы не узнал о ней, если б не это анонимное письмо в МН.

— Откуда тебе стало известно о письме?

— У меня везде свои люди, — дёрнув плечом, ответил Розенберг. — Как бы то ни было, а я нашёл автора этого письма. Он мне больше не помешает.

Тон был настолько уверенный и спокойный, что от этого становилось не по себе. Розенбергу не впервой убивать свидетелей. Он делал это так же легко, как перешагивал через трещины в асфальте.

— Хорошо ещё, что та девчонка не подтвердила слова из письма на допросе, — продолжал Розенберг. — Мне не хотелось бы убивать кого-то, к кому моя дочь хорошо относится. Но иногда нет выбора, а Инна об этом не узнает.

— Так по какой всё же причине ты убил его? — повторил Княжевич.

— Видишь ли, он не верил в Исключительную Власть. В мою Исключительную Власть. Мне хотелось бы, чтобы уже в университете молодые маги получали то воспитание, которое я хотел им дать, а кто бы помог в этом лучше, чем декан? Но он не захотел работать со мной, начал трепыхаться, вот и пришлось от него избавиться. Зато мне удалось занять его место,

так что всё получилось ещё лучше.

— Исключительная Власть над всеми магическими существами? — не поверив своим ушам, переспросил Дарий. — Это же всего лишь миф! Старая история, которую никто не принимает на веру. У тебя просто комплекс Наполеона. И ради этого ты убивал людей и всё больше нарушал равновесие в магическом мире?

— Это не миф! — почти прорычал Розенберг, полностью теряя свой лоск бизнесмена, мецената и цивилизованного человека. — Однажды власть должна сосредоточиться в руках одного мага. Этим магом могу стать только я!

— Сомневаюсь, — пожав плечами, ответил Княжевич.

— Напрасно, — резко бросил собеседник.

В следующее мгновение Дарий ощутил, что в его черепе взорвалась острая боль. Колющий шар разрастался, грозя заполнить всё тело полностью, не оставив места никаким другим ощущениям. Это разрывало изнутри, как дикий зверь, когтями, зубами и колоссальной энергией чёрной и злой магии.

Происходящее не было обычным боевым заклинанием. То, чем воздействовал на него Розенберг, являлось чем-то другим, и с этим Княжевич раньше не сталкивался. Чем-то сильным и невыносимым.

Его ноги подкосились, и Дарий тяжело рухнул на землю, успев краем глаза заметить движение направлявшегося к нему мужчины, перед тем, как густая темнота затопила его полностью, отделяя сознание от всего происходящего. Когда он очнулся, то обнаружил себя лежащим на полу уже в другом помещении. Боль в голове всё ещё оставалась, но уже обычная, вызванная резким ударом при падении. Он понятия не имел, как Розенбергу удалось его сюда перетащить. Повернув голову, Княжевич с ужасом увидел лежащего рядом человека, который показался смутно знакомым. Кажется, они виделись совсем недавно. Молодой человек был бледен, глаза закрыты, дыхания не слышалось.

— Ты не сможешь ему помочь, — произнёс голос Розенберга, когда Дарий попытался привстать и потянуться ко второму пленнику. — Он уже мёртв. Не следовало ему писать это письмо. Надеюсь, он не рассказал ничего своей невесте. Не хотелось бы лишиться Воронича сразу двух внучек.

Воспоминание о юбилее старшего Воронича выплыло из глубины памяти, и Княжевич понял, что видел этого юношу там. Он был вместе с внучкой Александра Владимировича. Артур, её жених.

— Странно, что ты ещё жив, — добавил Розенберг, появляясь в поле его зрения. — Тебя неплохо тренировали там, в МН. Ценный специалист, не так ли? Позволь принести тебе свои соболезнования, кстати. Ты только что потерял второго начальника.

— Второго? — переспросил Дарий. — Фогль? Что ты с ним сделал?

— Он стал требовать слишком многого за работу на меня, — проговорил собеседник, обводя хмурым взглядом голые стены помещения, в котором они находились. — Я попросил Мартина с ним разобраться сегодня же. Он даже заклинания не стал на него тратить — воспользовался обычным оружием.

— Так Фогль на тебя работал, — осмысливая услышанное, произнёс Княжевич. Его начальник был мёртв, и произошло это потому, что он предал МН и законы, которым должен был служить. — Кто ещё?

— Велимира, моя девочка, которая исправно скрашивала твоё пребывание в темнице. Я надеялся, что она лучше сможет вытягивать из сотрудников МН нужные мне данные, чем

Фогль, которому ты не особо доверял. Но ты не поддался на её уловки, а жаль, многое упустил.

Его слова звучали так буднично, словно они просто встретились на каком-нибудь приёме. Дарий вспомнил, как вела себя Велимира, когда Карл Розенберг проходил мимо на том торжественном мероприятии, где она составляла Княжевичу компанию сразу после того, как он вышел из темницы. Она ничем не выдавала себя тогда — в самом деле, оказалась неплохой актрисой.

— Что-то я заболтался с тобой, — проговорил Розенберг, снова входя в привычный образ и поправляя рукава пиджака. — Я обещал поужинать сегодня с дочерью и её женихом, нужно многое обсудить перед свадьбой. Прощай.

Сощутив глаза, Розенберг посмотрел куда-то вверх. Его узкие губы шевельнулись. Он произносил заклинание.

Развернувшись, Карл Розенберг вышел, его шаги стихли, и до ушей Дария донеслись звуки разгорающегося огня. Вызванное заклинанием пламя, казалось, не имело чёткой локализации, вспыхивая одновременно повсюду. Уходя, маг решил попросту сжечь всё здание, а заодно и тех, кто в нём оставался, стирая прозвучавшие здесь слова, уничтожая доказательства своих преступлений и замата за собой следы.

Глава 53

Дарий

На заклинание, с помощью которого можно было бы попытаться погасить пламя, требовалось много энергии, но её не было. Дарий взял себе на заметку узнать, какую магию применил Карл Розенберг. Интуиция подсказывала, что с этим методом ещё придётся столкнуться.

Если он останется жив сегодня.

Огонь с угрожающим треском поднимался выше, охватывая всю большую территорию. Будь этот пожар обычным, он бы не смог распространиться так быстро, пожирая не только дерево, но и другие материалы. Однако это было воздействие злой магии, направленной на разрушение и гибель всего живого.

Перекатившись в сторону, Княжевич начал подниматься на ноги, что удалось только со второй попытки. Огонь бушевал уже в непосредственной близости от него, и падавшая сверху балка едва не придавила его обратно к полу. Пиджак загорелся, и, торопливо стаскивая его, Дарий почувствовал острые вспышки боли от ожогов. Он не помнил, где его пальто, — должно быть, оно осталось в машине. На то, чтобы определить, где он находится, и найти выход из здания или хотя бы окно, оставалось всего несколько минут, если не секунд.

Огонь разгорался почти без дыма, и, воспользовавшись этим, Дарий побежал в ту сторону, куда ушёл Розенберг. Там обнаружилась приоткрытая дверь, за которой находился коридор. Окон не оказалось, но здание было одноэтажным, и это значило, что где-то недалеко находилась дверь на улицу.

В следующие мгновения Княжевич бежал по коридору, а пламя за спиной настигало его, не желая выпускать близкую добычу. Казалось, что за ним гонится какое-то гигантское живое существо, напоминающее разъярённого дракона, дышащего огнём. Наконец-то дверь! Дарий толкнул её, но та оказалась заперта. Он метнулся к окну с выбитым стеклом и в тот момент, когда выбирался из здания, услышал резкий звук пожарной сирены.

Спрыгнув в сугроб, Княжевич пошатнулся, но всё же удержался на ногах, затем наклонился, чтобы опустить в снег обожжённые руки, что только вызывало новый приступ боли. Глядя на следы ожогов, он постепенно осознавал, что жив. Ему удалось спастись. Но он не сумел помочь этому мальчику, которого лишь недавно видел в особняке Воронича. А Фогля убил Мартин, и, зная Шталя, можно с уверенностью сказать, что тот позаботился о своём алиби.

Дарий заметил подъезжавшую к зданию машину, которая могла бы сойти за полицейскую, но он знал, что это служебный автомобиль инквизиторов. Выходит, Верховный Инквизитор всё же получил сообщение, которое Княжевич отправил по дороге сюда. Теперь этот человек знал, кого нужно искать.

Инквизиторы направились прямо к нему, и через некоторое время Дарий, забрав из своей машины пальто и другие нужные вещи, уже находился в их автомобиле. Из сказанного ими он узнал, что Верховный Инквизитор уже направил людей на поиски Розенберга, но пока не поступило никакой информации о том, вышел ли кто-нибудь на его след. Княжевич

надеялся, что тот со свойственной ему самоуверенностью решил, будто находится в безопасности, поэтому не стал прятаться. Тем не менее, не следовало забывать о том, сколько раз Карлу Розенбергу удавалось выходить сухим из воды.

В офисе Инквизиции, куда его привезли, Дария осмотрел штатный врач, обработал ожоги какими-то мазями, перевязал их и заявил, что пациенту ещё повезло. Княжевич и сам так считал. Ему повезло, что он не умер от магии Розенберга и сумел выбраться из огня, вызванного магическим воздействием, поэтому гораздо более сильного, нежели обычный пожар. Но он был зол на себя за то, что ему не удалось выполнить задуманное и арестовать Карла Карловича. Поэтому, когда врач покинул кабинет, и в него вошёл Верховный Инквизитор, первые слова Дария были о том, что он хотел бы принять участие в ведущихся поисках.

— Лучше будет, если останетесь здесь, — проговорил Верховный Инквизитор. Он в своей чёрной одежде выглядел всё таким же собранным и невозмутимым, каким был обычно, но за этим его поведением прорывалось беспокойство и нетерпение. — К тому же, вы ещё плохо себя чувствуете, — добавил он, скользнув взглядом по белоснежным бинтам на руках Княжевича.

— Я в порядке, — ответил Дарий. Прозвучало это фальшиво, будто в типичном диалоге из американского фильма. — Сейчас главное — найти Розенберга, пока не сбежал.

— Мои люди умеют находить магов, — холодно отозвался Верховный Инквизитор. — Мне по-прежнему нужна от вас информация. В своём сообщении вы назвали только его имя и общие детали, а мне необходимо узнать подробности.

— Это были чары забвения, как я и думал, — произнёс Дарий, отворачиваясь к окну, за которым уже почти стемнело. — Запрещённые, редкие, снять их крайне сложно. Постепенно ваша антимагия начала сопротивляться им, и тогда появились эти сны. Что же касается Карла Розенберга, то он умеет убивать людей быстро, но, судя по всему, не всегда к этому стремится. Меня он собирался сжечь заживо. Вас же предпочёл держать в плену, морить голодом и пытаться. Когда ему это надоело, он выпустил вас, заставив забыть обо всём, что случилось.

— У меня есть возможность всё вспомнить?

— Да. Если вы этого захотите. Я выяснил, как.

— Когда я смогу это сделать?

— Думаю, лучше выбрать специальный день, желательно в полнолуние, — отозвался Княжевич.

— Только что стало известно, — произнёс собеседник, потирая лоб. — Ваш начальник Аркадий Фогль... Его больше нет.

— Что с ним случилось? — спросил Дарий, слишком уставший для того, чтобы изображать удивление.

— Он покончил жизнь самоубийством. Застрелился. Была найдена предсмертная записка.

Весьма похоже на Мартина Шталя. Когда Фогля обнаружили, он наверняка был уже далеко. Заключал сделки в офисе Розенберга, плавал в бассейне в спортклубе или гулял по магазинам со своей невестой.

Княжевич вспомнил магические ловушки, на которые они с Вероникой натолкнулись, когда отправились на поиски амулета её матери. Кто их расставлял — Фогль, Мартин? Или же их оставила Мелина, когда прятала амулет?

— Я сожалею, — произнёс Верховный Инквизитор.

— Фогль работал на Розенберга. Я не доверял ему. По-настоящему я мог доверять только тому, кто был до него, — добавил Дарий, и отзвуки старой боли снова начали оживать в нём.

— Я знаю, — удивив его, сказал собеседник. — Очень хорошо помню того человека. С ним можно было работать. Когда его не стало... — выдохнул он, но замолчал, не договорив фразу. — Чего добивался Розенберг?

— Ему заморочил голову миф об Исключительной Власти, когда в руках одного могла бы сосредоточиться власть над всеми магическими существами, — ответил Княжевич. — Вы могли о нём слышать. Маги вообще очень любят власть. Но мы думали, что времена изменились, а маги стали более цивилизованными и научились договариваться между собой. Оказалось, не все. Чтобы держать под своим влиянием Университет Магии, Карл Розенберг убил прежнего декана. Также он подкупил Фогля и, возможно, кого-то из ваших подчинённых тоже.

— Я этим займусь, — отозвался Верховный Инквизитор, но было заметно, что его мысли занимало другое. — Об этом я уже думал. Кто-то ещё в МН с этим связан?

— Женщина, которую Розенберг туда устроил, — произнёс Дарий, нехотя вспоминая, как Велимира целовала его.

— Неприятная история, — проговорил собеседник, переводя взгляд синих глаз на лицо Княжевича. — Такого больше нельзя допустить. Когда вы встанете во главе Магического Надзора, вам придётся этим заняться.

— Я? — переспросил Дарий, и Верховный Инквизитор усмехнулся при виде отразившейся на его лице растерянности.

— А кто же ещё?

— Не думал об этом, — признался Княжевич. — Ведь в МН есть специалисты старше меня. У них больше опыта и...

— Иногда это не главное, — мягко произнёс сидящий напротив него человек. — Когда я стал Верховным Инквизитором, тоже был молод. Поэтому я буду поддерживать вашу кандидатуру, если уж Инквизиция и Магический Надзор должны эффективнее работать вместе.

— Спасибо, — ответил Дарий, осмысливая его слова.

— Вы знаете, что я должен вспомнить? — неожиданно спросил Верховный Инквизитор.

— Я знаю также то, что было дальше, — проговорил Княжевич, в очередной раз пытаясь решить, каким образом ему поступить с этим. Как человек, посвятивший значительную часть жизни службе в Инквизиции, отнесётся к тому, что у него есть дочь, рождённая ведьмой? Юная, способная, единственная в своём роде, несмотря на то, что признаки антимагии в ней пока не обнаружились. Может быть, Верховному Инквизитору просто не следует об этом знать? Возможно, и для Вероники так было бы лучше.

Телефон на столе издал громкий звук, и собеседник потянулся к трубке.

— Судя по всему, им удалось выйти на след Карла Розенберга, — произнёс он, выслушав сообщение. — Я давно этого не делал, но, думаю, нам с вами уже пора его арестовать. Идём?

Они покинули кабинет, проследовали по коридору и вышли в пахнущий морозом вечер.

Эпилог

Вероника

Я торопливо собиралась в университет, где намечался окончательный выбор будущей специализации. Откладывать дальше было нельзя. Наступил один из самых важных и непростых моментов, который делал нас гораздо ближе к старшекурсникам и будущим специалистам в разных областях магии. Мы с Шейлой готовились к этому довольно тщательно, даже придумали речи на случай, если придётся их сказать. Я побаивалась, что от волнения забуду или сами слова, или и вовсе английский язык.

— Шейла уже здесь! — сообщил Тео, заглядывая в приоткрытую дверь моей комнаты.

— Скажи ей, что я сейчас, — отозвалась я, заметив его одобрительный взгляд, направленный на моё новое платье из плотного, но приятного на ощупь бирюзового материала.

— По-моему, мы не опаздываем, — заметил он. Тео хотел сегодня отвезти нас в университет и присутствовать на торжественном мероприятии, посвящённом тому, что все студенты нашего курса определились со своими целями. Я не возражала.

Мысли обратились к недавним событиям. К тому, что произошло за недолгое время, пока меня не было в Лондоне. Поездка на юбилей Воронича обернулась неожиданной встречей с Дарием, домашним арестом, допросом в МН, встречей с Инной и Мартином. Теперь я знала, что это он в тот день напугал меня в электричке. Шталь всё ещё хотел получить от меня ключ.

Покидая город, я надеялась хотя бы ещё раз увидеть Княжевича. Должно быть, только в фильмах бывают эпизоды, когда главный герой догоняет героиню в аэропорту, не позволяя ей уехать, но, зная это, я всё равно продолжала искать его глазами, когда Регина и водитель Воронича провожали меня на самолёт. И правда, чего я ждала, если Дарий имел полное право думать обо мне не лучшим образом после того, как он оказался в темнице, а я согласилась на помолвку и ничем ему не объяснила этот свой поступок?

В оставшиеся дни каникул я почти никуда не выходила. Наверное, все истории первой любви заканчиваются именно так — когда ты бессильной разбитой куклой лежишь на кровати, глядя в одну точку и перебирая в памяти фрагменты прошлого, будто мечешься в лабиринте из отчаяния и пустоты. Я упорно винила во всём только себя, и это выжигало изнутри, лишало аппетита и желания что-либо делать. Все мои дополнительные занятия на ближайшее время были отменены. Тео, Шейла и миссис Лукас беспокоились за моё здоровье, но я категорически отказывалась идти к врачу, встречаться с магом-целителем или надевать какие-либо амулеты, потому что знала, что всё это не поможет.

Я помнила, как однажды в мою комнату вошёл Тео и, когда я никак не отреагировала на его появление, осторожно сел на край кровати.

— Как ты? Я приготовил для тебя горячий шоколад, — проговорил он.

— Спасибо, — ответила я, поворачиваясь к нему и пытаясь собрать в пучок растрёпанные волосы. — Не стоило тебе беспокоиться. Всё нормально, я просто устала.

— Я до сих пор не знаю, что случилось и почему ты в таком настроении. Но хочу что-то сказать. Ты позволишь мне помочь тебе? — спросил Тео. — Я тут уточнил кое-что, —

добавил он, и выражение его лица стало смущённым. — Думаю, я смогу это сделать.

Я пожала плечами и задалась вопросом, отражается ли на нём моё состояние. Может быть, следовало предложить ему снять наши кольца. Это было бы правильно, учитывая, что я в эти дни вообще практически никому на глаза не показывалась, даже встреч с Шейлой избегала.

Тео мягко притянул меня к себе. От неожиданности этого жеста я не оттолкнула его. У него были тёплые руки, а от волос хорошо пахло. Я зажмурилась, уткнувшись носом в его плечо, а он осторожно погладил меня по волосам. Тео что-то прошептал, и я почувствовала, как в меня переливается его энергия.

В том, что он отдавал мне, было тепло летнего дня, солнечный свет, пробивающийся сквозь зелёную листву, звонкий смех, запахи луговых трав, тёплое синее небо. Были качели, когда раскачиваешься на них сильно-сильно и закрываешь глаза, слушая ветер, когда кажется, будто летишь выше деревьев, выше домов, выше облака, похожего на слона в кепке. Было волнение, когда идёшь из библиотеки с полной сумкой книг, и в каждой ещё не открытая тайна. Первая снежинка на варежке и первая зелёная травинка — храбрая, на ещё холодной земле. Живая музыка — как смех, как дождь, как бабочки в животе, как перезвон колокольчиков. Ароматы пряностей и чая. Ромашковое буйство, разбавленное многоцветьем ещё каких-то неизвестных ботанике растений. Полная луна, которая то превращается в огонёк и ложится на ладонь, то увеличивается, закрывая собой весь вид за вечерним окном. Густой лес, населённый сказочными существами. Старый город с качающимися фонарями и мощёными брусчаткой мостовыми. Белые перинки облаков, — непонятно, у ног они или над головой. Уютный дом с выглядывающей в окно рыжей кошкой. Утопающая в траве дорога.

Ко мне возвращались самые тёплые воспоминания, включая те, когда Дарий возвращался с работы, а затем мы готовили ужин и разговаривали о том, что я успела прочитать за день. Память о моих пальцах в его ладони была почти ощутимой и больше не причиняла боли. Всё это заставляло меня оживать, будто просыпаясь, медленно выбираться из липкой паутины тоски, в которую я с каждым днём погружалась всё сильнее, снова наполняясь силой для того, чтобы радоваться, улыбаться, бороться, надеяться, ощущать себя живой.

Я не знала, сколько прошло времени, но вскоре я уже пила горячий шоколад, впервые за последние дни по-настоящему чувствуя вкус напитка. Тео удалось спасти меня от моих собственных тяжёлых эмоций, поделившись своей энергией, теплом, силой, и я была ему за это благодарна. Но продолжала любить Дария и знала, что едва ли когда-нибудь перестану скучать по нему.

Каникулы закончились, я вернулась в университет, и дополнительные занятия также возобновились. Я по-прежнему старалась быть занятой, наверстать упущенное, узнать как можно больше. Шейла была очень рада тому, что я снова могла составлять ей компанию в прогулках по городу и многочисленным магазинам в свободное от учёбы время.

Я всё ещё оставалась фиктивной невестой, мои знания латыни продолжали казаться недостаточно хорошими, а Мартин мог снова попытаться воздействовать на меня на расстоянии, чтобы запугать. Но я чувствовала, что стала сильнее и была готова к новым испытаниям, которые могла принести жизнь в магическом мире. Теперь я признавала его и хотела стать в нём своей.

— Так что ты в итоге выбрала в качестве специализации? — любопытствовал Тео, снова заглядывая в комнату. Он задавал мне этот вопрос уже не раз, но я отвечала, что хочу

ещё немного подумать, пока есть такая возможность. Теперь я была готова ответить.
— Магию созидания.

Больше книг на сайте — Knigolub.net